

с е т е в о й   н а у ч н ы й   ж у р н а л   ISSN 2313-8912

# НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULTS

Том 5 | № 2  
Volume 5 | 2019

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.  
ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ  
И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULTS.  
THEORETICAL AND APPLIED  
LINGUISTICS

Сайт журнала:  
*rrlinguistics.ru*

сетевой научный рецензируемый журнал  
online scholarly peer-reviewed journal



# НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

## RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций  
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл.№ФС 77-69052 от 13 марта 2017г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)  
Mass media registration certificate El.№FS 77-69052 of March 13, 2017.



Том 5, № 2. 2019  
СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ  
ЖУРНАЛ  
Издается с 2014 г.  
ISSN 2313-8912



Volume 5 (2) 2019  
ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL  
First published online: 2014  
ISSN 2313-8912

### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Остапова Л.Е.** г. кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

### ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

**Алефиренко Н.Ф.**, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

**Аматов А.М.**, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

**Багана Ж.**, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

**Вальтер Г.**, доктор филологических наук, профессор, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Философский факультет, Институт славистики, Германия

**Вишнякова О.Д.**, доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

**Воркачев С.Г.**, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, Россия

**Златев Дж.**, доктор философии, профессор, Лундский университет, г. Лунд, Швеция

**Карасик В.И.**, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия

**Клепикова Т.А.**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский федеральный государственный бюджетный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия

**Магировская О.В.**, доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия

**Огнева Е. А.**, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

**Панасенко Н.И.**, доктор филологических наук, профессор, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия

**Порхомовский В.Я.**, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

**Риё Ж.**, доктор филологических наук, профессор, университет Ниццы-Сочи Антиполис, г. Ницца, Франция

**Соколова Я.**, кандидат филологических наук, профессор, Университет Константина Философа, г. Нитра, Словакия

**Хлебда В.**, доктор филологических наук, профессор, Опольский университет, г. Ополе, Польша

**Чекулай И.В.**, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

**Шарифиан Ф.**, доктор филологических наук, профессор, Университет Монаша, г. Мельбурн, Австралия

### EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga v. Dekhnich, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: **Lyudmila Ye. Ostapova**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

### EDITORIAL BOARD:

**Alexandr M. Amатов**, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

**Baghana Jerome**, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

**Elena A. Ogneva**, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

**Farzad Sharifian**, Doctor of Philology, Professor, Monash University, Melbourne, Australia

**Harry Walter**, Doctor of Philology, Professor, University of Greifswald, Greifswald, Germany

**Igor V. Chekulai**, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia, Belgorod, Russia

**Jana Sokolova, Ph.D. in Philology**, Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic

**Jordan Zlatev**, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Lund University, Lund, Sweden

**Josiane Rieu**, Doctor of Philology, Professor, Nice Sophia Antipolis University, Nice, France

**Nataliya I. Panasenko**, Doctor of Philology, Professor, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic

**Nikolai F. Alefirenko**, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

**Oksana V. Magirovskaya**, Doctor of Philology, Professor, School of Philology and Language communication of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

**Olga D. Vishnyakova**, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

**Sergey G. Vorkachev**, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

**Tatiana A. Klepikova**, Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

**Victor Ya. Porkhomovsky**, Doctor of Philology, professor, Linguistics Institute Moscow, Moscow, Russia

**Vladimir I. Karasik**, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volgograd State National Research University", Volgograd, Russia

**Wojciech Chlebda**, Doctor of Philology, Professor, University of Opole, Opole, Poland

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher: Belgorod State National Research University  
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia  
Publication frequency: 4 /year

## СОДЕРЖАНИЕ

### ЯЗЫКОЗНАНИЕ РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Багана Ж., Разумова Л.В. Заемствования и ксенизмы в современной лингвистике: французский язык Конго	3
Вишнякова Е.А. Аббревиация как лингвокреативная деятельность	11
Дмитрова А.В., Карнюшина В.В. Речевая репрезентация стереотипов о России в детективных сериалах США	23
Королева Л.Ю. Прагматический аспект сленга в современном политическом дискурсе	32
Ляшенко И.В., Дрыгина Ю.А., Леонович Е.О. Кто такие «тожероссияне»?	42
Осинцева Т.В. Способы вербализации эмоций и эмотивный потенциал языкового знака	59
Сиротенко А.Д. Местоимение в лингвистической концепции Абеля Маттье (1520?-1572?)	67
Федуленкова Т.Н. Прагматические функции современной английской фразеологии	74

### РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Зырянова И.П. Сравнительно-сопоставительное исследование способов перевода прецедентных феноменов на русский язык в романе Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс»	84
Полетаева Т.А. Концепт «любовь» в Библии и Коране (в русскоязычном и англоязычном переводах)	95
Шевченко С.Н. Стилистические особенности редуцированных слов в поэзии (в английском, русском и итальянском языках)	108

## CONTENTS

### LINGUISTICS SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

Baghana J., Razumova L.V. Borrowings and xenisms in Modern Linguistics: Congolese French	3
Vishnyakova E.A. Abbreviation from the point of view of linguistic creativity	11
Dmitrova A.V., Karnyushina V.V. Representation of stereotypes about Russia in American detective series	23
Korolyova L. Yu. Pragmatic aspect of slang in the modern political discourse	32
Lyashenko I.V., Drygina, Yu. A., Leonovitch E.O. “Tozherossiyanе”. Who are they?	42
Osintseva T.V. Ways of emotions verbalization and emotive potential of a language sign	59
Sirotenko A.D. Pronoun in Abel Matthieu’s linguistic concept (1520? - 1572?)”	67
Fedulenkova T. N. Pragmatic functions of Modern English Phraseology	74

### SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

Zyryanova I. P. Comparative research of precedent phenomena and ways of their translation into Russian in the novel “Bridgit Joneses’s diary” by Helen Fielding”	84
Poletaeva T.A. “Love” concept in the Bible and in the Koran (in Russian and English translations)	95
Shevchenko S.N. Stylistic features of reduced words in poetry (in the English, Russian and Italian languages)”	108

ЯЗЫКОЗНАНИЕ  
LINGUISTICS  
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА  
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-1

Jerome Baghana<sup>1</sup>  
Lina V. Razumova<sup>2</sup>

**Borrowings and xenisms in Modern Linguistics:  
Congoese French**

<sup>1)</sup> Belgorod State National Research University,  
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation,  
e-mail: [baghana@bsu.edu.ru](mailto:baghana@bsu.edu.ru)  
ORCID:0000-0001-6061-3288

<sup>2)</sup> Moscow State Pedagogical University,  
Russia, 119991 Moscow, bld. 1 Malaya Pirogovskaya St.,  
e-mail: [lina.razumova@mail.ru](mailto:lina.razumova@mail.ru)  
ORCID:0000-0001-5225-0413

*Received 5 May 2019; accepted 11 June 2019; published 30 June 2019*

**Abstract.** The article discusses the problem of language contacts and their outcomes. Deviations from recognized standards which take place in the local variants of the French language are consequent upon the transfer of the structural peculiarities of local African languages into the French language. This process affects the phonetic, grammar and lexical levels. A low competence in the French language observed in the most part of African population challenges the identification of characteristic trends and regularly recurrent errors caused by various reasons. The paper focuses the two specific phenomena which result from the language contact process – borrowings and xenisms. Source languages possess numerous differences at all levels of their systems (including the presence or absence of written language, phonetics, grammar, etc.) as compared to the French language. The research considers several types of foreign word incorporation into the borrower language system. They are phonological (graphic), morphosyntactic and semantic types. The conclusion is made about the core differences between interference and borrowings; the former is a psychological process while borrowing is a process of use of elements of another language due to the reasons of social character.

**Key words:** borrowing; xenism; language contact; cross-disciplinary; bilingualism; interference; pidgin; creole language; contact-induced changes

**How to cite:** Bagana, J., Razumova, L. V. (2019). Borrowings and xenisms in Modern Linguistics: Congoese French. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (2), 3-10, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-1

**Introduction.** Franco-Congoese contact has diverse and broad linguistic outcomes. For modern linguistics, the problem of linguistic contact is both

traditional and relevant, and the study of this phenomenon in the sociolinguistic context of the Congo represents an important contribution to research into the common

problems of the variability of language and language interference. The results obtained fit into the framework of the Theory of language contact or Contact linguistics.

**Methods.** The paper represents a part of a deeper research based on traditional methods of sociolinguistic research: observation, a comprehensive functional analysis of linguistic units in speech, a comparative method, and a widely used method of thematic classification. The research also benefited from the potential of the introspection method applied.

**Results and discussions.** Vocabulary of the language is the most adaptable language component, which is in the process of constant change. Vocabulary change enriches itself, upgrades to reflect in its development the conditions of a certain historical period in the evolution of society. These phenomena do not directly relate to the language system; it can include the processes of change in the meaning of words and enriching the dictionary by borrowing words from other languages.

The problem of language borrowing became important in the recent decades due to the active development of various aspects of the language interaction. Against the background of a growing number of researches, there appeared a contradiction between traditional schemes of explaining borrowing, which developed mainly in the 19th century, and the new ideas about language processes and structure, which expanded in the second half of the 20th century. Various views on the key aspects of borrowing which occur in Russian and foreign research literature are highlighted in the work by T. G. Linnik (Linnik 1989). However, the researcher has neither identified nor analysed diametrically opposed linguistic approaches to understanding the main content of the process of borrowing. In the past few decades, the research into the processes and results of lexical borrowings has been conducted in two directions: some researchers focused on the intrasystem aspect of foreign elements coming into the borrowing language

(N.N. Amosova, L. Bloomfield, L. P. Krysin, A. P. Mayorov), while the others describe borrowing in the context of bilingualism, interlanguage contact and intersystem interaction of languages (V.M. Aristova, U. Weinreich, E. Haugen). The widely held traditional understanding of borrowing as a transition, transference, interpenetration of elements of one language into another is opposed by the explanation of borrowing as a process when language creates its own elements by its own language means through creative imitation, as well as approximate copying or structural modelling by analogy with samples from a foreign language.

The first approach was developed in the 19th century and continues to dominate at the present time. In particular, L.P. Krysin (1968) carried out this approach in his famous monograph which became the foundation for many subsequent works of Russian linguists. This approach absolutely prevails in scientific and educational literature, in modern linguistic encyclopaedic publications.

O.S. Akhmanova describes borrowing as referring to the lexical fund of other languages in order to express new concepts, to further differentiate the existing ones and to name previously unknown objects (Akhmanova 1969: 150-151).

The term “xenism” taken by D. Gautier from L. Gilbert, means, according to the latter, “a foreign word” or an unknown or rare phenomenon, the use of which is accompanied by a metalinguistic sign, such as a descriptive paraphrase or footnote at the bottom of the page, when it comes to written text. Moreover, D. Gilbert argues that xenism has nothing in common with borrowing (Guilbert 1975: 96-98).

We should note that this phenomenon has become common in the French language of the Congo. It can be observed in the following example:

*Samba s'entraînait au yéké yéké (danse congolaise).* – Samba learned to dance yéké yéké (a traditional Congoese dance).

Due to its frequent use, xenism has become a phenomenon to be reckoned with

when describing the French language of the Congo. It is a manifestation of the constant contact of two or more languages among people of the Congo, who speak and write in French. Furthermore, the influence from politicians, journalists, and writers often turns a xenism into a proper borrowing. Thus, the words *dombage* – “jumping, dancing”, *mudjulisme* – “a Satanist sect” in recent years are often used by journalists of printed mass media (Baghana 2001: 25), and it is possible to say that these words have become a part of the system of the Congolese variant of the French language.

In the thesis devoted to linguistic borrowings, Louis Deroy clarified the following differences between borrowing and xenisms. In his paper, he asserted that “in terms of the use of language at a certain point in history, i.e. synchrony, general borrowing is presented ... with numerous nuances. It is possible to distinguish two categories: peregrinisms, or xenisms – words of a foreign language, sometimes quoted, and proper borrowings, or words that have been finally assimilated. ... It is impossible to draw a clear line between these two categories. Their use changes not only in time, but also includes some vagueness, lack of distinctness that does not tolerate the tyranny of normative grammar” (Deroy, 1956: 224).

L. Deroy recognizes that there are various degrees of interpretation, the so-called *continuum* between non-assimilatable peregrinisms which preserve the form of other people’s words, and words which have been completely adapted, that is, true borrowings” (ibid: 224).

For the analysis of borrowings, traditional Lexicography can determine the boundaries within which the lexicographer works when he aims to compiling of a dictionary of a native French language. Thus, the word *immigré* – “an immigrant”, exogenous in origin for monolingual speakers, can, according to the author, quite legitimately function in various texts designed to enhance the level of its integration. The situation is obviously fundamentally different

from the one in Africa, where French is one of the languages of a bilingual and even multilingual society. During the acclimatization to the African conditions, the French language underwent complex evolutionary processes.

A.B. Edema proposed to consider the following scheme for the development of the French language in the Congo (which corresponds to the situation in most parts of the French-speaking countries in Africa), and highlights three phases:

- *Superposition* (fr. *superposition*): they are the situations when monolinguals come into an extra-local society (the case of the French language in Africa, represented as the language of Europeans who lived on the continent during the colonial period – they were researchers who served in colonial administrations, missionaries, and travellers). Among the researchers of the lexical aspect of this phase were G. van der Horst and J. Pohl for Zaire (1961), A. Lanley (1962) for the countries of the Maghreb, R. Moni (1952, 1953) for the French language of West Africa.

- *Co-existence* (fr. *cohabitation*): the emergence of monolinguals. In this phase, the French language of Africa becomes an intermediary language; the Europeans use it, as well as a number of Africans: as a general rule they are people who acquired the basics of French at school and use it in everyday life (for oral speech or written communication). The European version of French remains the standard for their speech.

- *Mastering* (fr. *imprégnation*): systematization of the standards of the speech of monolinguals. The African variant of the French language “is so tamed, so domesticated by the colonized population, that not only its definition as a foreign language, but even the very idea that it is an imported language disappeared” (Edema 1998: 151).

It is obvious that the status and the limits of borrowing depend on the specific language. In the case of the African variant of the French language, the disturbance of its usual connection with local intermediary

languages (which experienced a strong influence of the French language in cities) resulted in the lack of possibility to distinguish the borrowings because the source language and the borrower language interpenetrate each other. The situation in most French-speaking countries is similar to the situation in Wallonia. According to Francard, “when defining a dialect, it is necessary to define its contours, establishing boundaries with the neighbouring languages and the status of words which come from these languages; at the present moment in Wallonia it is impossible to overcome these difficulties” (Francard 1995: 61). Even the notions of borrowing and xenism here lose their meanings, since the two languages, which are in contact, often experience mutual interference: most of the words of one language pass into another; even if they do not become a part of the language system, they at least diffuse into speech.

The researcher S. Lafage presented a vivid illustration of such transfer in his analysis of “the French language of the streets” in Abidjan, and proved that “the term *borrowing* is not sufficient to qualify such a phenomenon” (Lafage 1997: 281).

As for the situation in the Congo, A.B. Edema also underlined the importance of the phenomenon of code mixing, and notes that “borrowing becomes a re-borrowing” (Edema 1998: 144).

L. Deroy realized the weak points of the analysis of borrowing and xenism conducted. So, the part of his work devoted to “the mixed languages” (i.e. Creoles, Sabirs, pidgins which embody “the consequences of borrowing”) begins with the following: “we have a right to speak not about borrowing, but about mixing of languages (Deroy 1956: 326). In our opinion, it makes impractical the use of the notion of “borrowing” in its traditional sense.

To return the meaning to this term, it is necessary to consider a situation where the borrower language and the source language are clearly separated, which excludes the

presence of “hybrid” forms such as Franco-Wolof, Franco-Arabic or Franco-Sango.

The distinction between xenism and borrowing, necessary for lexicographers, makes sense only for the middle or higher language levels of the French language in Africa, i.e. for the mesolect and acrolect.

This sociolinguistic rule (requirement) explains, in particular, the fact that researchers from the group of the Institute of the French Language in Africa (IFA) and their followers paid great attention to these varieties in printed media and literature. However, this restriction does not have any confirmation in the impossibility to detect borrowings in the basilect. This is justified by the fact that the mesolect tends to act as an endogenous standard adopted by most native speakers (de Feral et Gandon 1994).

According to L. Guilbert, there are three types of criteria for the incorporation of words of foreign origin into the language system of the borrower language. They are phonological (graphic), morphosyntactic and semantic parameters. Source languages possess numerous differences at all levels of the system as compared to the French language. This implies the need, in most cases, to adapt the local vocabulary to the requirements of the pronunciation and use of the French vocabulary (Guilbert 1975: 96-98).

#### ***Phonetic and phonological adaptation***

The simplest and most common example of adaptation is the use of the sounds of a native language to imitate the sequences of foreign sounds. This criterion can be regarded as fundamental. L. Deroy notes that “the first adaptation for a borrowed word to undergo is phonetic and, to some extent, phonological adaptation”. He also points out that “... there are four ways of adaptation: not to pay attention to unfamiliar and unpronounced phonemes; to replace them with familiar phonemes; to introduce new phonemes; to change the tone according to the rules of the source language” (Deroy 1956: 237).

The criterion of pronunciation, according to the phonetic system of the

French language, is not always prevalent in determination of the degree of integration of borrowings. Often a double pronunciation takes place: one way of pronunciation is close to French, the other corresponds to the phonetics of the local language, or at least pursues this correspondence.

Many linguists described the process under discussion as a substitution of the sounds of the foreign language by “the closest sounds” from the speaker’s native language (Haugen 1972: 355). However, it is not always clear to both the speaker and the linguist who researches into the linguistic behaviour, which particular sound of the native language is closest to the foreign sound imitated. Only if there is an exhaustive description of the phonetic system and sound sequences of the language, one can foresee which sounds the speakers are most likely to produce in every specific situation in order to substitute the foreign sounds. Speakers are accustomed to react to certain signs in the speech flow and reproduce them in their own speech, but at the same time they are accustomed to reproducing only a limited number of combinations and sequences of sounds. The phonology of borrowing has a purpose to describe these analytical skills of the speaker, which are important for the results of phonological substitution.

J. Hamers continued this idea and stated: “the adaptation to the borrower language (adapted borrowing) occurs at least on the phonological and phonetic levels” (Hamers 1997: 137), and cites the example of the English word *football*, pronounced in the French manner.

In fact, the trend of phonological integration does not suggest a subsequent evolution of the imported word and “phonological uncertainty” does not necessarily mean a “sign of rejection”.

Along with these fluctuations, there are numerous cases of phonological Frenchification of borrowings. It is important to recognize that the more borrowing fits into the system of the borrower language, the more its phonetic basis corresponds to the

characteristics of the phonological register of the central variant of the French language. In other words, the allied phenomena, which are closer to the borrower language in terms of articulation, tend to gradually replace the phenomena alien to the language system (Benzakour 1995: 71).

There is a more accurate approach which states that “a partial overlay of the phonological characteristics of the two languages – the source language and the borrower language – so that a number of the latter’s rules become activated or blocked. This hypothesis allows to assume that borrowed words are not words, or only some of them are integrated into the receiving language” (Durand-Deska, Durand 1994: 80).

Thus, P. Dumont regarded the use of Senegalisms as an “overlay of phonological systems”; he admitted that “in most cases, borrowing retains two pronunciations, one is African, the other is French”. As an example, he cites the word *varugar* (from the Wolof language), which can be pronounced either as [warugar] or as [varugar] (Dumont, Maurer 1995: 26). Besides, a significant number of other borrowings in the Arabic language (in the context of Maghreb) assigns Arabic pronunciation to the local variant of the French language: Gaadi notes that some of the borrowed lexical units “have only one way of pronunciation which corresponds to the Arabic phonetic system: these are mainly words containing sound [x], represented in writing by the combination of letters *kh* – *cheikh* [ʃ ex], *fekhar* [fexar], *khaddar* [xaddar], *makhzen* [maxzen], *mokhazni* [moxazni]» (Gaadi 1995:146).

#### **Graphic adaptation**

Graphic adaptation partially arises from phonetic adaptation and means successful acclimatization of writing a foreign word in the borrower language, especially in the situation when the source language does not have a written variant or uses the written variant different from the one of the borrower language. Moreover, if the written systems of both languages coincide, graphic adaptation is not clearly defined. One can visually perceive

this graphic adaptation; it is more distinct. For the cultures with developed traditions of written language it serves as a source of continuous disputes about the acceptability of a borrowed word, about contamination of the language, about distortion of the idea of the borrower language.

According to P. Dumont and B. Maurer, “the first graphic characteristic of African vocabulary, introduced into the French language of Black Africa, is its instability” (Dumont, Maurer 1995: 28). The most common type is mixed writing, which combines the graphics systems of the source and the borrower languages. Such graphic mixing, common to all the borrowings from African languages, forms the basis for the excess of different variations described by many researchers. So, as a part of the Central African inventory, there are doubts about the graphemes *c*, *k*, *qu* (*coco* and *koko*, *cola* and *kola*, *kinkckiba* and *quinquéliba*, etc); *u* and *ou*, reproduced by [u] (*koundi* and *kundi*, *gbalukuma* and *gbaloukouma*); *s* and *ss*, reproduced by [s] between vowels (*kissolo* and *kisolo*, *sissongo* and *sisongo*).

There are deeper analyses of such variations in relation to the French language of Senegal, which G. Delaporte (1993) conducted within the framework of the ORTHAF Programme, and which A. B. Edema and K. Nduku (1993) performed for the Congolese version of French.

### ***Morphological adaptation***

Since each borrowed word will function in the statements of the borrower language, they must receive one or another morphological adaptation within the framework of their new language.

It is noteworthy that morphological adaptation, which many researchers often move to the background, is actually a very serious process, since morphology forms the core of the language and often touches upon the adaptation of the grammatical categories of the source language in the borrower language, including the number and gender of nouns, person of the verb.

Taking all this into account, L. Deroy puts morphological adaptation into the second place after phonetic and states the following: “In addition to phonetic adaptation, borrowed words undergo morphological accommodation, which allows them to function clearly in the language system” (Deroy 1956: 252).

For his part, A. Queffelec notes: “One would assume that in the case of real borrowing, compliance with the rules of the borrower language would be compulsory. In fact, the observance of the rules does not always take place” as shown by the study of the characteristics of the categories of gender and the number of borrowed nouns, which are by no means the most active grammatical category (Queffelec 2000: 291).

As for the gender, integration of this category into the French language of the Congo is not a major challenge. The nouns mostly keep the form of the words of the source language, and determine the gender in accordance with the rules of the French language.

For example,

*foula-foula* – «a bus» = *un foula-foula*:  
*La ndoumba était arrivée dans un foula-foula* (Baghana 2001:44). – The girl arrived by bus.

*ndombolo* – «a dance» = *une ndombolo*.

F. Benzakour writes: “In the French language of Africa, the gender of borrowings in most cases coincides with the gender in the source language.” However, according to the same author, there may be some deviations and fluctuations in relation to the gender (Benzakour 1995: 72).

The problem of designating the number is more significant as it concerns all the borrowings. In this case, there are three options for borrowings:

a) the specificity of the source language may be neglected, and the expression of the singular may differ from the plural according to the rules of the borrower language;

b) the morphological system of the borrower language can remain, formally distinguishing the singular and plural

numbers of countable nouns, can be observed. For example, in North Africa there are Arab borrowings *une souika / des souikat* (*petits marchés*) – «small market(s).

Also in the French language of the countries located to the South of the Sahara, affixes from some African source languages remain and denote singular and plural: *Blanc(s)* – «white ( )»:

in Burgundy: *un muzungu / des bazungu* (Frey 1996:25);

in Senegal: *un toubab / des toubabou*;

in Congo: *un mundélé / des mindélé* (Queffelec, Niangouna 1990:219).

The plural form can also be found in the words borrowed from Kikongo, like *sangu / masangu* – «corn» (Toporova 1997:40), *ki-ntu / bi-ntu* – «pineapple» (Makouta-Mboukou 1973:174), *lipasa / mapasa* – «twin», *di-kulu / ma-kulu* – «foot» (M'Foutou 1992:119).

For nouns, which differ in gender, four different forms in the French language of the Maghreb are possible: the singular of masculine, the singular of feminine, the plural of masculine, and the plural of feminine. This paradigm is found, for example, in the words *cherif* – «sherif» and *cheikh* – «sheikh» (masc., sing.) – *cherifa* and *cheikha* (fem., sing.) / *chorfa* and *chioukh* (masc., pl.) / *cherifate* and *cheikhate* (fem., pl.).

Finally, borrowing can take a mixed form, a compromise between the two morphological systems of the contacting languages.

**Conclusion.** The African variant of the French language contacts have a strong impact on the structure of the European language. As it follows from the analysis conducted, both external and internal factors influence the development and change of language. However, it is possible to assert that the distinctive signs between the central French and Congoese versions of the French language mostly formed under the influence of local languages, that is, an external factor.

#### References

Akhmanova O.S. (1969). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Glossary of Linguistic

Terms]. Moscow, Russia: Sov. Ehntsiklopediya (in Russian).

Baghana, J. (2001). The Peculiarities of the French Language in Congo, *Problemy variativnosti v romanskikh i germanskikh yazykakh: Tezisy dokladov i soobshchenij Mezhdunarodnoj konferencii*, 44-45. (in Russian).

Benzakour, F. (1995). Le français au Maroc. Processus néologique et problèmes d'intégration, *Le français au Maghreb. Actes du colloque d'Aix-en-Provence*, 61-76.

De Feral, C. (1993). Le français au Cameroun. Approximations, vernacularisation et camfranglais, *Le français dans l'espace francophone*, 1, 205-218.

Delaporte, G. (1993). Application du projet ORTHAF. Analyse graphémique, morphémique et lexicographique des particularités du français au Sénégal, *Inventaire des usages de la francophonie: nomenclatures et méthodologies*, 349-354.

Deroy, L. (1956). *L'emprunt linguistique*. Paris, France: Les belles lettres.

Dumont, P., Maure, B. (1995). *Sociolinguistique du français en Afrique francophone: gestion d'un héritage, devenir une science*, Vanves, France: EDICEF – AUPELF.

Durand-Deska, A., Durand, P. (1994). La forme sonore des emprunts: les mots anglais en polonais et en français, *Travaux du cercle linguistique d'Aix-en-Provence*, 79-107.

Edema, A.B. (1998). *Etude lexicosémantique des particularismes français du Zaïre*. D. Sc. Thesis, France, Paris: Université de Paris.

Edema, A.B., Nduku, K. (1993). Application du projet ORTHAF. Les variantes graphiques de l'IFA: un point de vue zaïrois, *Inventaire des usages de la francophonie: nomenclatures et méthodologies*, 355-372.

Frey, C. (1996). *Le français au Burundi. Lexicographie et culture*, EDICEF – AUPELF, Vanves, France.

Gaadi, D. (1995). Le français au Maroc. L'emprunt à l'arabe et les processus d'intégration, *Le français au Maghreb. Actes du colloque d'Aix-en-Provence*, 131-151.

Guilbert, L. (1975). *La créativité lexicale*, Paris, France: Larousse.

Hamers J. Emprunt, *Sociolinguistique. Concepts de base*. 136-139.

Haugen, E.H. (1972). The Process of Linguistic Borrowing, *Novoe v lingvistike*. 344-382. (in Russian)

Krysin, L.P. (1968). *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke*, [Foreign-language Borrowings in modern Russian]. Moskow, Russia: Nauka Publ., (in Russian).

Lafage, S. (1997). Hybridation et français des rues à Abidjan, *Alternances codiques et français parlé en Afrique. Actes du colloque d'Aix-en-Provence*. 279 -291.

Linnik T.G. (1989). Problemy yazykovogo zaimstvovaniya, *Yazykovye situacii i vzaimodejstvie yazykov*. 105.

M'foutou J. A. (1992). *Le lingala et le français en contact au Congo. Approches linguistique et sociolinguistique*. D. Sc. Thesis, Tours, France.

Makouta-Mboukou, J.-P. (1973). *Le français en Afrique Noire (Histoire et methodes de l'enseignement du français en Afrique noire)*, Paris, France.

Queffelec, A. (2000). Emprunt ou xénisme: les apories d'une dichotomie introuvable?, *Contats de langues et identites culturelles*. 283-300.

Queffelec, A., Niangouna, A. (1990). *Le français au Congo*, Nice/Aix-en-Provence. Provence, France: Publications de l'Université de Provence.

Toporova, I.N. (1997). The Noun Classes in Bantu Languages, *Osnovy afrikanskogo yazykoznanija*. Moscow, Russia: Aspekt-Press (in Russian).

Van Der Horst, G., Pohl, J. (1961). Le français tel qu'on le parle à Elisabethville, *Vie et langage*, 107, 87-94.

**Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.**

**Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.**

**Жером Багана**, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

**Jerome Baghana**, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University"

**Лина Разумова**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романских языков им. В.Г. Гака, Московский педагогический государственный университет.

**Lina Razumova**, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the V.G. Gak Department of Romance Languages, Moscow State Pedagogical University.

УДК 81'44

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-2

Вишнякова Е.А. | Аббревиация как лингвокреативная деятельность

Тульский государственный педагогический университет  
им. Л.Н. Толстого, Проспект Ленина, 125, г. Тула, 300026,  
Российская Федерация  
*e-mail: vishnyalis@yandex.ru*  
*ORCID:0000-0003-3133-9587*

Статья поступила 16 марта 2019 г.; принята 16 мая 2019 г.; опубликована 30 июня 2019 г.

**Аннотация.** Аббревиация выступает как языковой феномен, наиболее четко отражающий тенденции развития современного языка и процессов коммуникации в плане их оптимизации за счет поиска наиболее емких и одновременно экономичных лингвистических средств. Актуальность изучения процессов аббревиации обусловлена также спецификой языка Интернет, где находят реализацию сокращенные единицы различных типов, маркирующие появление новой языковой среды.

Целью исследования является изучение процессов аббревиации с точки зрения лингвокреативности, понимаемой как творческое преобразование языковых единиц в широком смысле, включающее внутренние и внешние мотивационные факторы, отражающие различные трансформации в сознании индивида и социума, в лингвокультурной и профессиональной среде, в образном восприятии мира. Применяемое к анализу процессов аббревиации понятие лингвокреативности включает творческую преобразовательную деятельность, направленную на решение коммуникативно-прагматических и эстетико-стилистических задач в различных областях человеческой деятельности. Аббревиация рассматривается в терминах комплексного подхода, включающего структурно-семантический, лингвосомиотический, лексикографический методы анализа, с учетом социокультурного, функционально-когнитивного, концептуального, дискурсивного аспектов исследования.

Лингвокреативное освещение процессов аббревиации позволяет заключить, что аббревиация может рассматриваться не только как результат действия механизмов компрессии в области формы и содержания, но и как творческое преобразование языковой единицы, тесно взаимодействующее с эвристическим характером данного процесса, отвечающим требованиям новой реальности существования языка на функциональном и системном уровнях, находящим репрезентацию в дискурсе.

**Ключевые слова:** аббревиация; лингвокреативность; дискурс; эвристический подход.

**Для цитирования:** Вишнякова Е.А. Аббревиация как лингвокреативная деятельность // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, №2. С. 11-22. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-2

Elizaveta A. Vishnyakova | Abbreviation from the point of view of linguistic creativity

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,  
125 Lenin Ave., Tula, 300026, Russia  
e-mail: vishnyalis@yandex.ru

*Received 16 March 2019; accepted 16 May 2019; published 30 June 2019*

**Abstract.** Abbreviation is a linguistic phenomenon that reflects more vividly the tendencies of the English language development and communication processes in terms of their optimization by searching for the most capacious and at the same time economical linguistic means. The pertinence of studying the processes of abbreviation also stems from the specific character of the language of the Internet, where contracted units of various types mark the linguistic language environment appearance.

The aim and purpose of the research is the investigation of abbreviation processes from the point of view of linguistic creativity, that is considered to be the process of creative transformation of linguistic units in a broad sense, including internal and external motivational factors that reflect various transformations in the consciousness of the individual and society, in the linguocultural and professional environment and the world view formation. The concept of linguistic creativity, applied to the analysis of abbreviation processes, includes creative transformational activity aimed at solving communicative-pragmatic and aesthetic-stylistic problems in various fields of human activity. Abbreviation is analyzed in terms of an integrated approach, including semantic, linguistic semiotic, lexicographical methods of the analysis, taking into account the socio-cultural, functional-cognitive, conceptual and discursive aspects of the study.

The linguistic creative approach to the study of abbreviation processes enables to come to the conclusion that the abbreviation phenomenon can be considered not only as a result of compression mechanisms in the field of form and content, but also as a creative transformation of a language unit that closely interacts with the heuristic nature of the process, meeting the requirements of the new reality of the language existence on the functional and systemic levels, represented in the sphere of discourse.

**Key words:** abbreviation; linguistic creativity; discourse; heuristic approach.

**How to cite:** Vishnyakova E. A. (2019). Abbreviation as a linguistic creative activity. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (2), 11-22, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-2

**Введение (INTRODUCTION).**

Проблема лингвокреативности привлекает внимание исследователей с различных точек зрения, отражая вопросы, характеризующие различные области научного знания, в том числе с междисциплинарных позиций, основанных на понимании роли языка как способа познания мира, формирования логического мышления, развития творческой языковой личности (Голованова, 2015, Жинкин,

1998, Кубрякова, 2004, Тер-Минасова, 2004. По словам Л.С. Выготского, «слово, прорастая в сознание, изменяет все отношения и процессы» (Выготский, 1985:193).

Процесс освоения языка непосредственно связан с деятельностью человеческого сознания, структура которого в наиболее общем виде включает, согласно взглядам А.Н. Леонтьева, такие составляющие, как ткань сознания,

значение, личностные смыслы (в отличие от мышления, способности мыслить в целом, обусловленной действием универсальных законов и лежащей в основе познавательных процессов). А.Н. Леонтьев писал, что значения способны оказывать влияние на образ мира в сознании человека, выступая в качестве носителей преобразованной в языковой материи формы существования предметного мира (Леонтьев, 2005). Лингвокреативность в данном контексте приобретает дидактико-методологическую значимость и лежит в области речепорождения, относящегося к сфере деятельности интеллекта и творческой интеллектуальной деятельности, тесно связанной с процессами идентификации и формирования смыслов (Леонтьев, 2003). Сходные мыслительные механизмы обуславливают познание различных феноменов, в то время как содержание сознания определенным образом опосредствует процесс познания, в том числе и в плане освоения иностранного языка и в первую очередь – освоения мира языковых значений, служащих средством обобщения, хранения и передачи человеческих знаний и опыта (Цветкова, 2001:79). Проблемы, связанные с лингвокреативной деятельностью, рассматриваются современными учеными с точки зрения реализации потенциала естественного человеческого языка его носителями, людьми, принадлежащими к той культурно-языковой общности, которая использует данный язык в соответствии с его функциями (Вишнякова, 2003), где одной из важнейших является общение.

**Теоретическое обоснование (THEORETICAL BACKGROUND).** Язык как вид когнитивной деятельности обладает двумя взаимосвязанными феноменологическими свойствами: он выступает как когнитивный инструмент кодирования и преобразования информации, будучи системой знаков, с одной стороны, и как функционально неотделимый от коммуникации и независимый от человека

самостоятельный объект, – с другой (Кубрякова, 1997:52). Антропоцентрический подход к анализу языковых явлений предполагает, что «центральным объектом исследования когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики как одной из ее основных областей является человек, личность, рассматриваемая в качестве источника порождения, усвоения и переработки – в первую очередь – вербальной информации с учетом внутренних состояний, обуславливающих человеческое поведение» (Вишнякова, 2003:5). С этих позиций представляется актуальным рассмотрение проблематики, связанной с осуществлением целенаправленной лингвокреативной деятельности.

Исследователи указывают на возможность идентификации взаимосвязанных зон лингвокреативности, где преобразования творческого характера осуществляются на основании изменений, происходящих в окружающей человека реальности — мире и социуме, служащих стимулом для создания языкового обозначения нового феномена, – что способствует созданию новых элементов языка. Мотивирующим фактором выявления лингвокреативных потребностей является изменение ментальных состояний человека или представителей социума, что обуславливает осуществление творческих процессов в сфере реализации языковых единиц. Особое место занимает разновидность лингвокреативного стимулирования, связанная с актуализацией творческих потенциалов языка как знаковой системы (Ирисханова, 2004, Бабина, 2010). Обращение к материалу художественной литературы позволяет рассмотреть возможности использования лингвокреативности в целях построения образных характеристик персонажей, создания виртуального художественного пространства, с привлечением различных приемов, например, творческого использования интертекстуальных включений, инкорпорирования в текст интерлингвальных

элементов, лежащих в сфере взаимодействия разных семиотических систем (Ямчинская, 2014). Изучение лингвокреативности осуществляется в терминах языковой игры, направленной на оказание особого воздействия на целевую аудиторию и обуславливающей нетривиальное дискурсивное поведение индивида (Куманицина, 2006). Языковая игра рассматривается как отражение самопрезентации и самоидентификации, проявляемых на языковом и когнитивном уровнях личности (Гунина, 2010), что находится в корреляции с использованием творческих возможностей языка в среде Интернет, сигнализирующем «о появлении особой языковой системы, основанной на сокращении, усечении и кодировке привычного нам языка» (Гунина, 2010:216), а также об актуализации особых признаков речевого этикета электронной коммуникации (Crystal, 2001).

Проблема лингвокреативности в свете изучения когнитивных аспектов языковой реализации тесно связана с проблемой репрезентации знаний, выступающих как результат взаимодействия информации, опыта, интуиции (Sturbhi, 2016), трансформируемых в соответствующие когнитивные форматы в мыслительной сфере человека. Лингвокреативность как категория речемыслительного характера изучается не только в терминах реализации знания общего и знания лингвистического, но и как один из возможных путей создания нового знания, обусловленного культурными и языковыми факторами. Преобразовательная деятельность в области значения и в области формы, с учетом возможных трансформаций в сфере образности, непосредственно связана с возможностью развития новых смысловых характеристик и новых концептуальных свойств (Vishnyakova, Dobroradnykh, Aleksandrova, Klimanova, 2019).

**Основная часть (MAIN PART).** Учитывая тот факт, что научному анализу подвергается английский язык, функцио-

нальный уровень актуализации которого позволяет отнести его к категории языков, в значительной степени ориентированных на адресата, следует уделить внимание вопросу понимания как деятельности, предполагающей адекватную интерпретацию передаваемого сообщения (Вишнякова, 2018, Демьянков, 1999). В данном представлении лингвокреативная деятельность находится не только в русле исследований, посвященных вопросам создания особого стилистического или риторического эффекта, но и вопросам реализации языковых единиц в данных коммуникативно-прагматических целях, лежащих в области эвристики как научной сферы знания, изучающей специфику творческой деятельности на основе использования методик, нацеленных на оптимизацию процессов решения конструктивных задач различного характера. Подобная постановка вопроса обусловлена рядом языковых и экстралингвистических факторов, обуславливающих современное человеческое общение, включая взаимодействие коммуникантов в сетевой среде. Иными словами, данный подход расширяет рамки понимания лингвокреативности в соответствии с новым вектором анализа.

**Цель исследования** – рассмотрение возможности изучения феномена аббревиации в английском языке в терминах лингвокреативности, понимаемой как осуществляемый посредством различных лингвистических трансформационных процедур и направленный на достижение определенных целей функционального и системного характера процесс творческих преобразований в области формы и значения языковой единицы, с учетом образных изменений. Понимание креативного подхода к явлениям действительности может быть рассмотрено в разных аспектах, в зависимости от понимания сущности категории творчества, где за основу может быть принята следующая трактовка понятия: “creativity, *n.* that aspect of INTELLIGENCE

characterized by originality in thinking and problem solving. Creative ability involves the use of divergent thinking, with thoughts diverging towards solutions in a number of directions” (Jary, Jary, 1991:127). Приведенная экспликация отражает специфику креативности как свойства, реализуемого в различных областях человеческой деятельности и связанного с решением задач различного рода, находящихся не только в области художественного, но и профессионального, технотворческого, а также комплексного в плане осуществляемых подходов осмысления действительности: например, использование аббревиатур в научно-фантастических или посвященных описанию человеческой деятельности специального характера публицистических и художественных материалах, в так называемых технотриллерах (Кубрякова, 2013: 50).

**Материалы и методы исследования.** Аббревиация рассматривается как явление, наиболее чутко реагирующее на тенденции развития современного языка (Александрова, 2016). О.С. Ахманова приводит исчерпывающее определение аббревиации (Ахманова, 1966:27) и относит к данной области различные типы сокращенных единиц. *Метод лексико-графического анализа*, основанный на изучении материала как специальных словарей, так и словарей сокращений, дает возможность рассмотрения как аббревиатур как таковых, так и производных от данных языковых единиц (Дюжикова, 2013). Важной составляющей комплексной аналитической методики, лежащей в основе рассмотрения аббревиации, является *метод структурно-семантического анализа*, нацеленный на изучение языковых значений элементов сокращенного языкового выражения и значения целого в плане установления структурно-семантических соответствий между указанными объектами изучения. Данная корреляция может рассматриваться с точки зрения своей значимости также в

системном плане – на уровне актуализации структурно-семантического потенциала языка в контексте других, принадлежащих к данной системе знаков образований (Moghaddas, Dekhnich, 2015). Особое внимание уделяется *семиотическому и лингвосемиотическому аспектам анализа*, направленным на исследование знаковых характеристик процесса аббревиации, явлению семиозиса, выступающего как «схватывание» (Е.С. Кубрякова) языкового значения знаковой формой. По словам Е.С. Кубряковой, «если полагать, что за каждым названием, номинативным знаком в собственном смысле слова стоит понятие, а понятие, как известно, формируется на основе суждений о предмете, следует признать, что за каждым словесным мотивированным наименованием – производным – стоит такая цепь суждений, одно из которых обязательно содержит в форме слова коррелят будущей производящей основы» (Кубрякова, 2010:8). Речь в данном случае может идти не только о структурно-семантической корреляции производящей основы с результатами ее лингвокреативных преобразований, осуществляемых в соответствии с определенной лингвистической моделью, но и о возможности аксиологического (Прохорова, Чекулай, 2017) и понятийного развертывания данной основы в новые языковые структуры, а также создания новых когнитивных формаций, лежащих в основе аббревиации, обусловленной процессом порождения знаков, обладающих редуцированной формой, способных, наряду с сохранением, к изменению своего содержания за счет актуализации вертикальных связей и выход за рамки системных соответствий. Осуществление *концептуального*, а также тесно соприкасающегося с ним *социокультурного подхода* к анализу рассматриваемых явлений позволяет осуществить экспликацию процессов аббревиации в терминах лингвистического отражения преобразований, происходящих в

человеческой голове, с учетом факторов внешнего порядка. Данный процесс характеризуется выраженным креативным началом, связанным с необходимостью творческого подхода к поиску оптимальных решений, лежащих в области человеческой когниции, в существенной мере находящими объяснение в сфере *антропоцентрического и функционального* подходов к анализу языка: «Постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия может рассматриваться в качестве движущей силы языковых изменений... Очевидно, что тенденция к точности имеет важное значение для обеспечения коммуникативной функции языка... поведение человека подчинено закону наименьшего усилия, в соответствии с которым человек растрчивает свои силы лишь в той степени, в какой это необходимо для достижения определенной цели» (Мартине, 2009:188-189). Аббревиация как процесс креативного переосмысления действительности, в том числе языковой, тесно связана с такими явлениями, как поиск оптимально соответствующей данной цели знаковой формы, семантически емкая и точная передача содержания, решение коммуникативно-прагматической или иной задачи в рамках данного социокультурного (специального, профессионального) контекста, выявление концептуальных оснований, соответствующих определенного рода трансформациям, условий и следственно-причинных параметров актуализации лингво-когнитивного потенциала исходной и вновь созданной сокращенной единиц, находящихся актуализацию в реальной речевой действительности, т. е. подлежащих рассмотрению с точки зрения *дискурсивного подхода*.

#### **Результаты исследования и их обсуждение (RESULTS and DISCUSSION)**

Система формальных критериев, лежащих в основе классификации

сокращений, может рассматриваться лишь как элемент первого этапа исследования, важнейшей частью которого может считаться его социокультурная составляющая, обусловленная современным состоянием развития общества и языка (Rosenberg, Jery, 1992:7-9). Возрастающая тенденция создания сокращенных языковых выражений заставляет специалистов обратить серьезное внимание на сущность этого явления с точки зрения различных социолингвистических и социокультурных корреляций и ограничений, маркирующих данный процесс. Д. Нилсен, указывая на искусственный характер некоторых создаваемых единиц, пишет: "This process of modification and subsequent clipping has reached the point that there is now an organization named the "International Association of Professional Bureaurats" or INATAPROBU. This acronym is listed in the dictionary..., where it is indicated that the organization's former name was NATAPROBU, but where there is no indication that this organization, like AAAAAA, is totally a satiric nonorganization" (Nilsen, 1981:157-158). Лингвокреативные процессы находят свое воплощение в языке по-разному в зависимости от специфики конкретного языкового явления (Ирисханова, 2009). В области аббревиации данные преобразования тесно связаны с эвристическим характером исследуемого феномена, обуславливающим особенности его актуализации в дискурсе и ориентированным на способность представителей языкового коллектива к адекватной интерпретации сокращенного выражения. Например, мотивирующими факторами реализации сокращений в бизнес-дискурсе являются необходимость экономии времени и языковых усилий, стремление к «экранному» расположению подвергаемого компрессии текста и его составляющих, что обуславливает появление новых аббревиатур общего и частного характера, т. е. свойственных

сфере бизнеса в целом и отдельным профессиональным областям. Дж. М. Розенберг указывает на актуальность создания материалов, отражающих проблемы фиксации и экспликации сокращенных выражений, с учетом факта существования сходных по форме и разных по содержанию аббревиатур, в первую очередь – в области бизнеса: “What had I noticed in my day-to-day life as a business consultant...? First of all everyone knows that in today’s business world we are all confronted daily with a variety of common (and not so common) abbreviated terms. Whether these terms are communicated in written and verbal form, confusion can arise, since most of them frequently convey several different meanings. For example IBM is a three-letter word that is quickly identified throughout the world as initials for International Business Machines. However, these same three letters also stand for the Institute for Burn Medicine, Industrias Biologicas Mexicana (Mexican Biological Industries), intercontinental ballistic missile, and the International Brotherhood of magicians. And the two-letter words, IB and IM, have a list of several dozen possible spelled-out forms” (Rosenberg, Jerry, 1992:7).

Появление значительного количества аббревиатур может объясняться как возникновением новых феноменов и их сокращенных наименований, так и тенденцией к сокращению уже существующих номинативных единиц, т. е. изменениями внешнего характера, с одной стороны, и изменениями в области человеческой ментальности, потребности в творчестве в целях собственно прагматических, наряду с эстетико-стилистическими. С точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода образование в языке данных номинативных единиц может рассматриваться как явление, связанное с реализацией ментальных процессов различного порядка (более общих либо более частных), а также с осуществлением структуризации когнитивного пространства дискурса в заданном

направлении, обусловленном потребностями социума (Вишнякова, 2017). Так, значимой характеристикой аббревиатуры в плане маркированности может считаться дихотомия, соответствующая соотношению «свой-чужой», обусловленная параметром понимания содержания аббревиатуры, где важнейшими факторами успешности коммуникации являются как лингвистический и культурный контекст реализации языковой единицы, так и контекст когнитивный (Болдырев, 2014:119), обуславливающий возможность адекватной интерпретации сокращенного выражения, реализуемого в дискурсе. Например, в сфере бизнеса встречаются такие понятные профессионалам единицы, входящие в область языка для специальных целей, как CCSB – Credit Card Service Bureau, CCPA – Consumer Credit Protection Act, BIF – Bank Insurance Fund, bfcy – beneficiary, BEST – Business EDP System Technique, BES – Bureau of Employment Security; в сфере медицины: BMI – Body Mass Index, ACTH – Adrenocorticotrophic Hormone, ARDS – Acute Respiratory Distress, LDLs – low-density lipoproteins, VLDLs – very low-density lipoproteins, SARS – severe acute respiratory syndrome, BCG – Bacillus Calmette Guerin, HDA – Health Development Agency (Rosenberg, Jerry, 1992); в области математики: Ann – annihilator, arg-argument, arith. – arithmetic or arithmetical, ASCII – American Standard Code for Information Interchange, bcd – binary code decimal, bit – binary digit, *bra* – left angle bracket  $\langle$ , *ket* – right angle bracket  $\rangle$ , *im* – imaginary part of a number, *inf* (or *glb*) – infimum (or greatest lower bound), *ins* – inside, *int* – interior, the symbol for the integral part or floor of a real number, *inn* – the set of inner automorphisms of a given group, *lcd* – least (or lowest) common denominator (Borovski, Borwein, 1989). В то же время подобные пригодные для свободного оперирования языковые единицы, возникающие для оптимизации профессионального общения, могут

функционировать в дискурсе и в целях, обусловленных различными экстралингвистическими причинами – например, этическими в медицинской сфере, где в целом ряде случаев наблюдается понятных лишь профессионалам сокращенных названий – STDS – sexually transmitted disease, HELLP Syndrome – a type of severe pre-eclampsia (a disorder affecting some pregnant women), CMV – cytomegalovirus (a commonly occurring virus of the herpes virus group), HRT – hormone replacement therapy, HIV – human immunodeficiency virus, responsible for AIDS (Black's student medical dictionary, 2007). Аббревиатура приобретает свою значимость как лингвистический знак, обладающий специальным коммуникативно-прагматическим предназначением в дискурсе, позволяющим не только оптимизировать, но и завуалировать передаваемую информацию, в то же время активизируя внимание коммуникантов, функционируя как знак-признак и создаваемый на этой основе образ, мотивированный формально-содержательными свойствами сокращенной единицы и возникающими в определенном контексте оценочными коннотациями, а в некоторых ситуациях приобретая свойства символа, играющего значимую роль в когнитивном пространстве дискурса (Вишнякова, Вишнякова, 2014, Жинкин, 1998). Иначе говоря, лингвокреативный аспект реализации аббревиатуры в значительной мере обусловлен ее дискурсивной спецификой. Вопрос о роли образных трансформаций в процессе порождения сокращенной единицы, а также особенностей ее дальнейшей реализации, в том числе и с точки зрения формирования стереотипизированных представлений и влияния на особенности человеческого мышления и поведения, на изменение картины мира членов культурно-языкового коллектива открывает новые перспективы анализа в сфере аббревиации.

**Заключение (CONCLUSIONS).**  
Изучение явления аббревиации в

современном английском языке ставит перед исследователем целый ряд задач, обусловленных интенсивным характером данного процесса, подлежащего рассмотрению с различных точек зрения, позволяющих проникнуть в сущность механизма компрессии на уровне формально-смысловых преобразований в терминах реализации потенциала естественного человеческого языка, с учетом дискурсивно-когнитивных составляющих реализации данного феномена в действительности. Лингвокреативная деятельность по созданию сокращенных языковых форм тесно связана с эвристическим подходом к их использованию в целях структуризации дискурсивного пространства социума, обусловленного потребностями оптимизации процессов общения, в первую очередь – в профессиональной среде, а также возможностями творческого преобразования данных лингвистических выражений как в плане формы, так и их содержания с учетом особенностей их реализации в дискурсе.

#### Список литературы

Александрова О. В. Изменения в языковой системе в условиях экономической и социокультурной глобализации // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. Второй Международный научный семинар, 24 апреля – 30 апреля 2016 года. Чешская Республика, Австрия. Сборник статей и научных сообщений. Пльзень: University of West Bohemia in Pilsen, 2016. С. 26-33.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.

Бабина Л. В. Лингвокреативность как проявление ориентирующей функции языка (на примере словообразования) // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: мат-лы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. Тамбов, Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С.160-164.

Болдырев Н. Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире//Вестник Челябинского государственного

университета. Филология. Искусствоведение. 2014. Вып. 88. С. 118-122.

Вишнякова Е. А. Особенности реализации аббревиатур в англоязычном лексикографическом дискурсе // Сборник статей и научных сообщений Третьего Международного научного семинара «Язык, литература и культура как грани межкультурного общения». Чехия, Австрия, Германия, 4-11 июня 2017 года. Пльзень: University of West Bohemia in Pilsen, 2017. С. 94-114.

Вишнякова Е. А., Вишнякова О. Д. К вопросу о реализации семиотического потенциала аббревиатур // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Учитель, ученик, учебник». /Отв. ред. О. Д. Вишнякова. Т. 1. М.: КДУ, 2014. С. 137-147.

Вишнякова О. Д. Функциональные особенности языкового знака в языке и речи (на материале современного английского языка). Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2003.

Вишнякова О. Д. Язык как инструмент смысловой интерпретации (на материале современного английского языка) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М.: Издательство Московского университета, 2018. № 1. С. 17-27.

Выготский Л. С. Мышление и речь. Собрание сочинений в 6 томах. М., 1985. Т.2. С. 3-361.

Голованова Е. Н., Панкратова Е. Н. Лингвокреативность как свойство языкового сознания личности. Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20288> (дата обращения 1.03.2019).

Гунина Н. А. Языковая игра как средство самопрезентации и идентификации языковой личности в виртуальном дискурсе // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: мат-лы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. Тамбов, Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 212-216.

Демьянков В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Когнитивные аспекты лексикографии // Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 5-13.

Дюжикова Е. А. Аббревиация в современном английском языке (когнитивно-

дискурсивные аспекты). Одинцово: АНОО ВПО «ОГИ», 2013. 320 с.

Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998. 368 с.

Иванова М. А. Аббревиатуры в структуре профессиональной англоязычной личности бизнесмена. Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2015. 177 с.

Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2004. 332 с.

Ирисханова О. К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: Изд-во ВТИИ, 2004, 352 с.

Ирисханова О. К. О понятии креативности и его роли в языке лингвистических описаний. Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. М., Ин-т языкознания РАН; Тамбов. Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 158-171.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Кубрякова Е. С. Предисловие. Несколько слов об этой книге // Дюжикова Е.А. Аббревиация в современном английском языке (когнитивно-дискурсивные аспекты). Одинцово: АНОО ВПО «ОГИ», 2013. С. 5-6.

Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 88 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. М.: МГУ, 1997. 245 с.

Куманицина Е. И. Лингвокреативный аспект англоязычной массовой коммуникации: Языковая игра в британских и североамериканских масс-медиа. Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 220 с.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. URL: [http://bookap.info/genpsy/leontev\\_psihologiya\\_smysla/](http://bookap.info/genpsy/leontev_psihologiya_smysla/) (дата обращения 11.02.2019).

Мартине А. Основы общей лингвистики. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 226 с.

Прохорова О. Н., Чекулай И. В. Проблема оценочных характеристик аффиксов

(на материале современного английского языка) // Сборник статей и научных сообщений Третьего Международного научного семинара "Язык, литература и культура как грани межкультурного общения". Чехия, Австрия, Германия, 4-11 июня 2017 года, Пльзень: University of West Bohemia in Pilsen, 2017. С. 132-138.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2004. 352 с.

Цветкова Т. К. Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 68- 81.

Ямчинская Т. И. Лингвокреативность интерлингвальных включений в художественный текст // Сетевой научно-практический журнал «Научный результат». Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2014. С. 22-27. URL: [http://research-result.ru/media/linguistics/selection\\_4.pdf](http://research-result.ru/media/linguistics/selection_4.pdf) (дата обращения 1.03.2019).

Bahram Moghaddas, Dekhnich O.V. The Philosophy of Structuralism in Language and Linguistics // Сетевой научно-практический журнал «Научный результат». Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. Т. 1. № 4 (6) С. 22-27. URL: <http://rllinguistics.ru/journal/article/583/> (дата обращения 4.03.2019).

Borowski E. J., Borwein J. M. Collins Dictionary of Mathematics. HarperCollins Publishers, 1989. 659 p.

Black's student medical dictionary/ ed. by H. Marcovitch. London: A. & C. Black, 2007. 814 p.

Crystal, D. Language and the Internet. Cambridge University press, 2001. 272 p.

Jary, D. & Jary J. Collins Dictionary of Sociology. HarperCollins Publishers, 1991. 750 p.

Knowledge and Linguistic Creativity Interaction in the Media Discourse / Vishnyakova O., Dobroradnykh T., Aleksandrova V., Klimanova M. // International Journal of English Linguistics. 2019. Vol. 9, No. 2. P. 65-75. URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ijel/article/view/0/38556> (дата обращения 5.03.2019).

Nilsen, D. Acronyms, Initialisms, and Abbreviations Dictionary: A Guide to Alphabetic Designations, Contractions, Acronyms, Initialisms, Abbreviations, and Similar Condensed Appellations ed. by Ellen T. Crowley (review) //

Rocky Mountain Review of Language and Literature. 1981. Volume 35. Number 2. URL: <http://muse.jhu.edu/article/460376> (дата обращения 14.01.2019).

Rosenberg, Jerry M. McGraw-Hill Dictionary of Business Acronyms, Initials, and Abbreviations. New York, etc: McGraw-Hill, Inc., 1992. 352 p.

Surbhi, S. Difference Between Information and Knowledge. 2016. URL: <http://keydifferences.com/difference-between-information-and-knowledge.html> (дата обращения 14.01.2019).

### References

Aleksandrova, O. V. (2016). Language system changes in the process of economic, social and cultural globalization. *Yazyk, literatura i kul'tura kak grani mezhkul'turnogo obshcheniya*, 26-33 (in Russian).

Akhmanova, O. S., (1966). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Russia: Sov. entsiklopediya (in Russian).

Babina, L. V. (2010). Linguistic creativity as the focusing function (in terms of word building). *Lingvokreativnost' kak proyavlenie orientiruyushchei funktsii yazyka (na primere slovoobrazovaniya), Vzaimodeistvie myslitel'nykh i yazykovykh struktur: sobranie nauchnoi shkoly*. 160-164 (in Russian).

Boldyrev, N. N. (2014). The role of cognitive context in the process of world interpretation and the world knowledge. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, 88, 118-122 (in Russian)..

Vishnyakova, E. A. (2017). Features of realization of abbreviations in the English-speaking lexicographic discourse. *Yazyk, literatura i kul'tura kak grani mezhkul'turnogo obshcheniya*, 94-114 (in Russian).

Vishnyakova, E. A. and Vishnyakova, O. D. (2014). To the question of semiotics potential realization of abbreviations, *Uchitel', uchenik, uchebnik*, 137-147 (in Russian).

Vishnyakova, O. D. (2003). Functional features of the language sign in language and the speech (in the English language), D. Sc. Thesis, Germanic languages, Moscow State University, Moscow, Russia (in Russian).

Vishnyakova, O. D. (2018). Language as an instrument of semantic interpretation in the

modern English language. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 19, 17-27 (in Russian).

Vygotskii, L. S. (1985). *Thinking and speech*, 2, Moscow, Russia, 3-361.

Golovanova, E. N., and Pankratova, E. N. (2015). Linguistic creativity as property of language consciousness. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 3 Retrieved from <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20288> (in Russian).

Gunina, N. A. (2010). "Language game as means of the self-presentation and identification of the language personality in a virtual discourse". *Vzaimodeistvie myslitel'nykh i yazykovykh struktur: sobranie nauchnoi shkoly*, 212-216 (in Russian).

Dem'yankov, V. Z. (1999). Interpretation as a tool and linguistics object. *Voprosy filologii*, 2, 5-13(in Russian).

Dyuzhikova, E. A. (2013). *Abbreviation in the modern English (cognitive discourse aspect)*. Odintsovo, Russia: ANOO VPO «OGI».

Zhinkin, N. I. (1998). *Language. Speech. Creativity*. Moscow, Russia: Labirint, 368 (in Russian).

Ivanova, M.A. (2004). Abbreviations in the structure of the professional personality of businessman. Ph.D. Thesis, Germanic languages, Pyatigorsk, Russia, 177 (in Russian).

Iriskhanova, O. K. (2004). Linguistic creative bases of the theory of a nominalization. D. Sc. Thesis, Germanic languages, 332 (in Russian).

Iriskhanova, O. K. (2004). *On the linguistic creative activity of a person: (verbal names)*, Moscow, Russia: VTII(in Russian).

Iriskhanova, O. K. (2009). On the notion of creativity and its role language of linguistic descriptions, *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, V, *Issledovanie poznavatel'nykh protsessov v yazyke: sb. nauch. tr. M., In-t yazykoznaniiya RAN*, 158-171.

Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge. On the way of knowledge acquisition about language: parts of speech from the cognitive point of view. Language role in knowledge of the world*, Moscow, Russia: Yazyki slavyanskoi kul'tury (in Russian).

Kubryakova, E. S. (2013). *Preface. Some words about the book: Abbreviation in the modern English (cognitive discourse aspect)*. Odintsovo, Russia: ANOO VPO «OGI» (in Russian).

Kubryakova, E. S. (2010). *Theory of nomination and word formation*, Moscow, Russia: Knizhnyi dom «LIBROKOM» (in Russian).

Kubryakova, E. S., Dem'yankov, V. Z., Pankrats, Yu. G. and Luzina, L. G., (1997), *Dictionary of cognitive terms*, MGU, Moscow, Russia (in Russian).

Kumanitsina, E. I. (2006). "Linguistic creative aspect of mass communication", Ph.D. Thesis, Germanic languages, Volgograd, Russia(in Russian).

Leont'ev, A. N. (2005). *Activity Consciousness Personality*. Moscow, Russia: Smysl, Akademiya, 352 (in Russian).

Leont'ev, D. A. (2003). *Sense psychology: nature, structure and dynamics of semantic reality*, Smysl. Retrieved from [http://bookap.info/genpsy/leontev\\_psihologiya\\_smysla](http://bookap.info/genpsy/leontev_psihologiya_smysla) (in Russian).

Martine, A. (2009). *Fundamentals of the general linguistics*. Moscow, Russia: Knizhnyi dom «LIBROKOM» (in Russian).

Prokhorova, O. N. and Chekulai, I. V. (2017). The problem of estimated characteristics in modern English. *Yazyk, literatura i kul'tura kak grani mezhkul'turnogo obshcheniya*, 132-138 (in Russian).

Ter-Minasova, S. G. (2004). *Language and cross-cultural communication*, Moscow, Russia: Slovo (in Russian).

Tsvetkova, T. K. (2001). Consciousness problem in the context of foreign language training. *Voprosy psikhologii*, 4, 68-81(in Russian).

Yamchinskaya, T. I. (2014). Linguistic creativity of intellectual inclusions in artistic text. *Nauchnyi rezul'tat, Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki*. Retrieved from [http://research-result.ru/media/linguistics/selection\\_4.pdf](http://research-result.ru/media/linguistics/selection_4.pdf).

Bahram, Moghaddas, Dekhnich, O. V. (2015), The Philosophy of Structuralism in Language and Linguistics. *Nauchnyi rezul'tat, Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki*, 1, № 4 (6), 22-27. Retrieved from: <http://rllinguistics.ru/journal/article/583/>.

Borowski, E. J. and Borwein, J. M. (1989). *Collins Dictionary of Mathematics*, HarperCollins Publishers, 659.

*Black's student medical dictionary*, in H. Marcovitch, (ed.), A. & C. Black, London, the UK, 814.

Crystal, D. (2001). *Language and the Internet*. Cambridge, UK: Cambridge University press.

Jary, D. and Jary J. (1991). *Collins Dictionary of Sociology*, HarperCollins Publishers, 750.

Vishnyakova, O., Dobroradnykh, T., Aleksandrova, V. and Klimanova, M. (2019). Knowledge and Linguistic Creativity Interaction in the Media Discourse. *International Journal of English Linguistics*, Vol. 9, No. 2, 65-75. Retrieved from <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ijel/article/view/0/38556>.

Nilsen, D. (1992). *Acronyms, Initialisms, and Abbreviations Dictionary: A Guide to Alphabetic Designations, Contractions, Acronyms, Initialisms, Abbreviations, and Similar Condensed Appellations*, in Ellen T. Crowley (ed.), *Rocky Mountain Review of Language and Literature*, Vol, 35, № 2, Retrieved from <http://muse.jhu.edu/article/460376>.

Rosenberg, Jerry M. (1992). *McGraw-Hill Dictionary of Business Acronyms, Initials, and Abbreviations*, New York, USA: McGraw-Hill, Inc. 352.

Surbhi, S. (2016). *Difference Between Information and Knowledge* Retrieved from <http://keydifferences.com/difference-between-information-and-knowledge.html>.

**Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.**

**Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.**

**Вишнякова Елизавета Александровна**, кандидат филологических наук, доцент

**Elizaveta A. Vishnyakova**, PhD in Philology, associate Professor

УДК 811.11-112

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-3

Дмитрова А.В.<sup>1</sup>  
Карнюшина В.В.<sup>2</sup>

**Речевая репрезентация стереотипов о России  
в детективных сериалах США**

<sup>1)</sup> Кафедра лингвистического образования и межкультурной коммуникации,  
БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет ХМАО – Югры»,  
улица 50 лет ВЛКСМ 10/2, г. Сургут, 628417, Россия  
*e-mail: Dmittie.a@icloud.com*  
*ORCID: 0000-0002-8524-6442*

<sup>2)</sup> Кафедра лингвистического образования и межкультурной коммуникации,  
БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет ХМАО – Югры»,  
улица 50 лет ВЛКСМ 10/2, г. Сургут, 628417, Россия  
*e-mail: vkarnyushina@gmail.com*  
*ORCID: 0000-0003-3016-2951*

*Статья поступила 10 мая 2019 г.; принята 16 июня 2019 г.; опубликована 30 июня 2019 г.*

**Аннотация:** В статье рассматривается речевая репрезентация стереотипного восприятия России в американских детективных сериалах. Актуальность исследования обусловлена тем, что телевизионные сериалы способны передавать паттерны поведения, мысли, эмоции через героев, а также комментировать актуальные и проблемные ситуации. Авторы рассматривают особенности сериала, его двойственную сущность и поликодовость. В статье представлен лингво-когнитивный анализ примеров репрезентации стереотипного восприятия образа страны в американских детективных сериалах "Касл" (Castle), "Элементарно" (Elementary), "Область тьмы" (Limitless) и "Бруклин 9-9" (Brooklyn 9-9). Примеры, полученные из этих сериалов, разделены на три группы, каждая из которых отражает различные стороны восприятия России: образ системы правосудия, образ президента и образ русского человека. Самой многочисленной оказалась группа примеров, представляющая образ системы правосудия. Образ президента и русского человека представлен небольшим количеством примеров. Отобранные языковые фрагменты появились в детективных сериалах, снятых в 2014-2015 годах, в тот момент, когда в отношениях России и Соединенных штатов Америки наблюдалось напряжение. В заключении авторы делают вывод, что телесериалы действительно являются современной, хотя недостаточно изученной, площадкой для формирования образа государства. Изучение языка сериалов, их способность отображать уже существующие стереотипы и формировать новые является перспективным направлением развития лингвистической науки.

**Ключевые слова:** телевизионный сериал; поликодовость; стереотипы; образ страны; телевидение; лингво-когнитивный анализ.

**Для цитирования:** Дмитрова А.В., Карнюшина В.В. Речевая репрезентация стереотипов о России в детективных сериалах США // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, №2. С. 23-31. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-3

Anna V. Dmitrova | Representation of stereotypes about Russia  
Vera V. Karnyushina | in American detective series

Department of Linguistic Education and Intercultural Communication, Surgut State Pedagogical University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, 10/2, 50 Let VLKSM St., Surgut, 628417, Russia  
e-mail: [Dmittie.a@icloud.com](mailto:Dmittie.a@icloud.com)  
ORCID: 0000-0002-8524-6442

Department of Linguistic Education and Intercultural Communication, Surgut State Pedagogical University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, 10/2, 50 Let VLKSM St., Surgut, 628417, Russia  
e-mail: [vkarnyushina@gmail.com](mailto:vkarnyushina@gmail.com)  
ORCID: 0000-0003-3016-2951

*Received 10 May 2019; accepted 6 June 2019; published 30 June 2019*

**Abstract:** The article deals with the speech representation of stereotypes about Russia in American detective series. The pertinence of the study stems from the fact that television series are capable of transmitting patterns of behavior, thoughts, emotions through the TV characters, as well as commenting on current problems and situations. The authors consider the features of the series, their dual character and polycode structure. The article presents a linguistic and cognitive analysis of the examples obtained from the detective TV series "Castle", "Elementary", "Limitless" and "Brooklyn 9-9". The examples obtained from these series are divided into three groups, each of which reflects different aspects of Russia's perception: the image of the justice system, the image of the President and the image of a Russian. The most numerous was the group of examples representing the image of the system of justice. The image of the President and a Russian person is represented by a small number of examples. The selected language fragments appeared in detective series from 2014 to 2015, when the tension in relations between Russia and the United States of America was observed. The authors draw a conclusion that television series are indeed a modern, although not sufficiently studied, platform for the formation of the state image. The study of the language of the series, their ability to display existing stereotypes and new ones is a promising direction of the linguistics development.

**Key words:** television series; polycode; stereotypes; image of the country; television; linguistic and cognitive analysis

**How to cite:** Dmitrova A.B., Karnyushina V.V. (2019). Representation of stereotypes about Russia in American detective series. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (2), 23-31, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-3

### Введение

На современном этапе массовая культура неразрывно связана с телевидением. Одним из феноменов телевидения являются сериалы. При этом телевизионные сериалы имеют двойственный характер, с одной стороны,

будучи частью телевизионного пространства, они репрезентируют актуальные тренды и новости, а также чутко реагируют на социальные изменения. С другой стороны, являясь по своей сути художественным произведением, сериал выполняет эстетическую и

воздействующую функции. При этом, сериал не подвергается критическому осмыслению, а, следовательно, зритель не проявляет недоверие, которое свойственно для таких стандартных форм телевидения как, например, новости или реклама.

### **Теоретический обзор**

Одной из особенностей сериала является его зависимость от своего зрителя. Чтобы остаться в телевизионном пространстве надолго и иметь успех, телепроизведение должно «прийтись по душе» зрителям. Поэтому создатели точно должны знать свою целевую аудиторию, их нормы жизни и поведения, приоритеты. Как отмечают исследователи (Ромах О.В., Попова Л.О.) сериалы позволяют донести до зрителя «квазикоммуникационные ценности, модели поведения и визуальные образы» (Попова, Ромах, 2008). Тем самым, сериал дает человеку не только возможность, не переживая «пережить» проблемы, но также помогает приобрести телевизионную семью. Что, в свою очередь, формирует представление о «родстве» героев и зрителей. Отсюда и вытекает способность сериала передавать паттерны поведения, мысли, эмоции через любимых героев, а также комментировать актуальные и проблемные ситуации.

Возможность сериалов передавать в своем повествовании актуальные проблемы отмечают зарубежные ученые, так К.В. Бишоп высказывает мнение, что, например, сериал «Ходячие мертвецы» – это возможность показать проблемы, поедающие современное общество и современную семью (Bishop, 2006: 172). Таким образом, сериал выступает тем средством коммуникации, который отражает настроения современного общества и бытующих в нем мнений, взглядов и стереотипов.

Как отмечает А.П. Чудинов в книге "Политическая лингвистика": «Стереотип – это схематическое и стандартное представление о некоем феномене, отличающиеся устойчивостью и

эмоциональной окраской» (Чудинов, 2006: 46).

По мнению Т.Г. Тер-Минасовой, в то же время негативная коннотация стереотип не только не мешает, а наоборот, «позволяет человеку составить представление о мире, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического мира» (Тер-Минасова, 2000: 139).

Многие исследователи (В.А. Маслова, Б.М. Джандар, А.Д. Лоова) относят к стереотипам любое устойчивое суждение, выражение или клише безотносительно коннотаций или эмоциональных и оценочных компонентов значения описываемых явлений (Джандар, Лоова, 2016). Кроме того, к одной из разновидностей стереотипов причисляют национальную ориентированность, то есть сформированное мнение о других национальностях и их представителях. Интересно, что такие стереотипы, передаваемые посредством сериалов, также участвуют в создании образа страны в мировом пространстве. Для понимания речевого пространства сериала и исследования речевых репрезентаций, формирующих образ, важно описать такую его особенность сериала как поликодовость, возможность воздействовать на зрителя не только при помощи слова, но также при помощи картинки. М.Б. Ворошилова отмечает, что «вербально представленная информация влияет на сознание индивида рациональным путём, а использование различных паралингвистических средств автоматически переводит восприятие на подсознательный уровень» (Ворошилова, 2007). При этом М.А. Бойко справедливо, на наш взгляд, подчеркивает, что «информация, содержащаяся непосредственно в текстовом сообщении, усваивается лишь на 7%, голосовые характеристики способствуют усвоению 38% информации, тогда как наличие визуального образа заметно повышает восприятие – до 55%» (Ворошилова, 2007).

Целью настоящей статьи явилось рассмотреть речевые репрезентации стереотипов о России, которые можно обнаружить в американских детективных сериалах. Материалом исследования послужили примеры речевых репрезентаций представлений о России в телевизионных сериалах «Касл» (8 сезонов), «Элементарно» (5 сезонов), «Область тьмы» (1 сезон), «Бруклин 9-9» (4 сезона). Общий метраж исследованного материала составил 264 часа.

### Научные результаты и дискуссия

Специфика детективных сериалов заключается в том, что в большинстве из них легко выстраивается понятийная система образов «хороший-плохой», «свой-чужой». Зритель изначально знает кого поддерживать и преднастроен воспринимать все поступки героя, его слова и действия как соответствующие выбранному амплуа.

В исследованном материале методом сплошной выборки были отобраны примеры речевой репрезентации России. Затем все примеры были разделены на следующие три группы:

- неразвитая система правосудия,
- образ президента,
- образ русского человека.

Такая классификация продиктована содержательной стороной выбранных примеров. Далее будет представлен разбор примеров из всех трёх групп.

#### 1) система правосудия

Один из эпизодов сериала «Касл» («Dead Red», Castle, 8 сезон 11 серия) рассказывает о расследовании убийства сына российского посла. Ассистентом главных героев в этом эпизоде выступает агент службы безопасности – Василий Жирнов. Интересно, что уже в названии, выражается один из стереотипов, присущий западному медийному пространству – использовать прилагательное «красный» как синоним слова «русский».

В сериале «Касл» интересным является тот факт, что «русские герои»

сами характеризуют законы и правосудие страны:

*Russian justice plays by different rules* (Российское правосудие играет по другим правилам, *здесь и далее перевод автора*).

В этом примере довольно нейтральное понятие «другие правила» приобретает негативный оттенок. Главные герои сериала – представители американского правосудия. В описываемом случае говорящий сравнивает американское и российское правосудие, и так как главные герои находятся в поле «своих» и «хороших», то значит российское правосудие, играющее по «другим» правилам, попадет в отрицательное поле. По такому же принципу построен и следующий пример:

*You see, Captain, uh, Russian justice is very, very complicated* (Видите ли, капитан, кхм, российское правосудие – очень и очень запутанное).

По-другому, эксплицитно, построены следующие фразы:

*Pain is the only way we can get the truth* (Боль – единственный способ вытянуть правду).

*Laws mean nothing in Russia. All that matters is power* (Законы ничего не значат в России. Все что важно – это сила).

Говорящие говорят прямо «боль – единственный путь, законы ничего не значат», таким образом, приведенные выше высказывания выражают негативные стороны русского правосудия. Отметим, что все эти фразы произносились героями сериала, которые играли роль высокопоставленных персон, работающих в сфере политики. Высокий социальный статус говорящих создает у зрителя ощущение того, что герои знают о чем рассуждают, таким образом утверждение, что «русское правосудие играет по другим правилам» приобретает большую значимость.

В сериале «Элементарно» (Elementary) также есть несколько серий посвященных русским, в них действуют и русские шпионы, и русские олигархи.

Эпизод «Murder ex Machina» (4 сезон 9 серия) рассказывает об убийстве русского олигарха, с вовлечением событий украинского конфликта. Герои сериала в этой серии весьма недвусмысленно высказываются о русских законах:

– *So maybe one of the rival oligarchs had him killed.* (Так может быть кто-то из враждебно настроенных олигархов заказал его).

– *I would've thought, if a Russian wanted him dead, they would do it in Russia, where the authorities can be relied upon to turn a blind eye.* (Я бы сказал, если бы русские хотели смерти, они сделали бы это в России, где можно быть уверенным, что власти закроют на это глаза).

В этом примере главный герой высказывает мысль, что на власти в России «можно положиться», при этом продолжение примера имеет отрицательную, негативную окраску, так как власти наверняка закроют глаза на происходящие. Такая фраза, произнесенная главным героем сериала, вызывает у зрителя доверие и создает впечатление, что в России действительно властям доверять нельзя.

В другом детективном сериале «Область тьмы» (Limitless) действие одного из эпизодов происходит в России (1 сезон 18 серия «Bezgranichnyu»). Здесь также отметим общее настроение серии – темные тона, главные герои едят борщ, играют на балалайке и слушают «Калинку-малинку», эпизод собрал большое количество клише, изображающих Россию в зарубежных фильмах.

Главный герой этой серии пытается освободить свою подругу из русской тюрьмы.

*On the other hand, you are in the country where, rumors has it corruption and graft hold actual sway.* (С другой стороны, вы находитесь в стране, где, по слухам, коррупция и взяточничество действительно влияют на ситуацию).

В исследуемом примере главный герой, рассуждая о планах спасения своей

подруги, вспоминает, что «по слухам» в России можно подкупить тех, кто у власти. Интересно, что в этом примере нам показывают бытующие в обществе мнение, на которое ссылается герой при помощи слов *rumors has it*, а следующие его действия лишь подтверждают эти слухи для зрителей. В итоге герой спасает заключённую, подкупив чиновника разговором с Джорджем Мартином.

*These books [Game of Thrones], they are a saga of realpolitik. There is much to learn from them.*

В этом примере про русскую политику вновь говорит сам представитель этой политики, по имени Максим Лавров. Интересно, что он ссылается на книги Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени», известных своим жестоким изображением политического уклада мира, сродни средневековью, его раздробленности и междоусобицам. При этом чиновник говорит, что там показана *реальная политика*. Вместе с темной картинкой, эпизод создает у зрителя мрачное настроение, а Россия 2014-2015 годов выглядит несовременной.

В целом герои всех вышеперечисленных сериалов довольно прямо и резко высказываются по поводу законов в России. Можно отметить, что лишь некоторые примеры имеют скрытые сравнения или подтексты. Интересно, что в большинстве примеров, законодательная система критикуется ее же представителями. Таким образом, с одной стороны, эти слова приобретают больший вес в сознании зрителя, а с другой стороны, создатели как бы снимают оценочность высказываний с американской стороны.

## 2) Образ президента

Примеры из этой группы не столь многочисленны, но также встречаются в сериалах. Важно отметить, что речевые репрезентации президента носят имплицитный характер.

Так, в эпизоде «Murder ex Machina» (4 сезон 9 серия) сериала «Элементарно», в котором речь идет об убийстве русского

олигарха Золотова, герои характеризуют его следующим образом:

- *One of Russia's so-called oligarchs.*

- *What's an oligarch?*

- *In Russia's case, part of an inner circle that practically owns the country. So Zolotov made his money in shipping. He was a close personal friend of the Russian president. But according to his critics, not a nice man. The oligarchs are frequently referred to as little more than billionaire thugs. Last year, a Polish paper did a profile on him. They said that he was a ruthless negotiator and implied that he had assassins on retainer.* (– Один из так называемых российских олигархов. – Кто такой олигарх? – В случае с Россией, часть приближенного круга, который практически владеет страной. Итак, Золотов заработал свои деньги на доставке. Он был близким другом российского президента. Но, по словам его критиков, не очень хорошим человеком. Олигархов часто называют ни кем иными как головорезами-миллиардерами. В прошлом году польская газета рассказывала о нем. По их словам, он был безжалостным переговорщиком, а также намекали, что у него есть наемные убийцы).

В таком большом потоке описаний, звучит и фраза «он был близким другом президента». Таким образом, главные герои не только описывают на их взгляд типичного представителя олигархии, но также переносят эти качества на главу государства. Интересно отметить, что при этом ни единого негативного слова в адрес самого президента не высказано.

В другом, детективно-комедийном, сериале «Бруклин 9-9» (Brooklyn Nine-Nine, 1 сезон 15 эпизод «Operation: Broken Feather»), образ президента также представлен через другой негативный образ. В команду детективов участка приходит новый член, чье прозвище *Vulture* (стервятник, хищник). У главных героев не дружеские с ним отношения: в прошлом он отбирал у них практически все успешные дела, и теперь снова

пытается это сделать. Стервятник в этой серии выступает антагонистом, действуя в поле «плохой и чужой». Одна из главных героинь сериала – Эми – тем не менее, хочет перейти на работу в отдел стервятника. Тогда другой герой напоминает ей: *"You're gonna go work for the Vulture? Don't you forget how awful he is?"* (Ты собираешься работать на Стервятника? Неужели ты забыла, как он отвратителен?).

После этого Эми припоминает следующий разговор со Стервятником, при чем последний показывает ей резинку своего нижнего белья:

- *The Vladimir Putin collection?*

- *Yeah, 70 bucks a pair. And they only increase in value.* (Коллекция Владимира Путина? – Да, 70 баксов за пару. И они возрастут в цене).

В данном случае упоминание президента звучит в неожиданном контексте, но тем не менее, его имя произносится сразу после фразы *Don't you forget how awful he is?* Кроме того, главный отрицательный персонаж серии также носит коллекцию одежды от президента. В этом случае мы можем отметить, что на речевом уровне сравнения нет, однако поликодовая структура сериала, особенность отношений между положительными и отрицательными героями, последовательность визуальных образов наряду с лексемой *awful* [ужасный, страшный, отвратительный, жуткий, ужасающий, чудовищный, кошмарный, ужаснейший] выстраивают в сознании зрителя нужный образ, помогая понять скрытые связи.

Отметим, что в случае образа президента, говорить о стереотипном восприятии в полной мере сложно. Но сериалы задевают те эмоции, те настроения, которые выражает их целевая аудитория, укрепляя в сознании зрителей этот образ и тем самым, формируя стереотип.

3) *Образ русского человека*

В сериале «Касл» («Dead Red», 8 сезон 11 серия) главные герои в ожидании

приезда русского гостя произносят следующий диалог:

*Esposito: Hey, did you hear the Russians are sending one of their own – to ride along with us?*

*Ryan: Are you kidding me?*

*Esposito: Vasily Zhiron. He's part of the Russian diplomatic security service.*

*Castle: "Red Heat" is coming here? So, a Russian? Yeah, Ivan Drago's in the house. I hear those guys are like automatons. Strictly business. Well, if Boris is coming, could Natasha be far behind? This could be trouble for the big moose and little squirrel.* (Эспозито: Эй, ты слышал, что русские посылают одного из них – работать вместе с нами? Райан: Ты что, шутишь? Эспозито: Василий Жиров. Он – сотрудник российской дипломатической службы безопасности. Касл: «Красная жара» идет сюда? И так, русский? Отлично, Иван Драго здесь. Я слышал, что эти парни как автоматы. Строго только дело. Ну, а если Борис приедет, может и Наташа недалеко? Это может стать проблемой для большого лося и маленькой белочки.)

Главные герои беседуют о приезде русского героя, Сравнение: *«I hear those guys are like automatons. Strictly business»*. Такое сравнение помогает увидеть стереотипное восприятие главными героями русского агента: как робота, сконцентрированного строго на деле. Это сравнение поддерживается и другим маркером восприятия образа русского агента – использованием прецедентных имен, отсылок к известным образам, в этом случае кинообразам: Red Heat, Иван Драго, Борис и Наташа. Red Heat – кинофильм «Красная жара» с А. Шварцнеггером – Иван Данко – в главной роли, сыгравшего русского полицейского, борющегося с наркомафией, который не любит шутить, и доказательством серьезности его намерений выступают большие сильные мускулы и пистолет. В фильме советская Россия представлена как мрачная, угрюмая страна беззакония и воровской романтики. Другое

прецедентное имя – Иван Драго, боксер, соперник Рокки Бальбоа (кинофильм «Рокки 4»), где Иван представлен как сильный, но безэмоциональный противник. Наташа и Борис – это образы шпионов из мультфильма «Приключения Рокки и Буллвинкля». Более того, отсылка к Рокки и Буллвинклю является распространённым для описания образа русских. Так, в сериале «Теория большого взрыва» один из героев также ссылается на этих героев, когда рассказывает о нефункциональности российской капсулы «Союз» (The Big Bang Theory, 5 сезон, 23 серия). Таким образом, интертекст, создавая целую сеть связанных образов, помогает создать комичный настрой в сознании зрителей. Отметим, что герой в этой серии в действительности является довольно гротескным. Его другой особенностью можно назвать сильный акцент. Эта особенность отмечена и в сериале «Элементарно», где главный герой был обманут отсутствием у подозреваемого русского акцента:

*You're quite good, you know that? You really had me going the other day. Your accent, your attire, – it all virtually screams average American. Except you're neither, are you?* (Вы довольно хороши, знаете? Вы действительно поставили меня в тупик на днях. Ваш акцент, одежда – все это прямо кричит: средний американец. За исключением того, что вы им не являетесь, не так ли?)

В целом, образ русского в рассмотренных сериалах не носит резко-отрицательного характера, в отличие, например, от образа русской политики.

#### **Заключение**

В описываемых сериалах «Касл» (8 сезонов), «Элементарно» (5 сезонов), «Область тьмы» (1 сезон), «Бруклин 9-9» (4 сезона) мы выделили несколько групп примеров, в которых репрезентируются оценочная лексика и стереотипное восприятие России:

- система правосудия,
- образ президента,

- образ русского человека.

Самой многочисленной оказалась группа, представляющая образ России как неразвитого государства. В этой группе примеров, правосудие в России представлено негативно, отметим, что все комментарии по поводу законов прозвучали в период 2014-2015 годов, в тот момент, когда в отношениях России и США наблюдалось обострение отношений. Образ президента был представлен двумя примерами, каждый из которых являет собой скрытое сравнение с главой государства. Обычные русские люди в детективных сериалах появляются не так часто. Хотя в изученных примерах, русские не выглядят резко негативно, тем не менее, образ Василия Жирнова в сериале «Касл» был комедийным и гротескным, а, например, положительный герой в сериале «Элементарно» оказался шпионом.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что телесериалы действительно являются современной, хотя недостаточно изученной, площадкой для формирования образа государства в целом, и стереотипов о нем в частности. Уже сейчас лингвисты уделяют все больше внимания поликодовому тексту и визуальным способам его поддержки. Так, Чарльз Форсевилль и Ахмед Абдель-Рахим отмечают, что будущие направления исследований: исследование движущихся изображений, тестирование долгосрочного (а не краткосрочного) влияния дискурсов на нравственные рамки людей, а также интертекстуальность (Forceville, 2019).

#### Список литературы

Джандар Б.М., Лоова А.Д. Функции стереотипов в формировании языковой картины мира // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. №4 (2016). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-steretipov-v-formirovanii-yazykovoy-kartiny-mira> (дата обращения: 16.03.2019)

Дмитрова А.В. Сериал как форма репрезентации кинотекста: лингвопрагматические и лингвокогнитивные аспекты изучения // Русский язык в глобальном и локальном измерениях: сб. ст. Междун. науч. конф. / Российский фонд фундаментальных исследований; Департамент образования и молодеж. политики ХМАО – Югры; Бюджет. учреждение высш. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т» [и др.]; редкол.: Е.И. Бреусова [и др.]; отв. ред. Т.А. Сироткина; технич. ред. Т.Ю. Колягина. – Сургут: РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2018 – С. 289-291

Витязева Ю.А. Коммуникативная стратегия «Привлечение и удержание внимания» в медиадискурсе на примере научно-популярного сериала // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. №403. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-strategiya-privlechenie-i-uderzhanie-vnimaniya-v-mediadiskurse-na-primere-nauchno-populyarnogo-seriala> (дата обращения: 18.03.2019)

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2007. №1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyi-tekst-aspekty-izucheniya-1> (дата обращения: 16.03.2019).

Ворожейкин Е.П. Стратегии массовой экранной культуры // Studia Humanitatis. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-massovoy-ekrannoy-kultury> (дата обращения: 18.03.2019).

Закарян Г.А. Телесериал как инструмент воздействия на индивида // Наука телевидения. 2010. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teleserial-kak-instrument-vozdeystviya-na-individa> (дата обращения: 18.03.2019).

Попова Л. О., Ромаха О. В. Феномен телевизионных сериалов в современной массовой культуре // Аналитика культурологии. 2008. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-televizionnyh-serialov-v-sovremennoy-massovoy-kulture-1> (дата обращения: 16.03.2019).

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. – М.: «Флинта», «Наука», 2006. – 254 с.

Emotions in Contemporary TV Series. Edited by Alberto N. Garcia. Springer, 2016

Forceville, C. (2019). Pictorial Framing in Moral Politics: A Corpus-Based Experimental Study. Abdel-Raheem A., New York, NY & London, UK: Routledge, 2019. 209 pp., including 50 b/w figures and an index. ISBN 978-1-1-138-35176-9 (hbk), 978-0-429-43508-9 (ebk). *Journal of Language and Education*, 5(1), 110-113. URL: <https://doi.org/10.17323/2411-7390-2019-5-1-110-113>

### References

Dzhandar B. M., Loova A. D. (2016). Stereotype functions in shaping the language picture of the world. *The Bulletin of the Adyge State University, "Philology and the Arts" series*, 4. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/funksii-stereotipov-v-formirovanii-yazykovoy-kartiny-mira> (in Russian).

Dmitrova A. V. (2018). Series as a form of cinematographic text representation: pragmatic, cognitive and linguistic aspects of study. *Proceedings of the International Scientific Conference "The Russian language in global and local scopes"*, 289-291. (in Russian).

Vityazeva Yu. A. (2016). Communicative strategy of attracting and retaining attention in media discourse on the material of popular science series. *The Bulletin of Tomsk State University*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-strategiya-privlechenie-i-uderzhanie-vnimaniya-v-mediadiskurse-na-primere-nauchno-populyarnogo-serial> (in Russian).

Voroshilova M. B. (2007). Polycode text: aspects of study, *Political linguistics*, 2007, 1 (21). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyi-tekst-aspekty-izucheniya-1> (in Russian).

Vorozheikin E. P. (2015). The strategies of mass screen culture, *Studia Humanitatis*, 3. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-massovoy-ekrannoy-kultury> (in Russian).

Zakaryan G. A. (2010). TV series as a tool to manipulate an individual, *The Art and Science of Television*, 7. Retrieved from

<https://cyberleninka.ru/article/n/teleserial-kak-instrument-vozdeystviya-na-individa> (in Russian).

Popova L. O., Romakh O. V. (2008). TV series phenomenon in mass culture, *Culturology analytics*, 12. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-televizionnyh-serialov-v-sovremennoy-massovoy-kulture-1> (in Russian).

Ter-Minasova S. G. (2000). *Yazyk i mezkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and cross-cultural communication], Moscow, Russia: Slovo (in Russian).

Chudinov A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika: uchebnoe posobie* [Political linguistics: textbook], Moscow, Russia: Flinta, Nauka (in Russian).

Emotions in Contemporary TV Series (2016), in Alberto N. Garcia (ed.), Germany: Springer.

Forceville, C. (2019). Pictorial Framing in Moral Politics: A Corpus-Based Experimental Study. *Journal of Language and Education*, 5(1), 110-113.

**Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.**

**Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.**

**Дмитрова Анна Владимировна**, аспирант кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет ХМАО – Югры»

**Dmitrova Anna Vladimirovna**, postgraduate Student, Department of Linguistic Education and Intercultural Communication, Surgut State Pedagogical University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra,

**Карнюшина Вера Вениаминовна**, к. филол.н, доцент кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет ХМАО – Югры»

**Karnyushina Vera Veniaminovna**, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Linguistic Education and Intercultural Communication, Surgut State Pedagogical University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra

УДК 81'23

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-4

Королева Л. Ю.

**Прагматический аспект сленга в современном политическом дискурсе**

Тамбовский государственный технический университет,  
ул. Советская, д.106, Тамбов, 392000, Россия  
*lyu-korolyova@yandex.ru*  
ORCID: 0000-0003-0682-2657

*Статья поступила 2 марта 2019 г.; принята 5 июня 2019 г.; опубликована 30 июня 2019 г.*

**Аннотация**

Изучение политического дискурса представляет значительный интерес для современной лингвистики, т. к. в его основе лежит рассмотрение связи языка и политики, необходимой для последней с точки зрения функций, выполняемых ей в обществе, в том числе и непосредственно связанных с использованием языка. В работе проведен анализ политического дискурса и его функций с теоретической точки зрения, а также практический анализ сленга, его прагматического аспекта на основе рассмотрения семантики и способов пополнения сленга и его роли в первом. Для этого были использованы такие методы как: описательный, сопоставительный и метод компонентного анализа. Рассмотрен политический дискурс, представленный в выступлениях и интервью президента Российской Федерации В.В. Путина средствами массовой информации. Было выявлено, что данный политический дискурс адресован общей аудитории и выполняет аргументативную и персуазивную функции, так как имеет своей целью донесение информации до реципиентов с приведением необходимых аргументов и использованием средств, служащих для убеждения адресатов. Сленг используется для достижения следующих целей: 1) усиления функций политического дискурса; 2) придания речи эмоциональной окраски; 3) включения в беседу элементов шутки; 4) ярко выраженной характеристики (положительной или отрицательной) тех процессов или действующих лиц, о которых упоминает президент. Среди источников пополнения сленга выделены словообразовательные модели (словосложение, аффиксация), заимствования, как из других языков так и внутренние.

**Ключевые слова:** политика; политический дискурс; сленг; словообразовательная модель; язык.

**Для цитирования:** Королева Л.Ю. Прагматический аспект сленга в современном политическом дискурсе // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, №2. С. 32-41. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-4

Lyudmila Yu. Korolyova

**Pragmatic aspect of slang in the modern political discourse**

Tambov State Technical University,  
106 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russia  
*lyu-korolyova@yandex.ru*  
ORCID: 0000-0003-0682-2657

*Received 2 March 2019; accepted 5 June 2019; published 30 June 2019*

**Abstract**

The research of the political discourse is of particular interest for contemporary Linguistics since it is based on the study of the connection between politics and language. This connection is important for politics from the point of view of those functions that the former plays in the society and which have a direct reference to the language use. The political discourse and its functions are considered from the theoretical point of view in the paper and the practical analysis of slang, its pragmatic aspect based on the study of semantics and sources of slang, and its role in the discourse is made. To do this such methods as the descriptive one, the comparative one and the method of component analysis were used. The political discourse represented in the speech and interviews of the president of the Russian Federation V.V. Putin to mass media was considered. It was found out that the political discourse is addressed to the general public and plays argumentative and persuasive functions. Slang is used to achieve the following goals: 1) to strengthen the political discourse functions; 2) to make speech more emotionally coloured; 3) to include joke elements into the speech; 4) to characterize (positively or negatively) those processes or actors that are mentioned by the president. The sources of slang in the political discourse include word formation models (compounding, affixation), borrowings from other languages as well as the native language.

**Key words:** politics; political discourse; word formation model; slang; language.

**How to cite:** Korolyova L. Yu. (2019). Pragmatic aspect of slang in the modern political discourse. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (2), 32-41, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-4

**Введение.** Исследования политического дискурса проводятся в лингвистике уже достаточно большое время и до сих пор актуальны вследствие той роли, которую политика играет в жизни людей. С философской точки зрения, политику связывают с языком как основным орудием человека, необходимым для осуществления процесса мышления и общения людей друг с другом.

Западные ученые считают, что политика и язык тесно связаны на фундаментальном уровне, т.к. человеческая способность воспроизводить речь уходит корнями в социальные отношения

людей. Соответственно, язык развивался для того, чтобы выполнять социальные функции, что, в свою очередь, коррелирует с пониманием 'политики'. Политическая деятельность не может существовать без языка (Chilton, 2004).

Взаимоотношения людей в большей степени вовлекают использование языка, а сам языковой контакт является неотъемлемой частью отношений и обусловлен социокультурными, историческими, идеологическими и институциональными факторами. В отношении политики можно сказать, что определенные политические ситуации и

процессы (парламентские дебаты, брифинги и т. д.) определяют организацию дискурса и текстуальную составляющую различных типов дискурса, в которых реализуется политический дискурс как сложный вид человеческой деятельности (Schäffner, Bassnett, 2010). При этом, лингвисты указывают на разницу между ситуациями, в которых говорят о политике (например, дома, в кафе или на работе), политическим дискурсом, представленном в СМИ, и общением политиков, т. е. дискурсом, имеющим место в политических организациях. Последний разделяют на инструментальный, т. е. созданный политиками и адресованный политикам, и коммуникативный, целью которого является передача, объяснение, оправдание политических решений, который также создается политиками, но адресован общей аудитории (например, речь во время предвыборной кампании, выступление главы государства с посланием или поздравлением на Новый год и т.д.). (Burkhardt, 1996). Основываясь на тех же принципах, Е.И. Шейгал выделяет три жанра политического дискурса, зависящие от основного намерения говорящего: ритуальный (речь на торжественных мероприятиях и т. п.); ориентационный (различные программы, указы и т. д.) и агональный (призывы, лозунги и т. п.) (Шейгал, 2000).

В целом, политику рассматривают как способ действия, включающий дискурсивные практики, которые в свою очередь создают или исключают возможности для дальнейших действий. Это означает, что на тексты политических деятелей может быть наложен запрет в отношении открытого доступа общественности к ним, если они идут вразрез с официальной идеологией правящей политической партии (Schäffner, Bassnett, 2010).

С этой точки зрения, использование определенного языка (лексики и грамматики) в политическом дискурсе может рассматриваться как способ,

применяющийся для обострения конкуренции политиков, каждый из которых желает представить и заставить других принять его собственный 'мир'. Кроме того, в отношении социальных групп, и особенно суверенных государств, используется понятие пространственного домена, который, по мнению П. Чилтона, может включать 'центр', 'инсайдеров', 'аутсайдеров', 'людей на периферии' и т. д. (Chilton, 2004). Т.А. ван Дейк также развивает теорию политического домена в дискурсе и выделяет в нем несколько уровней, а именно: базовый (отдельные участники политического дискурса, выражающие свои идеи), средний (различные политические группы, устанавливающие контакты между собой), верхний (непосредственно политические системы, взаимодействующие на основе культурных, социальных и политических, исторических процессов). Все эти уровни взаимосвязаны. Поэтому, в определенной ситуации политик может выступать как отдельное лицо со своими взглядами и идеями. При этом он же может представлять какую-то партию и защищать ее политический курс, а в целом, он является частью парламентской демократии и воспроизводит дискурсивный порядок демократической идеологии, который включает в себя культурные знания, нормы и ценности, разделяемые другими группами той же культуры (van Dijk, 2002). По своей сути, эти уровни и представляют то, о чем говорит П. Чилтон.

Кроме того, существует мнение о том, что любой участник политического дискурса управляется кем-то другим, например средствами массовой информации, оппозиционным лагерем, электоратом и т. д. (Mihas, 2005).

Исследователи также обращают внимание на функции, которые должен выполнять политический дискурс, среди которых выделяют следующие:

- персуазивную;
- аргументативную;
- информативную;

–персуазивно-функциональную (помогающую создать представление о лучшем устройстве мира);

–делимитативную;

–групповыделительную (Водак, 1997).

Для выполнения этих функций необходимо использование определенного языка, зависящего от ситуации, говорящего и адресата, а именно тех лексических единиц, которые характерны для определенных ситуаций. Ведь как справедливо отмечает С. Варейнг, слова, выбранные говорящим, оказывают значительное влияние на восприятие людьми других и самих себя (Wareing, 2004). Особое внимание среди этих видов лексики хотелось бы обратить на сленг как достаточно уникальное явление в любом языке и рассмотреть в этой работе характер его использования в политическом дискурсе с учетом функций первого и последнего, а также словообразовательные модели сленга, типичные для современного периода времени.

**Теоретические основы понятия 'сленг'.** Рассмотрим сначала интерпретацию понятия 'сленг', которая достаточно неоднозначна. В Кембриджском словаре английского языка даются следующие определения. Сленг – это 1) «неформальный язык, использующийся в речи определенных групп людей, часто включающий в себя грубые слова»; 2) «неформальный язык, в большей степени устный нежели письменный, использующийся определенными группами людей» (Cambridge Dictionary). По мнению Б. Сполски, сленг является разновидностью жаргона, отличительными признаками которого являются отрицание формальных правил, сравнительная свежесть, общая эфемерность и выражение солидарности с другими (Spolsky, 1998).

Наиболее детально происхождением и толкованием сленга занимался Э. Партридж. Он утверждает, что с 1850г. сленг считался синонимом иллегитимной, разговорной речи, характерной для низших

слоев, и только в начале 20 в. к нему начинают относиться как к общепризнанному явлению, характерному для любого класса. Для глубокого понимания языка было необходимо познакомиться со сленгом (Partridge, 2015). Дж. Коулман считает, что сленг типичен для категории людей определенного возраста и может показывать принадлежность человека к определенной клике. Кроме того, его используют как предмет моды для отождествления себя с одними группами и отчуждения от других (Coleman, 2004).

Отмечается, что использование сленга в речи всегда связано с эмоциональной составляющей речевого действия. Человек выражает свои взгляды в зависимости от того, что он чувствует в данный момент. Часто выбор лексики определяет профессия или род занятий говорящего. «Специализация в определенной области естественно приводит к применению особой (специализированной) лексики, изобретению новых слов или использованию известных слов в новом контексте. Эти особые слова и фразы становятся сленгом только тогда, когда они используются вне пределов профессиональной группы и изменяют свое значение, или используются по-новому. Источником сленга могут быть различные области, но независимо от этого, именно личность и окружающая среда (социальная или профессиональная) являются двумя основными факторами, определяющими сущность сленга» (Partridge, 2015: 5).

Следует добавить, что в речи сленг не используется изолированно, он взаимодействует с другими лексическими слоями, в том числе с литературным, несмотря на то, что сленг часто противопоставляют последнему, что является вполне правомерным. И.В. Арнольд интерпретирует сленг как своеобразный слой лексики и фразеологии, который используется в разговорной речи и нарушает нормы, принятые в литературе (Арнольд, 1990).

На наш взгляд, можно отметить

двойственную природу сленга, исходя из приведенных толкований этого вида лексики, что также нашло отражение в определении, данном В.А. Хомяковым. Он считает сленг таким лексическим пластом, который охватывает как профессиональную лексику, в том числе социальный жаргон, так и лексику и фразеологию нелитературной речи, которая несет эмоциональность и экспрессивность и может быть использована каждым (Хомяков, 1969).

*Анализ сленга в политическом дискурсе.* Логично предположить, что в политическом дискурсе наибольшее употребление может найти общераспространенный сленг, характерный для данного периода времени и обусловленный определенным политическим курсом той или иной страны. Для достижения целей нашего исследования, рассмотрим политический дискурс, представленный в выступлениях и интервью СМИ президента Российской Федерации В.В. Путина, применяя следующие методы: описательный, сопоставительный и метод компонентного анализа.

В своей речи на Генеральной Ассамблее ООН в 2015г. президент сказал следующее:

*«И тогда у тех, кто оказался на вершине этой пирамиды, возник соблазн думать, что если они такие сильные и исключительные, то лучше всех знают что делать. А следовательно, не нужно считаться и с ООН, которая зачастую, вместо того чтобы автоматически санкционировать, узаконить нужное решение, только мешает, как у нас говорят, "путается под ногами"»* (Выступление на Генеральной Ассамблее ООН, 2015).

Выражение *путается под ногами* означает «находясь рядом, поблизости, мешать своим присутствием, отвлекая от дела» (Словарь Академик). В словаре дается пометка о том, что данная фраза используется для выражения неодобрения, имея оттенок фамильярности. Используя

данное выражение для характеристики деятельности Организации Объединенных Наций, В.В. Путин подчеркивает ту отрицательную роль, которую эта организация стала играть в последнее время, забыв о своих основных функциях, которые должны быть направлены на укрепление мирных отношений между странами, а не наоборот. В данном случае сленговая фраза представлена глаголом *путаться* в сочетании с обстоятельством *под ногами*.

В следующем отрывке того же выступления выделяем такой фрагмент:

*«Считаем любые попытки заигрывать с террористами, а тем более вооружать их, не просто недалевидными, а пожароопасными»* (Выступление на Генеральной Ассамблее ООН, 2015).

Слово *пожароопасный* интерпретируется как «связанный с опасностью, угрозой пожара» (Словарь Академик). Политик применяет его для описания попыток вести какие-либо дела с террористами, которые могут привести к чрезвычайно негативным последствиям. Соответственно прямое значение слова *пожароопасный* заменяется на косвенное с целью усилить те отрицательные результаты, которые могут последовать за определенными действиями. Сленговое слово представлено прилагательным, образованным от существительного <пожар>, соединительной гласной <o> и прилагательного <опасный>.

Еще один фрагмент выступления президента:

*«Тем более что в лагерях "Исламского государства" проходят "обкатку" боевики из многих стран, в том числе из европейских»* (Выступление на Генеральной Ассамблее ООН, 2015).

Слово *обкатка* образовано от глагола *обкатать* с использованием корневой основы последнего <обкат>, суффикса <к> и окончания <a>. Глагол *обкатать* имеет несколько значений: 1) «катая, вывалить в чем-либо, обвалить»; 2) «утрамбовывая катком (или другим

подобным орудием), выровнять, сделать годным для езды, движения»; 3) «пробной ездой проверить пригодность, готовность чего-нибудь» (Словарь Академик). В рассматриваемом отрывке дискурса третье значение является наиболее подходящим в том отношении, что боевиков должны проверить с помощью специальной подготовки и определить их пригодность к ведению боевых действий. Таким образом, значение литературного слова, относящегося к неодушевленным предметам, переносится на людей, что в свою очередь показывает пренебрежительное отношение президента к подобным представителям человечества.

В другом отрывке выступления президента выделяем следующую информацию:

*«Нельзя допустить, чтобы эти головорезы, которые уже почувствовали запах крови, потом вернулись к себе домой и там продолжили свое чёрное дело»* (Выступление на Генеральной Ассамблее ООН, 2015).

К интересуемому нас сленгу относится слово *головорезы*, интерпретируемое как «отчаянный озорник, а также хулиган, бандит» (Словарь Академик). Образовано путем комбинации корневой основы слова *голова*, т. е. <голов>, соединительной гласной <o> и корневой основы глагола *резать*, т. е. <рез>. Политик применяет данную лексическую единицу не только в значении «бандит», но с акцентированием внимания на коннотации «безжалостный, жестокий бандит», для которого кровопролитие и убийство других людей является обыденным делом. В этом примере можно также указать на те ассоциации, которые вызывает сочетание корневых основ <голов> и <рез>, а именно отрезание голов тем людям, которые стали жертвами боевиков. Использование слова в выступлении усиливает эмоциональную составляющую речи и категорическое отрицание принципов бандитов.

Следующие примеры политического

дискурса – это интервью В.В. Путина СМИ. В интервью телеканалу Russia Today в ноябре 2018г., президент сказал:

*«Церемония сделана таким образом, что там общаться невозможно – мы наблюдали за происходящими событиями. Но сейчас будет рабочий обед, может быть, там удастся»* (Интервью телеканалу Russia Today, 2018).

Выражение *рабочий обед* является калькой английского сочетания *working dinner*, что означает «неофициальный обед для участников переговоров» (Словарь Академик). И в русском, и в английском вариантах эта комбинация является интересной, т. к. слово *рабочий* подразумевает *работу*, а слово *обед* предполагает расслабленную атмосферу, во время которой необходимо полноценно поесть. Тем не менее, в политическом дискурсе это сочетание стало распространенным, т. к. во время обеда можно не тратить время только на еду, а обсудить некоторые вопросы, при этом формат будет полуофициальным.

В интервью американскому телеканалу Fox News в июле 2018г. обратим внимание на следующий фрагмент:

*«Они говорили о том, что эти подразделения были непосредственно задействованы в хакерских атаках на компьютеры Демократической партии...»* (Интервью американскому телеканалу Fox News, 2018).

Использование слова *хакерский* уже стало достаточно обычным явлением для русского языка в разных сферах, в том числе и политической. Но по своему происхождению эта лексическая единица является сленгом, образованном от английского слова *hacker*, что изначально интерпретировалось как «чрезвычайно квалифицированный ИТ-специалист» (Словарь Академик). В настоящее время хакерами называют взломщиков компьютеров и компьютерных сетей. Следовательно, в русском языке используется калька английского слова, к

которому прибавляется суффикс <кс> и соответствующее окончание. В речи политика применение этого слова свидетельствует о его отрицательном отношении к людям данной профессии и к обвинению в таких атаках на компьютеры в целом.

Рассмотрим фрагмент интервью президента австрийскому телеканалу ORF в июне 2018г.

*«Благодаря нашему сотрудничеству Баумгартен, а значит, и Австрия, стал самым крупным в Европе газовым хабом»* (Интервью австрийскому телеканалу ORF, 2018).

Слово *хаб* является калькой английского слова *hub*, что означает «ступица колеса, центр; в общем смысле узел какой-то сети» (Словарь Академик). Слово используется в основном в таких сферах, как авиация, транспорт, компьютерные сети, энергетика. В этом примере политик прибегает к использованию этого слова в отношении газового узла, имеющего важное значение для международной политики стран, о которых идет речь. Слово несет положительную коннотацию.

В том же интервью выделяем следующий отрывок:

*«Нам зачем **раскачивать** это всё, в том числе и единую европейскую валюту как производную от **раскачки** самого Евросоюза?»* (Интервью австрийскому телеканалу ORF, 2018).

Внимание привлекает глагол *раскачивать* и существительное *раскачка*. Глагол интерпретируется как «качать взад и вперед, размахать, дать качательное движение» (Словарь Академик). В речи политика и глагол и существительное используются в значении «приводить в шаткое, нестабильное состояние, способствовать ослаблению чего-то». Существительное образовано комбинацией корневой основы глагола *раскачивать*, т. е. <раскач>, суффикса <к> и соответствующего окончания. Президент эмоционально подчеркивает абсурдность

предположения о желании ослабить европейскую валюту и Евросоюз.

Еще один пример – интервью В.В. Путина американскому телеканалу NBC в марте 2018 г.

*«Я хочу сказать, что Соединённые Штаты, когда вышли в 2002 году из Договора по ПРО, вынудили нас начать работу над новыми системами вооружений. Мы об этом сказали нашим партнёрам, они сказали: «Хорошо, делайте, что хотите». Вот мы сделали – «**Пожалуйста бриться**»»* (Интервью американскому телеканалу NBC, 2018).

Президент использует выражение *Пожалуйста бриться* с определенной долей иронии и в то же время шутки. С одной стороны, данная фраза типична для парикмахеров. С другой стороны, глагол *бриться* означает «срезать волосы до корня» (Словарь Академик). В интервью политик мог иметь в виду то, что: 1) все готово в соответствии с «пожеланиями» партнеров; 2) новые системы вооружений могут нанести значительный ущерб соперникам. Таким образом, глагол *бриться* приобрел новое значение в политическом контексте.

В том же интервью рассмотрим следующий фрагмент:

*«Нам нужно убирать эти **ножницы** между теми, кто зарабатывает очень много, и теми, кто зарабатывает слишком мало»* (Интервью американскому телеканалу NBC, 2018).

Слово *ножницы* интерпретируется как «режущий инструмент из двух раздвигающихся лезвий с кольцеобразными ручками» (Толковый словарь Ожегова). В.В. Путин использует это слово в значении «значительная разница», имея в виду положение дел, сложившихся в сфере заработной платы.

Еще один отрывок этого интервью представляет интерес для нашего исследования:

*«Вон Песков сидит напротив, мой пресс-секретарь, он несёт иногда такую **пургу**», я смотрю по телевизору и думаю:*

чего он там рассказывает?» (Интервью американскому телеканалу NBC, 2018).

Политик желает пошутить по поводу некоторых комментариев своего пресс-секретаря и для этого применяет слово *пурга*. В литературном варианте оно имеет следующее значение: «сильная, низовая метель, преимущественно возникающая в равнинных безлесных местностях; в уголовном жаргоне означает «врать»» (Словарь Академик). Мы относим слово к сленгу в данном случае, т. к. оно не серьезно нарушает нормативы литературного языка.

*Результаты исследования и их обсуждение.* Политический дискурс, представленный в проанализированных фрагментах, адресован общей аудитории и выполняет аргументативную и персуазивную функции, т. к. президент Российской Федерации представляет аргументы, подтверждая какую-либо информацию, данную ранее, а также

пытается убедить своих собеседников в достоверности того, что он говорит. Сленг в этом случае используется для достижения следующих целей: во-первых, для усиления упомянутых выше функций политического дискурса; во-вторых, для придания речи большей эмоциональной окраски; в -третьих, для включения в беседу элементов шутки; в-четвертых, для жесткой характеристики тех процессов или действующих лиц, с которыми президент не согласен. Сленговые слова, к которым прибегает президент, относятся к общераспространенному сленгу, следовательно, не поражают участников дискурса значительным отклонением от литературных норм и характерны для многих слоев общества, не являясь при этом вульгаризмами.

В данных примерах политического дискурса были выделены источники пополнения сленга, представленные в таблице.

Таблица

**Источники пополнения сленга в политическом дискурсе**

Table

**Sources of slang in the political discourse**

№ п/п	Источник пополнения	Пример
1	Словосложение 1) существительное + соединительная гласная + прилагательное 2) корневая основа существительного + соединительная гласная + корневая основа глагола	пожароопасный  головорез
2.	Аффиксация	обкатка, раскатка
3.	Заимствования из других языков (калька английских слов)	рабочий обед, хаб
4.	Заимствование + аффиксация	хакерский
5.	Внутренние заимствования (из лексических пластов других социальных групп), представленные: 1) существительным; 2) словосочетанием	пурга, ножницы путаться под ногами, пожалуйста бриться

Таким же образом было проанализировано 20 фрагментов политического дискурса (выступления и интервью президента РФ) и получены результаты, описанные выше.

**Заключение.** Политический дискурс, рассмотренный на примерах общения президента Российской Федерации со средствами массовой информации и во время выступления на Генеральной Ассамблее ООН, имеет своей целью донесение информации до общей аудитории с приведением аргументов и использованием средств, служащих для убеждения адресатов. К последним можно отнести применение сленговых слов и выражений, позволяющих политику акцентировать внимание собеседников и общественности на отдельных моментах, положительное или отрицательное отношение к которым показано таким образом. Кроме того, в некоторых случаях сленг вносит в речь элементы шутки и иронии. Следовательно, в целом обращение к сленгу необходимо для придания высказываниям эмоциональной окраски. Среди источников пополнения сленга, используемых в проанализированном политическом дискурсе, можно выделить словообразовательные модели (слово-сложение, аффиксацию), заимствования, как из других языков так и внутренние.

#### Список литературы

- Академик. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 19.02.2019).
- Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). М.: Просвещение, 1990. 300 с.
- Водак Р. Язык, дискурс, политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
- Интервью австрийскому телеканалу ORF, 04.06.2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/57675> (дата обращения: 19.02.2019).
- Интервью американскому телеканалу Fox News, 17.07.2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/58019> (дата обращения: 18.02.2019).
- Интервью американскому телеканалу

NBC, 10.03.2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/57027> (дата обращения: 19.02.2019).

Интервью телеканалу Russia Today, 11.11.2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/59091> (дата обращения: 18.02.2019).

Стенограмма выступления Владимира Путина на Генеральной Ассамблее ООН, 2015 г. URL: <https://rg.ru/2015/09/28/stenogramma.html> (дата обращения: 18.02.2019).

Толковый словарь Ожегова. URL: <http://slovariki.org/tolkovyyj-clovar-ozegovaj/18473> (дата обращения: 21.02.2019).

Хомяков, В.А. О термине «сленг» (из истории вопроса) // Вопросы теории английского и немецкого языков / отв. ред. Б.А. Ильиш. Вологда: Изд-во Вологодского ун-та, 1969. С. 65-80.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 477 с.

Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // J. Klein und H. Diekmannshenke (Hrsg.) Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996. S. 75-100.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/slang> (дата обращения: 06.02.2019).

Chilton P. Analysing political discourse: Theory and Practice. London, New York: Routledge, 2004.

Coleman J. A history of cant and slang dictionary: Volume II (1785-1858). Oxford: Oxford University Press, 2004.

Mihás E. Non-literal language in political discourse // LSO Working papers in Linguistics 5: Proceedings of WIGL 2005. University of Wisconsin Milwaukee, 2005. 124-139.

Partridge E. Slang today and yesterday. New York: Routledge, 2015. 470.

Schäffner C., Bassnett S. Politics, media and translation – exploring synergies // Christina Schäffner and Susan Bassnett (eds.) Political discourse, media and translation. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010.

Spolsky B. Sociolinguistics. Oxford: Oxford University Press, 1998.

van Dijk T.A. Political discourse and political cognition // Paul A. Chilton and Christina

Schäffner (eds.) *Politics as text and talk: analytical approaches to political discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002.

Wareing S. What is language and what does it do? In Thomas L. (ed.), *Language, society and power*. London: Routledge and Kegan Paul, 2004.1-16.

### References

*Academic* Retrieved from <https://dic.academic.ru> (in Russian).

Arnold, I. (1990). *Stilistika sovremennogo anglijskogoazyka: (Stilistika dekodirovaniya)* [Stylistics of modern English: (Stylistics of decoding)]. Moscow, Russia: Prosveshchenie (in Russian).

Wodak, Rut (1997). *Yazyk, diskurs, politika* [Language, discourse, politics], Volgograd, Russia: Peremena (in Russian).

*Interv'yu avstrijskomu telekanalu ORF* [The interview to the Austrian TV channel ORF] Retrieved from <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/57675> (in Russian).

*Interv'yu amerikanskomu telekanalu Fox News* [The interview to the American TV channel Fox News] Retrieved from <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/58019> (in Russian).

*Interv'yu amerikanskomu telekanalu NBC* [The interview to the American TV channel NBC] Retrieved from <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/57027> (in Russian).

*Interv'yu telekanalu Russia Today* [The interview to the TV channel Russia Today] Retrieved from <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/59091> (in Russian).

*Stenogramma vystupleniya Vladimira Putina na General'noj Assamblee OON* [The shorthand report of Vladimir Putin to the UN General Assembly] Retrieved from <https://rg.ru/2015/09/28/stenogramma.html>. (in Russian).

*Tolkovyj slovar' Ozhegova* [Ozhegov's definition dictionary] Retrieved from <http://slovariki.org/tolkovyj-slovar-ozhegova/18473> (in Russian).

Homyakov, V. (1969). About the term “slang” (the history of the problem), in B.A. Ilyish (ed.) *Theoretical problems of English and German*, 65-80. (in Russian).

Shagal, E. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of the political discourse], Peremena, Volgograd, Russia. (in Russian).

Burkhardt, A. (1996). “Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung”, in J. Klein und H. Diekmannshenke (Hrsg.), *Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation*, Walter de Gruyter, Berlin, New York, Germany, USA, 75-100.

*Cambridge Dictionary* Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/slang>.

Chilton, P. (2004), *Analysing political discourse: Theory and Practice*, Routledge, London, New York, UK, USA.

Coleman, J. (2004), *A history of cant and slang dictionary*, Volume II (1785-1858), Oxford University Press, Oxford, UK.

Mihas, E. (2005), “Non-literal language in political discourse”, *LSO Working papers in Linguistics 5: Proceedings of WIGL 2005*, 124-139.

Partridge, E. (2015), *Slang today and yesterday*, Routledge, New York, USA.

Schäffner, C. and Bassnett, S. (2010), “Politics, media and translation – exploring synergies”, in Christina Schäffner and Susan Bassnett (eds.), *Political discourse, media and translation*, Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, 1-32.

Spolsky, B. (1998), *Sociolinguistics*, Oxford University Press, Oxford, UK.

van Dijk, T.A. (2002), “Political discourse and political cognition”, in Paul A. Chilton and Christina Schäffner (eds.), *Politics as text and talk: analytical approaches to political discourse*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, 203-237.

Wareing, S. (2004), “What is language and what does it do?” In Thomas L. (ed.), *Language, society and power*, Routledge and Kegan Paul, London, 1-16.

**Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.**

**Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.**

**Королева Людмила Юрьевна**, доцент, кандидат филологических наук, доцент

**Korolyova Lyudmila Yurievna**, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

УДК 81'276

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-5

Ляшенко И.В.<sup>1</sup>,  
Дрыгина Ю.А.<sup>2</sup>,  
Леонович Е.О.<sup>3</sup>

Кто такие «тожероссияне»?

<sup>1</sup>) Белгородский государственный  
национальный исследовательский университет,  
ул. Победы 85, Белгород, 308015, Россия  
*e-mail: rattle-snake@mail.ru*  
*ORCID: 0000-0001-7911-8228*

<sup>2</sup>) Белгородский государственный  
национальный исследовательский университет,  
ул. Победы 85, Белгород, 308015, Россия  
*e-mail: drygina@bsu.edu.ru*  
*ORCID: 0000-0001-5995-3488*

<sup>3</sup>) Пятигорский государственный университет,  
пр. Калинина, 9, Пятигорск, 357532, Ставропольский кр., Россия  
*e-mail: jleonovitch@gmail.com*  
*ORCID: 0000-0002-6452-0617*

*Статья поступила 14 мая 2019 г.; принята 21 мая 2019 г.; опубликована 30 июня 2019 г.*

**Аннотация.** В последнее время в российском виртуальном медиапространстве отмечен резкий рост числа этно-маркированных текстов с термином «тожероссияне» и другими экспрессивными этнонимами, служащими своеобразными орудиями «языка вражды». Несмотря на многочисленные проявления национальной нетерпимости, находящие свое отражение в языке, данная проблема по-прежнему не находит должного освещения в отечественной лингвистике, регулярно возникающие новые этно-маркированные лексемы попросту игнорируются и не включаются в Национальный корпус русского языка и словари сленга. Решение подобных проблем и определяет актуальность нашего исследования. В данной работе нами предпринята попытка раскрыть языковую сущность термина «тожероссияне», описать его этимологию и социопрагматический потенциал, выявить охватываемые этим термином экспрессивные этнонимы и определить связанные с ними стереотипы. В ходе исследования нами были отобраны и проанализированы несколько сот этно-маркированных медиатекстов, появившихся в соцсетях, интернет-порталах, блогах и форумах в последние 5 лет. Посредством целого комплекса методов нами установлено, что термин «тожероссияне» в настоящее время превратился в экспрессивный этноним, употребляемый в основном по отношению к выходцам с Кавказа и Средней Азии, и обладает всеми присущими этническому прозвищу чертами: общеупотребительностью, относительной устойчивостью, экспрессивностью и эмоциональностью. На основе анализа более 60 этнических прозвищ, выявленных в современных медиатекстах, опираясь на опыт, полученный нами в ходе изучения этнических прозвищ, используемых по

отношению к украинцам и русским, нами составлен ономазиологический портрет типичного *тожероссиянина*. Полученные результаты лягут в основу дальнейших исследований в области экспрессивных этнонимов, употребляемых в отношении представителей различных этносов, населяющих постсоветское пространство, а также будут способствовать продвижению идеи их своевременного включения в языковые корпуса и словари сленга.

**Ключевые слова:** «язык вражды»; этническое прозвище; этнофолизм; ономазиологический портрет; тожероссияне; мигранты; кавказцы; уроженцы Средней Азии; виртуальное медиапространство

**Для цитирования:** Ляшенко И.В., Дрыгина Ю.А., Леонович Е.О.. Кто такие «тожероссияне»? // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, №2. С. 42-58. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-5

I.V. Lyashenko<sup>1</sup>,  
Yu.A. Drygina<sup>2</sup>,  
Ye.O. Leonovitch<sup>3</sup>

“Tozherossiyane”. Who are they?

<sup>1)</sup> Belgorod State National Research University,  
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia  
*e-mail: rattle-snake@mail.ru*  
*ORCID: 0000-0001-7911-8228*

<sup>2)</sup> Belgorod State National Research University,  
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia  
*e-mail: drygina@bsu.edu.ru*  
*ORCID: 0000-0001-5995-3488*

<sup>3)</sup> Pyatigorsk State University,  
9 Kalinin Ave., Pyatigorsk, 357532, Stavropol Krai, Russia  
*e-mail: jleonovitch@gmail.com*  
*ORCID: 0000-0002-6452-0617*

*Received 16 May 2019; accepted 21 May 2019; published 30 June 2019*

**Abstract.** Recently, in the Russian virtual media space there has been a sharp increase in the number of ethno-labeled texts with the term “tozherossiyane” and other expressive ethnonyms that serve as original tools of hate speech. Despite numerous manifestations of national intolerance, which are reflected in the language, this problem still does not find adequate coverage in national linguistics. Regularly emerging new ethno-labeled lexemes are simply ignored and are not included in the National Corpus of the Russian language and slang dictionaries. Solving such problems determines the relevance of our research. In this paper, we have attempted to uncover the linguistic essence of the term “tozherossiyane”, to describe its etymology and sociopragmatic potential, to identify the expressive ethnonyms covered by this term, and to reveal the stereotypes associated with them. In the course of the study, we selected and analyzed several hundred ethno-labeled media texts that appeared in social networks, Internet portals, blogs, and forums in the past 5 years. Through a whole range of methods, we have established that the term “tozherossiyane” has now become an expressive ethnonym, used mainly in relation to people from the Caucasus and Central Asia. The

term possesses all the features inherent in the ethnic nickname: common usage, relative stability, expressiveness and emotionality. Based on the analysis of more than 60 ethnic nicknames identified in modern media texts, drawing on the experience we obtained in the course of studying ethnic nicknames used in relation to Ukrainians and Russians, we have created an onomasiological portrait of a typical “tozherossiyanin”. The results will form the basis for further research in the field of expressive ethnonyms used in relation to representatives of various ethnic groups inhabiting the post-Soviet space, and will also promote the idea of their timely inclusion in language corpora and slang dictionaries.

**Key words:** hate speech; ethnic nickname; ethnophaulism; onomasiological portrait; tozherossiyanine; migrants; natives of the Caucasus; natives of Central Asia; virtual media space

**How to cite:** Lyashenko I. V., Drygina Yu. A., Leonovitch Ye., O. (2019). “Tozherossiyanine”. who are they? *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (2), 42-58, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-5

## 1. Введение

Проблемам стереотипов, а именно этнических, посвящено немало работ как в отечественной, так и в зарубежной этноконфликтологии, поэтому вряд ли есть смысл в очередной раз акцентировать внимание на общепринятом мнении о том, что стереотипы в своей массе основаны на невежестве, ненависти и поверхностных оценочных суждениях. Этнические стереотипы порождают этнические прозвища – ярлыки, навешиваемые на отдельных индивидов и целые народы, посредством которых осуществляются контроль этнического большинства над этническим меньшинством, а также обструкция в ассимиляции в такой многонациональной стране, как Россия.

К сожалению, стереотипы, лежащие в основе многочисленных крайне негативно коннотированных именовании представителей различных этносов, прочно закрепляются в «языке вражды», который определяется как «коммуникация, основанная на явном выражении ненависти к той или иной группе, особенно в ситуациях, в которых она способна спровоцировать насилие; возбуждает ненависть по отношению к группе лиц, объединяемых признаками расовой, этнической, национальной, половой, религиозной принадлежности, а также сексуальной ориентации и другим

признакам; может представлять собой любую форму выражения агрессии по отношению к расовым, этническим и религиозным группам, иным меньшинствам, а также женщинам» (Hate Speech Law and Legal Definition).

## 2. Теоретический обзор

Этнические прозвища, становящиеся, таким образом, маркером не только межличностных отношений, но и развития и социальной организации этнически разнородного российского общества в целом, до сих пор не находят должного освещения в отечественной лингвистике. Лишь изредка в российских научных журналах появляются статьи, освещающие проблемы этноконфликтологии именно с точки зрения лингвистики и социолингвистики, например, работы И.А. Грищенко, А.В. Гладилина, Н.Г. Степановой, А.О. Бариновой, И.Т. Вепревой, Н.А. Купина, А.Б. Доли др. Чаще всего встречаются исследования, где прозвища рассматриваются в системе диалектной языковой личности, локального ономастикона, или же материалом служит «застывший пласт» примеров, давно зафиксированных в словарях, в художественной литературе и периодически «всплывающих» в официальных СМИ. В российском журнале «Вопросы ономастики», позиционирующем себя как «единственный специализированный

ономастический журнал в России», за последние 5 лет не опубликовано ни одного материала, посвященного этническим прозвищам как неотъемлемым элементам «языка вражды».

Совершенно противоположная картина наблюдается в зарубежной лингвистике, где на волне миграции, захлестнувшей Западную Европу, исследованиям в области «языка вражды» уделяется повышенное внимание. В качестве примеров новейших работ, затрагивающих этнофолизмы, можно привести исследования В. Technau, А.М. Croom, М. Pora-Wyatt и J. L. Wyatt, L. Anderson и E. Lepore, J. Bartlett, J. Reffin, N. Rumball, S. Williamson, J. Hawdon, G. N. Leech, J. Saul, S. Weaver, и др. Особый интерес, в частности, представляет исследование J. Bartlett и его соавторов, которые анализировали проявления «языка вражды» на примерах около 127 тыс. сообщений из «Твиттера», т.е. на «живом», пока еще не «застывшем» материале (см. Bartlett, 2014).

### 3. Постановка проблемы

Настоящая работа является продолжением начатого нами в 2014 г. лингвокультурологического исследования этнических прозвищ, имеющего своей целью составление ономастологических портретов представителей различных этносов на основе комплексного анализа этнофолизмов, имеющих хождение в современном российском интернет-пространстве. Актуальность работы определяется необходимостью дальнейшей борьбы с проявлениями ксенофобии, национальной вражды и нетерпимости, выявлением их причин на языковом уровне, а также практической возможностью активного пополнения Национального корпуса русского языка и словарей сленга новыми примерами нестандартной лексики, употребляемой в самых разных контекстах.

Очередной этап нашего исследования предполагает составление ономастологического портрета типичного представителя

этносов, охватываемых термином «тожероссияне». Достижение этой цели предполагает решение целого ряда задач, а именно: 1) определить место термина «тожероссияне» в современном российском ономастиконе; 2) идентифицировать охватываемые этим термином наиболее употребительные в соцсетях, блогах, форумах и сетевых информационных ресурсах прозвища этносов и их контексты; 3) выявить этностереотипы, лежащие в основе идентифицированных именовании. Хочется особо подчеркнуть, что целью настоящего исследования является не «развенчание» устоявшихся в российском обществе стереотипов, а определение их роли в процессе номинации.

### 4. Методы и материалы исследования.

Исследование основано на комплексе методов, среди которых: дефиниционный, прагмалингвистический, контекстуальный, этимологический, семантический и социолингвистический анализ. Материалом исследования послужили тексты, содержащие этнические прозвища уроженцев Кавказа и Средней Азии, найденные нами в соцсетях «ВКонтакте», «Pikabu», развлекательном сообществе «ЯПлакаль», медийных порталах «Рамблер», «Лента.ру», «Mail.ru», деловой газете «ВЗГЛЯД.РУ», а также различных блогах и форумах.

### 5. Научные результаты и дискуссия.

До 2014 г. выходцы с Кавказа и Средней Азии занимали лидирующую позицию по количеству употребляемых в их отношении этнических оскорблений. Однако с началом известных событий на Украине, согласно российским СМИ, все зло стало исходить исключительно от «бандеровцев» и «укро-фашистов», поэтому вектор номинации значительно сместился. Как заметил популярный кавказский юморист Тимур Каргинов: «Нас, кавказцев, как-то очень быстро и незаслуженно забыли, задвинули на задний

план, даже обидно как-то!» (Степанова, 2016).

В настоящее время этнофолизмы, употребляемые на просторах отечественного Интернета в адрес представителей народов Кавказа и Средней Азии, занимают лишь вторую позицию, что, тем не менее, не делает их менее популярными. Такая популярность связана, очевидно, с устоявшимся в российском обществе, как на официальном, так и на бытовом уровне, мнением о высокой криминализации этнических диаспор, да и сама принадлежность их к категории мигрантов превращает их в жертв «языка вражды»: «Основываясь на исследованиях и утверждении о том, что «язык вражды» является отражением предубеждений, стереотипов и групповых иерархий в обществе в целом, можно предположить, что жертвами «языка вражды» становятся именно мигранты» (Fladmoe A., Nadim M., 2017: 52).

Характерно, что официальная реакция на любой этноконфликт, возникающий между представителями коренного населения и «приезжими» кардинальным образом отличается от реакции на бытовом уровне. Так, например, практически ни в одной сводке МВД, публикуемой в СМИ, ни в одном официальном информационном сообщении мы никогда не встретим терминологию, призванную оскорбить или опорочить как отдельное лицо, так и целый народ по признакам расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии и т.д., что, безусловно, явилось бы нарушением Закона о СМИ. Мало того, мы не встретим даже конкретного указания на национально-этническую принадлежность лица, совершившего то или иное правонарушение. Как правило, в подобных случаях журналисты маскируют чрезвычайно чувствительные к оценке общества термины, прибегая к разного

рода лингвоманипуляциям, в частности, к эвфемизации.

Так, по этическим и культурным соображениям, национальная принадлежность выходцев с Кавказа преподносится в завуалированной форме: «лицо кавказской национальности» (сокр. ЛКН), «лицо неславянской внешности», «лицо кавказской наружности», «лицо южной национальности», «южане», «выходцы из одной из южных республик» – нейтрально; «гости из солнечного Дагестана», «лицо толерантной национальности», «приверженцы самой мирной религии» и т.д. – с иронией. Нейтральные термины, возникшие в 80-90-е годы прошлого века как бюрократические клише по аналогии с советскими канцеляризмами «лицо еврейской национальности», «лицо крымско-татарской национальности», «нацмен» (от «национальное меньшинство»), считались до определенного времени безобидными и приемлемыми в новостном дискурсе, однако, впоследствии стали восприниматься выходцами с Кавказа как унижительные и оскорбительные (см. dic.academic.ru).

Тем не менее, данные эвфемизмы по-прежнему встречаются в бюрократическом словоупотреблении, хотя и утратили свои эвфемистические функции благодаря наличию у них крайне негативных коннотаций, что позволяет расценивать их как политически некорректные и говорить о все большем их тяготении к этнофолизмам и постепенном переходе в разряд нестандартной табуизированной лексики. Подтверждение этому находим в дискуссии об истории взаимоотношений России и Чечни с участием члена Координационного совета чеченских культурных и общественных организаций РФ Мавлита Бажаева, опубликованной в «Новых Известиях» в 2004 г.: «А в обиходе возник уже новый термин – "лицо чеченской национальности", звучащий и как жупел для одних, и как приговор для других» (Бажаев М., 2004). Одним из первых признаков перехода термина «лицо

кавказской национальности» в разряд этнических прозвищ может свидетельствовать и факт его включения в один ряд с такими прозвищами, как *армяш*, *зерба*, *зербуд*, *хач*, *чернота* в работе Н.Г. Степановой (см. Степанова, 2007: 140).

### 5.1 Прозвище «тожероссияне»

Ярким примером превращения эвфемизма в этнофолизм может служить термин «тожероссияне», используемый преимущественно по отношению к выходцам с Кавказа и республик Средней Азии, и представляющий собой коллективный образ всех представителей отличных от титульной нации народов и народностей, в том числе трудовых мигрантов, «понаехавших» в Россию, или же являющихся ее коренными жителями, но проживающих в так называемых дотационных регионах. Примечательно, что дотационными регионами, которыми считаются 72 региона России, являются не только республики Северного Кавказа, но и многие другие регионы нашей страны, населенные этническими русскими, поэтому термин «тожероссияне» выходит за рамки понятия «этнос», особенно когда речь заходит о так называемом «московском национализме»: «...в отличие от обычной ксенофобии, направленной на представителей другой национальности и вероисповедания, «московский национализм» не жалуется всех приезжих, включая даже этнических русских из регионов: Кирова, Рязани. Противостояние идет по принципу «коренной – приезжий», а не «русский – нерусский» (Фридрихсон, 2013).

*Тожероссиянами* иногда именуют в том числе и выходцев из ближнего и дальнего зарубежья, включая этнических русских, переезжающих в Россию на постоянное место жительства и получающих российское гражданство. В редких случаях *тожероссиянами* с иронией называют и представителей разных социальных групп, например, отечественных олигархов, чей

демонстративно роскошный образ жизни не идет ни в какое сравнение с условиями жизни обычных россиян: «Некоторые *#тожероссияне* настолько разбогатели благодаря санкциям правительства против собственного населения, что вместо продукции АвтоВАЗа покупают иномарки от врага из НАТО» (здесь и далее в примерах орфография и пунктуация оригиналов сохранены).

Свою популярность выражение «тоже россияне» набирает в начале 2000-х, задолго до появления распространяемого в отечественной националистической среде лозунга «Хватит кормить Кавказ!». Данное выражение используется представителями власти в ответах на часто задаваемые вопросы относительно «захватнической» политики Москвы по отношению к регионам. Например, в своем ответе на требование прекратить «доить» дотационные регионы страны, прозвучавшее на одной из пресс-конференций в 2002 г., В.В. Путин выражает свое категорическое несогласие с подобными заявлениями, мотивируя это тем, что представители дотационных регионов в Госдуме и Совете Федерации, которых гораздо больше, чем представителей регионов-доноров, голосуют за свои интересы, поскольку «они тоже россияне, их тоже нужно понять и тоже нужно решать эти проблемы» (Путин В.В., 2002).

В начале 2000-х выражение «тоже россияне» все чаще употребляется в более конкретном контексте, а именно в контексте межнациональной вражды и ксенофобии. Примером этому может служить уже упомянутая выше дискуссия с М. Бажаевым, где, в частности, говорится: «Сегодня опять уроженцы Чечни страдают от современной мифологии и вынуждены изо дня в день доказывать собственную состоятельность, вынуждены раз за разом демонстрировать лояльность к государству, которое и без того считают своим, должны снова и снова убеждать общественное мнение в том, что экстремисты и чеченский народ – это не одно и то же. Что

мы такие же, как все. Мы тоже россияне. Но рожденные в Чечне» (Бажаев М., 2004).

Постепенно выражение «тоже россияне» превращается в негативно маркированную идеологему, в своеобразный меметический комплекс или «мемплекс» (от англ. *tetraplex*), объединяющий в себе огромную массу этнических стереотипов, и получает широкое хождение в социальных сетях, блогосферах, форумах в виде хэштега *#тожероссияне*, сопровождающего не только ксенофобские тексты и картинки, но и информационные сообщения и пользовательские комментарии к ним. Вот лишь несколько примеров заголовков информационных сообщений, публикуемых в социальных сетях и блогах в сопровождении хэштега *#тожероссияне*:

- «В Оренбурге нашли похищенного 12-летнего ребенка, которого украли неизвестные лица "кавказской национальности"»;
- «СМИ сообщили об убийстве 23-летнего российского легкоатлета в Москве»;
- «Стражам порядка пришлось отпустить "стреляющий свадебный кортеж"»;
- «В Волгоградской области дагестанцы ради забавы калечили людей»;
- «Ингуш, спортсмен-единоборец ударил женщину ногой в лицо в московском метро».

А вот примеры использования уже не хэштега, а экспрессивного этнонима *тожероссияне* непосредственно в самих заголовках:

- «Взрыв в метро совершили "тожероссияне" на деньги "побежденной Турции"»;
- «Тожероссияне убили человека»;
- «Дагестанский самострой – как живут тожероссияне»;
- «Пока тожероссияне устраивают свадьбы на деньги Аллаха, москвичи собирают еду для голодающих тверских деревень»;
- «Тожероссияне попались на фальшивомонетничестве».

▪ «Русские новости». Насущное. *Тожероссияне*, бандиты, тупицы, изменники (видео)».

Таким образом, лишившись октоторпа (знака решетки (#)) и кавычек, получив слитное написание в результате сложения наречия *тоже* и политонима *россияне* (совокупного названия граждан России вне зависимости от их этнической принадлежности), бюрократическое клише или пропагандистский штамп превращается по нелинейной словообразовательной модели ( $x \rightarrow y$ ) в крайне оскорбительное этническое прозвище, становящееся синонимом давно устоявшихся этнофолизмов типа *чурка*, *чурбан*, *чуркестанец*, *чуркобес*, *чучмеки*. Подобные примеры многокомпонентных прозвищ, образованных по модели «фразовое сложение  $\rightarrow$  хэштег  $\rightarrow$  прозвище», демонстрирующие как бы «застывший», зафиксированный этап процесса номинации, уже встречались нам в ходе исследования этнических прозвищ украинцев и россиян: *дедывоевали* (прозвище россиян, произошедшее от хэштега *#дедывоевали*, традиционно сопровождавшего патриотические публикации в российских соцсетях в преддверии Дня Победы), *онижедети* (прозвище украинцев, произошедшее от хэштега *#онижедети* – сопровождавшего новостные сообщения об «избитых детях Майдана») и др. (см. Ляшенко, 2017).

Безусловно, основными социо-прагматическими функциями прозвища *тожероссияне* являются выделительная и разграничительная, посредством которых подчеркивается иноэтническое происхождение объектов номинации, их инаковость. Не менее важную роль играют и характеризующая и экспрессивная функции прозвища, мобилизующие старые и новые этно-стереотипы и, как результат, формирующие у коренного населения отношение к мигрантам как к угрозе устоявшимся в социуме традициям, ценностям, убеждениям и представлениям о нормальном обществе.

Интересно, что стереотипные коннотации и скрытые смыслы, присущие прозвищу *тожероссияне*, лежат буквально на поверхности: практически все новостные сообщения, тем или иным образом затрагивающие выходцев с Кавказа или республик Средней Азии, распространяемые в соцсетях, блогах и

форумах в сопровождении хэштега *#тожероссияне*, дополняются и другими хэштегами. Иначе говоря, в окружении хэштега *#тожероссияне* почти всегда присутствуют слова-прагмемы, имплицитно указывающие его внутреннее содержание (таблица).

Таблица  
**Хэштеги, сопровождающие новостные сообщения о выходцах с Кавказа и республик Средней Азии**

Table

**Hashtags for news about natives of the Caucasus and Central Asia**

Примеры заголовков в соцсетях, блогах, форумах	Примеры хэштегов, сопровождающих заголовки
<p>«Друзья президента раиси, устроили перестрелку. Им можно»;</p> <p>1. «Мурад Касымов, из Азербайджана. У него BMW X6, и он любит ездить по тротуарам Петербурга»;</p> <p>2. «День жестянщика в Москве. 4 из 5 аварий-виноваты друзья гаранта, наркоторговцы»;</p> <p>3. «Друзья гаранта развлекаются»;</p> <p>4. «Прокуратура потребовала ужесточить наказание «очкарику», давшему сдачи спортсменам-южанам»;</p> <p>5. «Задержан начальник ОРЧ собственной безопасности дагестанского МВД Магомед Хизриев. Он пытался заплатить \$2 млн за назначение местным министром внутренних дел».</p>	<p><i>#тожероссияне</i>; <i>#Хованскоесражение</i>; <i>#кавказцы</i>; <i>#планпутина</i>; <i>#ишаки</i>; <i>#москвабад</i>; <i>#спасибопутинузаэто</i>; <i>#стабильность</i>; <i>#гелендваген</i>; <i>#чурки</i>; <i>#россиянство</i>; <i>#дотолерастились</i>; <i>#мигранты</i>; <i>#ЧёВамТутНадо</i>; <i>#КогдаОбратно</i>; <i>#МыСамиВсёУмеем</i>; <i>#безграмотность</i>;</p> <p><i>#кавказ</i>; <i>#азиаты</i>; <i>#разборки</i>; <i>#толерантненько</i>; <i>#преступление</i>; <i>#война</i>; <i>#приоры</i>; <i>#дружбанародов</i>; <i>#этнопреступность</i>; <i>#детипутина</i>; <i>#понты</i>; <i>#электорат</i>; <i>#гарант</i>;</p>

Указанные выше примеры в очередной раз подтверждают роль языкового окружения или контекста в становлении внутренней формы той или иной языковой единицы, ее скрытой семантической составляющей: «...контекст, способствуя установлению новых ассоциативных связей, помогает формированию их коннотаций. Изменение типичного контекста слов, как правило, приводит к корректировке их сформированных и закрепленных коннотаций» (Каменева В.А., 2009: 59).

Приведенные в Таблице 1 примеры языкового контекста представляют собой языковую репрезентацию ассоциаций,

возникающих в сознании представителей коренного этноса при восприятии слова «*тожероссияне*», и свидетельствуют о наличии в его основе целой массы стереотипов, бытующих в современном российском обществе. Проиллюстрируем это рядом примеров.

**5.2. Прозвища представителей этносов, охватываемые термином «тожероссияне»**

В основе самой большой группы этнических прозвищ «*тожероссиян*» лежат метафоры, отражающие реальные и мнимые антропологические особенности выходцев с Кавказа и республик Средней

Азии. Такими особенностями являются, прежде всего, цвет кожи, форма носа, «волосатость» и другие физические черты.

Прозвищами *черные, черномазые, черножопые, смуглые, темнороссияне* в российском обществе именуют не только африканцев и выходцев с Ближнего Востока, как это принято, например, в американском сленге, а преимущественно «чернявых» и брюнетов – людей по типу своему европеоидов, но всё же с кожей чуть темнее чем у славян, а именно – кавказцев и азиатов. К примеру, в комментариях к новостному сообщению «На западе Москвы мажор на «Гелендвагене» влетел на встрече в «Ниву», погибли женщина с ребенком» читаем: «Не сложно догадаться, кто был за рулем. Ставлю на *чёрное*»; «Да стопудов на гелике *смуглый* был». В комментариях к видео «Кавказцы оказали полицейским неповиновение» находим следующий крайне экстремистский призыв: «Кавказцы как и прочие *черномазые* приносят в другие страны зоофилию педофилию наркоманию мужеложество и всё это им разрешает каран и алах гоните их и убивайте это нечисть недолжна жить!».

В этих же комментариях находим прозвище *баклажан*: «Баклажаны в Якутии довы\*\*\*вались – вот и тут стараются». Хотя виновниками ЧП в Якутии, на которое ссылается автор комментария, были киргизы, в данном контексте прозвище *баклажан* используется в качестве собирательного образа всех «нерусских». На самом деле прозвище *баклажан* употребляется преимущественно по отношению к дагестанцам и своим происхождением обязано не только аллюзией на цвет кожи, но и песне рэпера Тимати «Баклажан» в которой он создал собирательный образ Теймураза, трудового мигранта, таксиста и ловеласа с Северного Кавказа или Средней Азии, разъезжающего на «Ладе-седан» «цвета баклажан».

Среди других антропологических признаков, лежащих в основе исследуемых

прозвищных именовании, можно выделить наличие бороды – одного из неизменных атрибутов последователей ислама: «*бородатые* как всегда зажигают»; «ага, когда *чича* [чеченец] при власти устроило ДТП этот *бородатый ишак* ни слова не пикнул»; «Бородатые гости столицы устроили парковку у Памятника Ленину».

Явный намек на форму носа содержится в прозвищах кавказцев *серпоносые, носороги* и *грачи*, употребляемых в основном по отношению к армянам, азербайджанцам и грузинам: «Нас настраивают против всех? Статистика особо тяжких преступлений нас настраивает, может быть? А? Где одни *серпоносые* фигурируют»; «Этих *грачей* и *носорогов* на кол, но опять же повторюсь, есть среди них и нормальные ребята»; «*Носорогов* в стойло!»; «*Грачи* налетели или странные эти армяне. Долой армянский коньяк из магазинов!». Интересно, что прозвище *грач* основано не только на ассоциации с большим клювом и цветом оперения птицы, но и на ассоциации с личным именем Грач/ Грачья (в переводе с армянского «имеющий глаза яркие, как огонь»), популярным в Армении, т.е. в образовании данного прозвища наблюдается переплетение мотивов.

В основе презрительных прозвищ кавказцев и азиатов лежат и другие метафорически употребляемые зоонимы, намекающие на дикость и примитивность объектов номинации: *грызуны, ишаки, звери/ зверьки, обезьяны/ абизьяны, приматы, воронье*: «Генсек НАТО пообещал взять Грузию в НАТО. Значит *грызуны* [грузины] признают Абхазию и Южную Осетию независимыми»; «Я знаю одно и точно: *ишакам* нельзя выдавать права, они потенциально опасны из-за отсутствия мозгов»; «...Все пьяные, без прав. *Ишаки*, было, бросились врассыпную – поймали. Все разномастные: один Салтамурадов Иса Айгиевич, чечен 1994 гр, ..., второй – Мухамадиев Бахтиор, таджик, 1985 гр, ..., и третий – Бахрамов

Ибрахим, узбек, 1992 гр. Все – борцы. В машине нашли украденные вещи и деньги»; «в любом случае, если не покупать в *зверьковских* лавках, то какая-то часть *зверьков* свалит, а другие подумают, стоит ли ползти в россию!»; «Для них дотационный Кавказ тоже большая проблема, т.к. и туда кавказское *воронье* за наживой слетается».

В полном ненависти комментарии к новостному сообщению в живом журнале под заголовком «В Москве кавказцы снова убили русского» читаем: «Кавказские *зверьки* – это именно зверьки. У них нет ни чести, ни совести, ни человеческих понятий. И если вы решили пойти с ними на конфликт, то нужно понимать, что у *зверьков* цель – не попонтоваться и не выяснить чью-то правоту, а тупо убить очередного русачка. Потому что они рассматривают русские города как территорию своей экспансии и тихого завоевания. ВСЕ кавказцы в этом одинаковы – и айзеры, и чеченцы, и грузины, и армяне. У мусульманских *зверьков* здесь разве что мотивация сильнее, ибо к кавказской дикости добавляется еще и исламская идея завоевания территории неверных. Поэтому их не интересуют разговоры, переговоры и выяснения, кто прав или не прав. *Зверьки* русских НЕНАВИДЯТ дико, рассматривают как своих врагов, как тех, кто препятствует их "мирной" экспансии в русские города. И поэтому их цель – русских убивать» (LiveJournal Xyluo, 2015).

На одной из страничек соцсети PikaBu находим ответ на вопрос «Почему все кавказцы обезьяны?». Оказывается, это убеждение основано на целом ряде антропологических и культурных стереотипов: развитый волосяной покров; умственные способности, свойственные семейству приматов; чудесная способность исполнять крутые трюки на перекладине, которая досталась от приматов; подражание окружающим особям: стоит одной особи надеть кепку FBI или красные

мокасины, занизить «Приору», то все особи начнут подражать этому; сразу выяснить, кто тут главный самец (PikaBu, 2013). Эти и другие стереотипы порождают высказывания типа «На какие шиши у этих *обезьян* такие машины?»; «Ищите *обезьяну* в чуркистане. Там уже прячется. Басурмане окружают»; «кавказец – это не национальность, это порода *обезьян*»; «Опять *макаки*. Доколе...» и т.д.

Среди культурных различий, являющихся источниками этнофолизмов, заметную роль играют личные имена, считающиеся типичными для той или иной этнической группы. Например, самым распространенным в российской блогосфере прозвищем южан /кавказцев, является *хач*, сокр. от *Хачик*, произошедшее от уменьшительного варианта армянского имени Хачатур, означающее «данный крестом». По одной из версий, *хачами* раньше называли армян турки, а потом и азербайджанцы, потому что те были христианами, т.е. носили хач (в переводе «крест»). В современном же просторечии крайне презрительными прозвищами *хач*/ *Хачик* /*хачьё* называют в совокупности всех кавказцев: «Не отстали ли мы, друзья, от современного мира в котором *хачьё* уже стреляет друг в друга в метро, которое наши с вами родители строили в то время, когда родители "гостей" столицы с трудом могли посчитать своих баранов до десяти?»; «Но почему?! Почему для *хачей* и очень странных парней я как конфетка, и вообще не заметна для миллионеров или просто хороших мужчин?».

Одно из популярных в интернет-пространстве прозвищ кавказцев – *Рафик* – произошло от распространенного у мусульман личного имени, в переводе с арабского языка означающего «добрый». Данное имя превратилось в этническое прозвище благодаря миниатюре “Comedy Club”, в которой Гарик Мартиросян и Гарик Харламов показывают интервью в рамках программы «Криминальная Россия». В гостях оперативный работник

МВД Северного, Кавказа Махмуд Мамедов, выпустивший на волю опасного преступника, объясняет, почему Рафик полностью ни в чём не виноват: он сам пришёл в отделение и всё рассказал, как всё было на самом деле. В итоге выясняется, что не Рафик опасен для общества, а общество опасно для Рафика. Именно ставшая мемом фраза «*Рафик ни у чом неувинуоват*», произносимая с кавказским акцентом, сделала популярным прозвище, употребляемое теперь исключительно в одном контексте: безнаказанность за совершенное правонарушение. Данные мем и прозвище стали частью массовой культуры, их можно услышать в ироничном контексте не только в различных юмористических шоу, но и в прямом эфире новостного канала, например: «*Я не увинуоват, Клянусь Аллахом/ Балерина сам ко мне пришел*» (стихотворение А. Вулых «Рафик не виноват» об экс-сенаторе Рауфе Арашукое, прозвучавшее в эфире телеканала «Россия») (YouTube, 2019). Однако чаще всего данные этнофолизмы встречаются в комментариях к сообщениям именно криминальной хроники. Например, в комментариях к статье «Сбивший двух человек водитель «Гелендвагена» избежал задержания» читаем: «*Рафик неувинуовен! Ванькозамещение идет полным ходом!*».

В комментариях к этой же статье присутствуют и другие, превратившиеся в этнофолизмы личные имена: *Муслим* (от араб. «принявший ислам»; чаще употребляется в качестве аллюзии на принадлежность к мусульманам), а также *Равшан* и *Джамшут* (имена гастарбайтеров из ситкома «Наша Russia»; чаще всего употребляются по отношению к таджикам, неквалифицированным рабочим): «Опять *Муслим!* Такое впечатление, что Москва оккупирована захватчиками, которые делают в ней что хотят»; «Раз *Муслим* сбежал, пусть его срок мотают инспектора ГиБыДыДЫ, пока *мюслика* не поймают, другим подонкам в погонах в следующий раз будет стремно

брать бабло»; «Сейчас, человека по имени *Муслим*, остановленного на территории бывшего РСФСР, можно сразу в СИЗО везти. В каком-то ОВД на него уже дело заведено, просто поймать не могут»; «Этого "*джамшута*", который убил людей, к стенке надо ставить без лишних разговоров».

Статья с подзаголовком «Путешествие по стране Равшана и Джамшута» из «Комсомольской правды» от 16 июля 2016 г. с цитатой «В самолете из Москвы в древний Ходжент... из славянских лиц светит разве что моя единственная физиономия. В остальном сплошные *Равшаны* и *Джамшуты*» послужила причиной снятия с печати номера в Таджикистане, где вся статья была воспринята как оскорбление таджикской нации и государства, а ситком «Наша Russia» назван моральным геноцидом таджикского народа (Умаралиев Т., 2019).

Имя персонажа К. Чуковского *Бармалей* в настоящее время встречается не только в сказках, но и в «языке вражды», поскольку именно с *Бармалеем* – бородатым разбойником, злодеем и каннибалом – теперь ассоциируются все «этнические преступники»: «Но увидев ребят, преступники быстро поняли, что с ними голыми руками не справиться... Гордые *бармалеи* испугались и достали ножи. Ивана пырнули в левый бок и ногу, Бориса били в спину. На что рассчитывали убийцы? ... Все этнические бандиты участвовали в убийстве... Но только, видимо, убийцы сразу же скрылись в своей толерантной республике и след их был «потерян...».

Исключительно в криминальном контексте употребляются и заимствованные из кавказских языков слова «*абрек*» и «*джигит*». Но если слово «*абрек*» в русском языке еще с 19-го в. несло в себе крайне негативные коннотации, основанные на его семантике (грабитель, разбойник, партизан, бродяга, скиталец, изгнанник, отчаянный горец, головорез и др.), то слово «*джигит*» в значениях

«молодой парень», «наездник, отличающийся отвагой, выносливостью, стойкостью, искусством управлять конём и владеть оружием», «лихой молодец» имело вполне положительную коннотацию и употреблялось в качестве нейтрального или ироничного характеризующего эпитета в адрес кавказцев еще во времена СССР. С разгулом этнической преступности в «лихие 90-е» и начале 2000-х слово «джигит» приобретает крайне пейоративный оттенок, превращается в этническое прозвище и, наряду с *абреком*, используется в основном по отношению к зарвавшейся кавказской молодежи, творящей беспредел в российских городах: «а не кажется ли этому *абреку*, что его место будет высоко в горах, козлов своих будет пасти»; «*Абрек* – ваш идеал, не сеет не жнет, тем что у соседа стащит, тем и живет»; «*Джигиты* с Кавказа торговали водкой на Уралмаше»; «Пьяные *джигиты* на железных конях».

Интересно, что на уровне внутригруппового общения прозвище *абрек* не обладает негативной эмоциональной окраской, напротив, оно является своего рода символом благородства и доброты: «Абреками называли кавказских Робин Гудов, которые отнимали у плохих богатых, чтобы делиться с хорошими обиженными бедными людьми» (Sportbox.ru, 2015).

Некоторые исследуемые нами прозвища имеют в своей основе конкретное указание на происхождение объектов номинации, например, этноним в усеченной форме, иногда претерпевающий дополнительные словообразовательные изменения, чаще всего фонетические: *чеченоид* (*чеченец* + -оид (суфф. от греч. слова εἶδος □ «подобие», напр. андроид), *чех* (от *чеченец*), *азер/азик/айзер/азербот* (*азербайджанец*), *даг/дагестон* (от *дагестанец*), *дагозавр* (усеч. основа даг + суфф. -завр (ящер)), (*кабардос* (от *кабардинец*). Например: «Уточните, пожалуйста, породу зверей. *Дагозавры?* *Чеченоиды?* Без этого трудно дать

правильный совет»; «*Даги* – это индикатор архаизации общества»; «Рад, что у тебя тоже пригорело *азербот*, после чечни вы самая лживая, трусливая, подлая и вероломная нация на Кавказе»; «*Кабардосы* поначалу не наглели особо, но потом понеслась звезда по кочкам. Часть из русских сразу под себя подмяли».

В основе некоторых прозвищ встречается топоним «Кавказ»: *кавказопитек* (Кавказ + питек (др.-греч. πίθηκος □ обезьяна; намек на примитивизм)), *кавказоид* (Кавказ + суфф. -оид), *кавказороссияне* (Кавказ + россияне). Вот лишь несколько примеров употребления данных прозвищ в заголовках новостных сообщений и комментариях к ним: «*Кавказопитек*, твоя ублюдская нация точно в человека никогда не превратится. В зеркало на себя взгляни, опущенная обезьяна!»; «*Кавказоид* избил продавщицу за отказ снять с него кроссовки»; «*Кавказороссияне* подрались с австротурками в Куфштайне».

Помимо топонима «Кавказ» прямым указателем на происхождение объектов номинации является и лексема «горы», являющаяся основой таких однокомпонентных и двухкомпонентных прозвищ, как *горцы*, *горняки*, *дети гор/гости с гор*: «Русский никогда не против соседства с Кавказом! Но *горцы* не могут жить в наших краях мирно и спокойно! Они обязательно с оружием. любая потасовка заканчивается убийством русского. не чечена!»; «Вот я и говорю, *горняки!* То есть *люди с гор...*»; «*Дети гор* командуют русским. Не любите кавказцев? Чегодан-вокзал-Европа!».

Немаловажную роль в образовании прозвищ выходцев с Кавказа и уроженцев Средней Азии играют пищевые стереотипы. Например, пищевые референты лежат в основе именовании *чебурек*, *чурек*, *шашлык*, *урюк* и *хачапурик*: «Вопрос: как отличить настоящего кавказского *чебурека* от поддельного? Ответ: Настоящий кавказский *чебурек* носит красные мокасины и кепку FBI».

Поддельный чебурек носит малиновые кеды и кепку ФСБ»; «ДПСники похоже из одной банды этого чурека»; «Ну заграбастали американцы хохлов с грузинами и что? Что американцы сделают, базы свои там поставят? Так отмороженные шашлыки и на их базы нападать начнут»; «Приезжали к нам пару месяцев назад урюки. Я их сразу вычислил, думал, они хотят за собой рынок застолбить»; «Мы со своими сами разберемся у себя дома. А оборзевших хачапуриков в горы, ослов пасти».

Нами выявлен и ряд других экспрессивных этнонимов, используемых в именовании уроженцев Кавказа и Средней Азии, особо популярных, в частности, в среде футбольных фанатов, но по этическим соображениям мы не включили их в настоящее исследование ввиду их крайней непристойности.

#### **6. Заключение**

Анализ приведенных выше прозвищ и их контекстов позволяет сделать целый ряд выводов:

Все этнические прозвища, употребляемые в отношении выходцев с Кавказа и Средней Азии в условиях инокультурного принимающего сообщества, экспрессивны, о чем свидетельствует их языковое окружение.

Практически все идентифицированные нами популярные в соцсетях, блогах, форумах и сетевых информационных ресурсах этнические именованья, употребляемые в адрес выходцев с Кавказа и Средней Азии, обладают крайне негативной эмоциональной окраской, поскольку в представленных контекстах они являют собой продукт именно межгруппового (межнационального), а не внутригруппового общения. Весьма вероятно, что некоторые из них, подобно прозвищам *абрек* и *ара*, используются для выражения искреннего расположения, дружеской связи между представителями своего этноса и являются мелиоративами на внутригрупповом уровне, однако данное предположение требует дополни-

тельных исследований, выходящих за рамки настоящей работы.

Большинство прозвищ, охватываемых термином «тожероссияне», универсальны, т.е. они употребляются по отношению и к кавказцам, и уроженцам Средней Азии, что, в свою очередь позволяет сделать вывод о том, что в своем выборе того или иного прозвища адресанты, как правило, руководствуются не традиционными толкованиями, закрепленными в словарях, а, прежде всего, своими собственными стереотипами и бытовыми представлениями об объекте номинации. Среди таких представлений доминируют условно общие антропологические и культурные признаки, например, физические черты, гастрономические предпочтения, поведенческие стереотипы и т.д. Таким образом, именно общность стереотипов позволяет объединить термином «тожероссияне» и выходцев с Кавказа, и уроженцев республик Средней Азии.

#### **6.1. Ономаσιологический портрет «тожероссиянина»**

Итак, комплексный анализ более 60 этнических прозвищ и их контекстов в совокупности с выявленными в ходе исследования стереотипами, распространенными среди российских пользователей Интернет, позволяет нам нарисовать следующий ономаσιологический портрет типичного тожероссиянина, как он видится в языковой картине мира завсегдага российского виртуального медиапространства:

Бородатый, «чернявый», носатый тип по имени Рафик, своей волосатостью напоминающий обезьяну или неандертальца. Своей родиной считает горы Кавказа или Средней Азии. По уровню своего культурного развития застрял на стадии первобытнообщинных отношений. Весьма хитер и коварен, но при этом крайне туп, примитивен, не воспитан, груб и агрессивен. Питается исключительно шашлыком и чебуреками. Исповедует ислам, но регулярно нарушает

его каноны. Всегда вооружен. Любит понты. Корруптирован. Отличительными элементами гардероба являются красные мокасины и бейсболка с надписью FBI. Горд и отважен только в окружении своих собратьев. Всегда приходит им на помощь. Типичные сферы деятельности: отделочные работы, торговля на рынке, «отжимание» бизнеса, разборки с конкурентами, спорт. В свободное время занимается грабежом, разбоем, изнасилованием русских красавиц, просаживанием «халяжных» денег, гонками по встрече на заниженной «Приоре» или «Гелендвагене», а также «кошмарит» «нациков» и представителей ЛГБТ. При задержании с поличным всегда не виновен. Ненавидит русских. Любит Путина.

Хочется еще раз подчеркнуть, что данный ономазиологический портрет основан на комплексном анализе авторских текстов и не может рассматриваться как позиция авторов статьи и, тем более, всех россиян.

## **6.2. Перспективы дальнейших исследований.**

Проведенное нами исследование, как нам представляется, имеет дальнейшие перспективы, в частности, в изучении экспрессивных этнонимов, употребляемых в отношении представителей различных этносов, населяющих постсоветское пространство, а также в продвижении идеи их своевременного включения в языковые корпуса и словари сленга.

### **Список литературы**

Бажаев М. Мы тоже россияне, но рожденные в Чечне // Новые известия (02.07.2004) [Online], available at: <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/07/m27503.htm> (дата обращения: 12.03.2019).

В Москве кавказцы снова убили русского // LiveJournal Xyluo (06.02.2015) [Online], available at: <https://xyluo.livejournal.com/91008.html> (дата обращения: 12.03.2019).

Каменева В.А. «Цифровой прессинг» – один из идеологических механизмов СМИ? // Вестник Челябинского государственного

университета. 2009. №22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. С 59.

Лицо кавказской национальности // Словари и энциклопедии на Академике [Online], available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/58507> (дата обращения: 18.03.2019).

Ляшенко И.В. «Свинорылые» vs «козломордые». Этнические прозвища украинцев и русских в современном медийном пространстве // Институциональный дискурс как объект филологических исследований: монография / О.И. Агафонова, О.В. Дехнич, Ю.А. Дрыгина, И.В. Ляшенко. Saint-Louis, Missouri, USA: Science and Innovation Center Publishing House, 2017. 90 с.

Объясни, почему все Кавказцы обезьяны?! // Pikabu (2013) [Online], available at: [https://pikabu.ru/story/obyasni\\_pochemu\\_vse\\_kavkaztsy\\_i\\_obezyan\\_i\\_656841](https://pikabu.ru/story/obyasni_pochemu_vse_kavkaztsy_i_obezyan_i_656841) (дата обращения: 02.04.2019).

Путин В.В. Мы должны избавиться от национального чванства. Пресс-конференция от 25 июня 2002 г. // Вести.ру [Online], available at: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=116906> (дата обращения: 02.03.2019).

Степанова И. Кавказцы в России // Кавказ. Реалии (30.10.2016) [Online], available at: <https://www.kavkazr.com/a/kavkaztsy-v-rossii/28083314.html> (дата обращения: 06.04.2019).

Степанова Н.Г. Этнические прозвища как показатель развития межэтнических отношений // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. С. 140

Стих Александра Вулых "Рафик не виноват" об экс-сенаторе Арашукове и балерине Волочковой. Эфир телеканала «Россия» // YouTube (12.02.2019) [Online], available at: <https://www.youtube.com/watch?v=fJBS19TXX-4> (дата обращения: 12.04.2019).

Умаралиев Т. "Комсомольская правда" в Таджикистане поплатилась за Равшана и Джамшута // Настоящее время (21.07.2019) [Online], available at: <https://www.currenttime.tv/a/27871482.html> (дата обращения: 28.03.2019).

Фридрихсон Н. Лозунг "Хватит кормить Кавказ" явно рассчитан на маргинальный электорат – мнение // Информационное агентство REGNUM (25.07.2013) [Online],

available at: <https://regnum.ru/news/1688215.html> (дата обращения: 16.03.2019).

Шамиль Абдурахимов: Моим прозвищем на Кавказе называют последователей Робина Гуда // *Sporbox.ru* (28.03.2015) [Online], available at: [https://news.sportbox.ru/Vidy\\_sporta/edinoborstva/spbnews\\_NI526911\\_Shamil\\_Abdurahimov\\_Moi\\_m\\_prozvisshem\\_na\\_Kavkaze\\_nazyvajut\\_posledovatelej\\_Robina\\_Guda](https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/edinoborstva/spbnews_NI526911_Shamil_Abdurahimov_Moi_m_prozvisshem_na_Kavkaze_nazyvajut_posledovatelej_Robina_Guda) (дата обращения: 11.04.2019).

Bartlett, J., Reffin, J., Rumball, N. & Williamson, S. (2014). *Anti-Social Media*. London: Demos.

Fladmoe A., Nadim M. (2017). Silenced by hate? Hate speech as a social boundary to free speech // *Boundary Struggles: Contestations of Free Speech in the Norwegian Public Sphere*. [Online], available at: <https://press.nordicopenaccess.no/index.php/noasp/catalog/book/16> (дата обращения: 12.03.2019).

Gagliardone, I., Gal, D., Alves, T., & Martinez, G. (2015). *Countering Online Hate Speech*. Paris: UNESCO.

Gelber, K., & McNamara, L. (2016). Evidencing the harms of hate speech. *Social Identities*, 22(3), 324–341.

Hate Speech Law and Legal Definition, Legal Definitions and Legal Terms Dictionary of US Legal, Inc. [Online], available at: <https://definitions.uslegal.com/h/hate-speech/> (дата обращения: 12.03.2019).

Hawdon, J., Oksanen, A., & Rasanen, P. (2015). Online Extremism and Online Hate: Exposure among Adolescents and Young Adults in Four Nations. *Nordicom Information: Medie- och kommunikationsforskning i Norden*, 37(3-4), 29-37.

Leech, G. N. (2014). *The Pragmatics of Politeness*. New York: Oxford University Press.

Leets, L. (2002). Experiencing hate speech: Perceptions and responses to anti-semitism and antigay speech. *Journal of Social Issues*, 58(2), 341-361.

Perry, B. (2001). *In the name of hate: understanding hate crimes*. New York: Routledge. 2001. 288 p.

Saul, J. (2018). Shitholes and figleaves: how Donald Trump is making racist language OK again. *The Conversation*, 2/13/2018 [Online], available at: <https://theconversation.com/shitholes-andfigleaves-how-donald-trump-is-making-racist->

[language-ok-again-91705](https://theconversation.com/shitholes-andfigleaves-how-donald-trump-is-making-racist-language-ok-again-91705) (дата обращения: 12.03.2019).

Technau, B. (2018). Going beyond hate speech: the pragmatics of ethnic slur terms // *Lodz Papers in Pragmatics* 14.1. Pp. 25-43, <https://doi.org/10.1515/lpp-2018-0002> (дата обращения: 12.03.2019).

Technau, Björn. (2016). The meaning and use of slurs. An account based on empirical data. In Rita Finkbeiner, Jörg Meibauer & Heike Wiese (eds.), *Pejoration*, 187–218. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Weaver, S. 2011. Liquid racism and the ambiguity of Ali G. *European Journal of Cultural Studies* 14(3). 249-264.

### References

Bazhaev, M. (2004). “We are Russians too, although we were born in Chechnya, Novyie Izvestiya. Retrieved from <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/07/m27503.htm> (in Russian).

Ethnic Caucasians kill another Russian in Moscow (2015). *LiveJournal Xyluo*. Retrieved from <https://xyluo.livejournal.com/91008.html>. (in Russian).

Kameneva, V.A. (2009). «Digital pressing» – is it one of the ideological mechanisms of the Mass Media?, *Bulletin of Chelyabinsk State University. №22 (160). Philology. Art History. Issue 33*. 59.

“Litso kavkazskoy natsionalnosti”, Dictionaries and encyclopaedias at Academic Retrieved from <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/58507>. (in Russian).

Lyashenko, I.V. (2017). “Svinorylie” vs “kozlomordye.” Etnicheskie prozvischa ukrainsev i rossiyan v sovremennom mediinom prostranstve [“Svinorylie” vs “kozlomordye.” Ethnic nicknames for Ukrainians and Russians in the modern media space], *Institutsionalny diskurs kak objekt filologicheskikh issledovany: monografiya [Institutional discourse as an object of philological studies: a monograph]* by O.I. Agafonova, O.V. Dekhnich, Yu.A. Drygina, I.V. Lyashenko. Saint-Louis, Missouri, USA: Science and Innovation Center Publishing House. 90. (in Russian).

“Can you tell me, why all natives of the Caucasus are monkeys” (2013), *Pikabu* Retrieved from [https://pikabu.ru/story/obyasni\\_pochemu\\_vse\\_kavkazsyi\\_obezyanyi\\_656841](https://pikabu.ru/story/obyasni_pochemu_vse_kavkazsyi_obezyanyi_656841) (in Russian).

Putin, V.V. (2002), "We should get rid of ethnic arrogance", Press conference of June 25, 2002, Vesti.ru Retrieved from <https://www.vesti.ru/doc.html?id=116906> (in Russian).

Stepanova, I. (2016). "Natives of the Caucasus in Russia", Caucasus. Realities. Retrieved from <https://www.kavkazr.com/a/kavkaztsy-v-rossii/28083314.html>. (in Russian).

Stepanova, N.G. (2007). "Ethnic nicknames as an indicator of interethnic relationship development", *News of The Herzen State Pedagogical University of Russia*. 140. (in Russian).

"A verse by Alexander Vulykh "Rafik is innocent" about former senator Arashukov and ballet-dancer Volochkova" (2019). A broadcast of "Russia" TV-channel. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=fJBS19TTX-4> (in Russian).

Umaraliev, T. (2019). "Komsomolskaya Pravda" in Tajikistan pays for Ravshan and Dzhamshut", *Nastoyashee Vremya*. Retrieved from <https://www.currenttime.tv/a/27871482.html>. (in Russian).

Fridrikhson, N. (2013). "The slogan «Stop feeding the Caucasus»" is aimed at marginalized voters – an opinion", REGNUM News Agency. Retrieved from: <https://regnum.ru/news/1688215.html>.

"Shamil Abdurakhimov: In the Caucasus, my nickname is used to name Robin Hood's followers" (2015). Sporbox.ru Retrieved from [https://news.sporbox.ru/Vidy\\_sporta/edinoborstv\\_a/spbnews\\_NI526911\\_Shamil\\_Abdurahimov\\_Moi\\_m\\_prozvishhem\\_na\\_Kavkaze\\_nazyvajut\\_posledovatelej\\_Robina\\_Guda](https://news.sporbox.ru/Vidy_sporta/edinoborstv_a/spbnews_NI526911_Shamil_Abdurahimov_Moi_m_prozvishhem_na_Kavkaze_nazyvajut_posledovatelej_Robina_Guda).

Bartlett, J., Reffin, J., Rumball, N. & Williamson, S. (2014). *Anti-Social Media*. London: Demos.UK

Fladmoe A., Nadim M. (2017). Silenced by hate? Hate speech as a social boundary to free speech // *Boundary Struggles: Contestations of Free Speech in the Norwegian Public Sphere*. Retrieved from <https://press.nordicopenaccess.no/index.php/noasp/catalog/book/16>.

Gagliardone, I., Gal, D., Alves, T., & Martinez, G. (2015). *Countering Online Hate Speech*. Paris: UNESCO.

Gelber, K., & McNamara, L. (2016). Evidencing the harms of hate speech. *Social Identities*, 22(3), 324-341.

Hate Speech Law and Legal Definition, Legal Definitions and Legal Terms Dictionary of US Legal, Inc. Retrieved from <https://definitions.uslegal.com/h/hate-speech>.

Hawdon, J., Oksanen, A., & Rasanen, P. (2015). "Online Extremism and Online Hate: Exposure among Adolescents and Young Adults in Four Nations". *Nordicom Information: Medie- och kommunikationsforskning i Norden*, 37(3-4), 29-37.

Leech, G. N. (2014). *The Pragmatics of Politeness*. New York: Oxford University Press.

Leets, L. (2002). Experiencing hate speech: Perceptions and responses to anti-semitism and antigay speech. *Journal of Social Issues*, 58(2), 341-361.

Perry, B. (2001), *In the name of hate: understanding hate crimes*. New York: Routledge. 2001. 288.

Saul, J. (2018). Shitholes and figleaves: how Donald Trump is making racist language OK again. *The Conversation*, 2/13/2018. Retrieved from <https://theconversation.com/shitholes-andfigleaves-how-donald-trump-is-making-racist-language-ok-again-91705>.

Technau, B. (2018). Going beyond hate speech: the pragmatics of ethnic slur terms. *Lodz Papers in Pragmatics* Retrieved from <https://doi.org/10.1515/lpp-2018-0002>.

Technau, Björn. (2016). The meaning and use of slurs. An account based on empirical data. In Rita Finkbeiner, Jörg Meibauer & Heike Wiese (eds.), *Pejoration*, 187–218. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Weaver, S. (2011). Liquid racism and the ambiguity of Ali G. *European Journal of Cultural Studies* 14(3). 249-264.

**Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.**

**Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.**

**Ляшенко Игорь Владимирович**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации НИУ «БелГУ»

**Lyashenko Igor Vladimirovich**, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University.

**Дрыгина Юлия Анатольевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации НИУ «БелГУ»

**Drygina Yulia Anatolievna**, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University.

**Леонович Евгения Олеговна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Пятигорского государственного университета.

**Leonovitch Yevgeniya Olegovna**, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, Pyatigorsk State University.

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-6

Tatiana V. Osintseva

**Ways of emotions verbalization and emotive potential of a language sign**

Assistance Lecturer, Department of German and French languages  
Belgorod State National Research University  
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation  
*delfina.87@inbox.ru*  
ORCID:0000-0003-3197-8856

*Received 17 May 2019; accepted 14 June 2019; published 30 June 2019*

**Abstract:** Being an integral component of spiritual culture, emotions, for all their universality, manifest in different languages certain specificities of verbalization, due to the inherent subjectiveness of interpretation of the surrounding reality, which is of undoubted interest for linguistics. The linguistic-psychological and linguistic interpretation of the data presented in the language makes it possible to consider the latter as the representation of the special knowledge behind the facts of natural language, as the representation of the constructs of conceptual consciousness.

**Introduction and theoretical justification.** Emotions are a form of reality reflection. They form an integral part of human existence and play a significant role in people's lives. In the process of cognition of the objects and phenomena of reality we react, show our attitude in different assessments, feelings, which undoubtedly finds its expression in the language. Thus, emotions are a complex product of human spiritual and cognitive activity. The study of the ways of their reflection in the language and the reflection of accepted in this linguistic community ideas about the positivity/ negativity of emotions is of particular importance from the point of view of further development of linguistic methods of studying emotionality. **Main part.** The essence of a person is revealed precisely in the internal and external communication. There are at least two types of communication: verbal and non-verbal. The main verbal methods of transmitting emotions include lexical (word-formation, phraseology) and syntactic means. The vocabulary of emotions includes words, the subject-logical meaning of which constitutes emotional concepts. The emotional vocabulary includes emotionally colored words containing a sensual background. The basis of a single model of a global description of the whole range of emotive vocabulary can be the category of emotiveness. The category of emotiveness is directly related to the lexical means of verbalizing emotions. These methods are characterized by the presence of direct nominees of emotions, in other words, associated with the technique of direct and indirect verbalization of emotions. Indirect (mediated) verbalization of emotions is more effective for localizing the negative emotions of a communication partner, when their direct verbalization is not only irrelevant, but also unacceptable. The basic operational element for identifying emotionality of vocabulary (autonomously or in utterance) is emotive meanings in the seminal structure of a language mark. Emotive meanings are flexible and are variable reflected in lexical semantics. They carry information about human emotions; they appear in the content of various language and speech units in the form of specialized semantic components peculiar to these units. Consequently, they

constitute the *semantic core* of emotive vocabulary. **Conclusion.** The methods of objectification of emotions stem from the emotive potential of a language sign. The emotive potential of a language sign may belong to the latter initially or can be introduced. The speech situation leaves an emotional imprint on the use of linguistic units and this fact contributes to the formation of a semantic gap in the structure of the sign used. Denotative sense, thus, "overgrows" with additional meanings, which are often nationally and culturally conditioned and function at the level of ethnostratus. Due to the presence of ethno-cultural traces in the semantics of emotive speeches, it is possible to distinguish their national specific parameters at the level of speech functioning.

**Key words:** language sign; language picture of the world; communicative behavior; emotional reality; nation and emotion; huge emotional experience; emotion's vocabulary; category of emotiveness; direct and indirect verbalization

**How to cite:** Osintseva T. V. (2019). Ways of emotions verbalization and emotive potential of a language sign. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (2), 59-66, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-6

### Introduction

The greatest disclosure of human emotions takes place in the process of communication, for example, in dialogic speech. It should be noted that the study of the emotion's nature is important not only from the point of view of the person "for himself", i.e. for understanding and awareness of his essence, but also for "others", i.e. in order to feel and understand others as deeply as possible. Entering into communication, we unconsciously (and sometimes consciously) try to catch emotions-reactions of our interlocutors to what and how we say, how we behave, etc., at the same time assessing the behavior of all participants in communication. Starting a dialogue, we follow our intentions, trying to achieve certain goals, while choosing emotionally-colored language means not only lexical but also syntactic. Thus, the study of emotions is interesting from the position of the addressee.

However, the emotions of the addressee, the initiator of communication, are no less important. They can become verbal/nonverbal arguments to confirm the expediency of the speaker's intentions. The listener also intends to recognize the emotions of his or her interlocutor, tries to catch them, "read", interpret them from different positions, for example, the speaker's speech is true or false, is it conflict or conflict-free,

whether he/ she is concerned or indifferent, etc. In other words, emotions are important from the position of the addressee.

First of all, communication is the exchange of emotions, and emotions can serve as a stimulus to the beginning of communication, its interruption or termination. Consequently, the study of emotions is also relevant from the standpoint of pragmatics, for example, conflict/ conflict-free dialogue or the impact of the speaker on the listener.

At the beginning of the XIX century, V. von Humboldt noted that the language as a person's activity is permeated with feelings. Today, linguistics has turned to his teaching again, the essence of which is to study the language in close connection with man. In relation of this concept, the linguistic understanding of system emotive means is quite feasible. Being an integral component of spiritual culture, emotions, for all their universality, manifest in different languages certain specificities of verbalization, due to the inherent subjectiveness of interpretation of the surrounding reality, which is of undoubted interest for linguistics. The linguistic-psychological and linguistic interpretation of the data presented in the language makes it possible to consider the latter as the representation of the special knowledge behind the facts of natural

language, as the representation of the constructs of conceptual consciousness.

At all times, people experienced, experience and will experience the same feelings: joy, grief, love, sadness. Humanity has accumulated a huge emotional experience. In this regard, psychologists talk about the universality of emotions, the list of which reflects the universal human experience of understanding human mental activity.

The **pertinence** and **novelty** of this study stem primarily from the inadequate study of the emotional ways of the manifestation of the language personality, both verbal and non-verbal. The **elements of scientific novelty** are the epistemological combination of a cognitive and communicative method for studying empirical material.

#### **Aim**

Given the presence in the humanity emotional experience of a group of leading universal emotions, we can assume the existence of universal emotive meanings in the semantics of linguistic signs, which is due, in particular, to their reflective function, since humankind's experience in cognizing emotions, like any other fragment world, is fixed in linguistic units.

In the linguistic literature, various designations of universal emotions are used: dominant emotions, key emotions, emotional tone, leading or basic emotions, etc. At the same time, psychologists note that the vocabulary of emotions in different languages is far from the same, although there is not a single experience, which would be available for one nationality and inaccessible for another, that is, the emotions themselves are universal, and the system-structural parameters of emotional signs do not match in different languages, have national specificity because their reflection in each language is original.

One of the first places in the linguistic culturology of recent years continues to occupy the problem of the representation of emotions in the language (Babenko, 1995;

Bally, 1961; Dixon, 2003; Goldie, 2010; Majid, 20112). Linguoculturological study of mental experiences of a person reveals the peculiarities of cultural preferences and dominants, the specifics of the structure of the psychic, inner, mental world of representatives of a certain ethnic community, language collective, and its mentality.

Verbalization of the world, especially of the world of emotions, is ethnospecific, which is caused by a variety of extra – and intralinguistic factors determining the life of a language, its functioning, structural and semantic, functional transformations occurring in it (Vereshchagin, 1990).

Interpersonal relationships arise as a result of various social contacts, that is to say, communicative interaction. Our ability to communicate directly depends on social experience or perception, which is based on building the incentives that surround us into a meaningful structure. This structure is determined by culture. This includes a number of cultural conventions, rules, agreements that are brought up in us by members of the same social group to which we belong. Thus, they impose restrictions on our communicative flexibility.

At the center of any humanitarian knowledge is a person and everything related to his activity. One of the central components of human activity is communication. M.M Bakhtin defined the essence of a person through dialogue, understood as a qualitative interaction of individuals, based on understanding and reduced to “personal responsibility” and “participation”. According to Bakhtin, the essence of a person is revealed precisely in the internal and external communication (Bakhtin, 1995).

There are at least two types of communication: verbal and non-verbal.

Communication, carried out with the help of words, is called verbal (from Lat. *verbalis* – verbal). The main tool here is language: it is a system of signs that serves as a means of human communication, mental activity, a way of expressing the identity of the individual. So, the ways of verbalization

of emotions depend on the emotive potential of a linguistic sign and linguistic personality, using one or another sign. The main goal of this research is to identify specific correlations between the linguistic sign and the individual picture of the speaker's world, which includes verbal and non-verbal means of communication.

### Materials and Methods

When it comes to non-verbal communication, the means of communication include the following signs: posture, gestures, facial expressions, intonation, and attitudes. In this case, the sign is any material object (object, phenomenon, event), which acts as an indication and designation and is used for the acquisition, storage, processing and transmission of information. Non-verbal means of communication are most often used to establish emotional contact with the interlocutor, what is more important is to maintain emotional contact during the conversation.

Part of human communication, understood in this sense, is speech communication. It is formed by speech acts involved in the process of transferring information and sharing activities. (Diller, 1992:219).

Expressive methods of nomination provide rich material for the study of the mechanisms of the national language personality functioning. Emotional speech acts can be viewed as a kind of repository for the functioning, representation, and fixation of the communicative relationship to each other and to the world. In communicative situations characterized by a high degree of emotionality, language units with specific semantics and structure are often used.

In the process of communication, various ways of verbalization of emotions can be distinguished. Techniques for verbalization of emotions include three key modes:

- a) direct verbalization of the communicator's own emotional states;
- б) indirect (mediated) verbalization of emotions;
- в) metaphorical verbalization of the

communicant's emotional states.

The main verbal methods of transmitting emotions include lexical (word-formation, phraseology) and syntactic means.

The vocabulary of emotions includes words, the subject-logical meaning of which constitutes emotional concepts. The emotional vocabulary includes emotionally colored words containing a sensual background. Following L. Babenko, we use the term "emotive vocabulary", since the entire aggregate of nominees of emotions is embedded in the content of this term (Babenko, 1995).

### Results and Discussion

The basis of a single model of a global description of the whole range of emotive vocabulary can be the category of emotiveness. This category has a debatable character so far, the terminological apparatus is also not fully decorated, but its status as a category is proved by a number of studies. First of all, the difference between emotion and emotiveness is revealed. So, V.I. Shakhovsky classifies emotions as psychological categories, and emotiveness as linguistic (Shakhovsky, 1987). You can find a narrow and broad understanding of emotiveness. In the second case, this category covers all language means of displaying emotions. Such an understanding of the category of emotiveness suggests that it unites semantically close linguistic units of different levels. We are supporters of a similar interpretation of the emotive phenomenon (Goldie, 2010).

The category of emotiveness is directly related to the lexical means of verbalizing emotions. These methods are characterized by the presence of direct nominees of emotions, in other words, associated with the technique of direct and indirect verbalization of emotions. The technique of direct verbalization consists in directly informing the partner about one's own emotional state (*fr. Je suis étonné = I am surprised; Je suis ravi = I am happy; J'ai des soucis = I have concerns; Je suis inquiet = I worry; J'ai peur = I'm afraid etc.*), (*Spanish. Estoy*

*sorprendido = I'm surprised; Estoy feliz = I'm happy; estoy ocupado = I have worries; Estoy preocupado = I'm worried; Tengo miedo = I'm afraid etc.) or pointing to emotions experienced by a partner and the senses (fr. Vous avez des soucis = You have problems; Ne vous inquiétez pas = Do not worry; Vous êtes Surprise = You are surprised; Vous êtes triste = You are sad, etc.), (Usted tiene problemas = You have problems; No se preocupe = Do not worry; Usted está sorprendido = You are surprised; Usted está triste = You are sad, etc.)*

It should be noted that the direct verbalization of emotions does not always reduce the intense psycho-emotional background of interpersonal communication, and in complex conflict situations, for example, can provoke an increase in the negative emotional state of a partner. The above type of verbalization of emotions is not dominant, for example, for French communicative behavior (Bally, 1961; Sedykh, Buzinova, 2019).

Indirect (mediated) verbalization of emotions is more effective for localizing the negative emotions of a communication partner, when their direct verbalization is not only irrelevant, but also unacceptable.

Indirect verbalization is most often implemented in such formulations as: fr. *Je vois que cela vous inquiète* (I understand that it bothers you), *Je ne veux pas être indiscret, mais qu'est-ce qui ne va pas?* (I do not want to be immodest, but tell me – what's wrong with you?); Spanish *Entiendo que le preocupa eso* (I understand that it bothers you), *No quiero ser indiscreto pero diga que le pasa?* (I do not want to be immodest, but tell me – what's wrong with you?). The use of positive statements in the verbalization of negative emotions helps to reduce the emotional intensity of interpersonal communication. In our opinion, this type of verbalization of emotions is dominant for the French linguoculture. (Bally, 1961).

To the indirect type of verbalization can be attributed metaphorical ways of objectifying emotions. Metaphorical

verbalization is more acceptable for the localization of ambivalent, contradictory, emotional states of communication partners, which are associated with their dual attitudes towards each other, with simultaneous acceptance and rejection of any properties of each other. For example, the impatience of a partner in interpersonal communication may be associated with the anxious expectation of a violent emotional reaction to his proposal or with a premonition of a quick resolution of the problem. Metaphorical verbalization, which uses analogies, similarities, comparisons that reduce mental stress, contributes to a positive correction of the communicator's uncomfortable emotional state.

The representation of emotions is connected with the peculiarities of conceptualization. Conceptualization of emotions (in contrast to the conceptualization of the essences of the objective world) is largely determined by language factors. Since the sphere of emotions is inaccessible to direct observation, the linguistic fixation of symptomatic reactions and physical states that are consistently associated with a particular emotion is the basis on which ideas about the essential characteristics of this emotion are formed in the naive picture of the world. At their basis, figurative expressions form a conceptual basis for the mental processing of “invisible” phenomena (Novitskaya, 2008). The basic operational element for identifying emotionality of vocabulary (autonomously or in utterance) is emotive meanings in the seminal structure of a language mark. Seminal semasiology is characterized by an abundance of positions and approaches to the description of the seminal structure of the word. Generally recognized are the ideas about the structural nature of the seed, its field model, and the presence of macrocomponents in the structure of meaning (denotation and connotation) (Tripolskaya, 1999).

Emotive meanings are dynamic, highly associative and specifically manifest in lexical semantics. The unified model basis's

global description of the whole set of emotive vocabulary can be a seme of emotiveness that participates in the manifestation of emotions in the semantics of a word. The status of a seme is not only determined by its position in the seminal structure of the word, but also determines the nature of the manifestation of emotive meanings of words.

The vocabulary definitions of the majority of emotive vocabulary come together due to the general content contained in them. A.A. Ufimtseva calls "this integrative in essence and transformed according to the form of expression common for a number of units the essential part of the dictionary definition – identifying predicate". Emotiveness seme, speaking in the status of a categorical-lexical seme, performs the function of identifying and usually represents an analytical combination, built on the model of "the concept of feeling + the specific name of a feeling," for example: fear – a sense of fear; to love – to feel deep affection for someone, something (Ufimtseva, 1968:104). Emotive meanings coincide with the basic emotions nominations and with the most frequent words from the set of emotive vocabulary. Emotive meanings are flexible and are variable reflected in lexical semantics. They carry information about human emotions; they appear in the content of various language and speech units in the form of specialized semantic components peculiar to these units. Consequently, they constitute the *semantic core* of emotive vocabulary.

Lexical manifestation of emotional meanings, as a rule, is structured according to the principle of semantic / conceptual oppositions, such as "love – dislike", "joy – grief", etc. It can be assumed that these oppositions have universal parameters, since it is impossible to imagine any culture on earth, devoid of the above emotional concepts.

The original emotive meanings belong to the category of universal and constitute the main framework of the mental warehouse of the individual. This framework is overgrown with many detailed nominations. A person's

ideas about the diversity and richness of emotive nuances are displayed in the lexical meaning of the word in the internal lexical concretization due to various differential features that specify the categorical lexical seme (Ufimtseva, 1968). Most emotive vocabulary is rich in content. The second degree identifying seminal predicate conveys the essence of the emotion, and the differential semantic features specifying it define its qualities and properties. And only together, in various combinations, they convey the whole variety of emotions [ibid.].

The single model basis of global description of the whole set of emotive vocabulary can serve as a category of emotivity. V. I. Shakhovsky reveals the difference of emotive emotions at the linguistic level, when emotions transform in emotively. Emotions are a psychological category, and emotivity is a linguistic category. (Shakhovsky, 1987)

#### Conclusion

So, the experience of mankind in the knowledge of emotions is fixed in language units. Emotions are universal, and the structure of emotive vocabulary doesn't coincide in different languages, it has national specifics. In this regard, there are universal emotive meanings in lexical semantics. Emotive vocabulary is closely related to evaluative vocabulary, but it is impractical to choose evaluative words for the study of emotive vocabulary. The basis of a single model of describing the whole set of emotive vocabulary can serve as an emotivity seme. It participates in the manifestation of emotions in the semantics of the word. When different positions in the seminal structure of a word are taken, emotivity seme can be the main categorical lexical or dependent differential system. Emotionality is expressed at all levels of language by word-formative, syntactic, lexical means, including phraseology. At the word-formation level, the concept of productivity is important. Vocabulary and phraseology of colloquial style have great potential. Feelings and emotions are almost impossible to express with the help of only

one language means. The emotionality in speech is usually expressed by a set of linguistic means of different levels.

The methods of objectification of emotions stem from the emotive potential of a language sign. The emotive potential of a language sign may belong to the latter initially or can be introduced. The speech situation leaves an emotional imprint on the use of linguistic units and this fact contributes to the formation of a semantic gap in the structure of the sign used. Denotative sense, thus, "overgrows" with additional meanings, which are often nationally and culturally conditioned and function at the level of ethnostratus. Due to the presence of ethno-cultural traces in the semantics of emotive speeches, it is possible to distinguish their national specific parameters at the level of speech functioning.

The considered patterns of the use of linguistic material can be defined as indicators of the national worldview and communicative behavior of representatives of different cultures, reflecting the specifics of the national language picture of the world and features of the verbalization of emotional realities of the described linguocultural community. Linguoculturological description of the specificity of the verbalization of emotions involves the expansion of the empirical base of the study. In the future, it is planned to conduct a comparative analysis of the patterns of verbalization of basic emotions in multi-structural languages.

#### References

- Anishchenko, A. B. (2004). *Yazhuk i emotsii: lichnostnue smuslu i dominant v rechevoy deyatelnosti* [Language and emotions: personal meanings and dominants in speech activity]. Volgograd, Russia: "Center" (in Russian).
- Babenko, L. G. (1995). *Rol chelovecheskogo faktora v interpretatsii emotsiy: reprezentatsiya emotivnuh smuslov v slovare, predlozhenii i tekste* [The role of the human factor in the interpretation of emotions: the representation of emotive meanings in the dictionary, sentence and text]. Ekaterinburg, Russia: Publishing House of the Ural State University (in Russian).
- Bakhtin, M. M. (1995). *Chelovek v mire slova* [Man in the world of words]. Moscow, Russia: Publishing House of the Russian Open University (in Russian).
- Ionova, S. V. (2004). *Lingvistika emotsiy: osnovnye problemu, rezultatu I perspektivu* [Linguistics of emotions: basic problems, results and perspectives] Volgograd, Russia: COP "Center" (in Russian).
- Galkina-Fedoruk, E. M. (1957). *Ob ekspresivnosti i emotsionalnosti v yazyke* [On expressiveness and emotionality in the language Text], Moscow, Russia: Collect. work on linguistics (in Russian).
- Myagkova, E. Y. (2000). *Emotsionalno-chuvstvennyy component znacheniya slova: voprosu teorii* [Emotional-sensual component of the word meaning: questions of the theory] Moscow, Russia: DLitt. (in Russian).
- Novitskaya T. A. (2008), *Kontseptualnaya struktura FSP «emotsionalnoe sostoyanie cheloveka» vo frazeologicheskoy podsysteme frantsuzskogo yazyka* [The conceptual structure of the FSP "the emotional state of a human being" in the phraseological subsystem of the French language], Ph. D. Thesis, Blagoveshchensk, Russia (in Russian)
- Sedykh A. P., Buzinova L.M. (2019) *Frantsuzskaya yazykovaya lichnost': Akademicheskii i khromaticheskii diskurs (monografiya)* [French Language Personality: Academic and Chromatic Discourse (monograph)]. Moscow, LENAND, Russia. (in Russian).
- Tripolskaya, T. A. (1999), *Emotivno-otsenchnaya leksika v antropologicheskoy aspekte* [Emotive-evaluative vocabulary in the anthropological aspect], Abstract of Ph. d., SPb., Russia (in Russian).
- Ufimtseva A. A. (1968), *Slovo v leksiko-semanticheskoy sisteme yazuka* [The word in the lexico-semantic system of the language] Moscow, Russia (in Russian).
- Shakhovskiy V.I. (1987), *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazuka* [The categorization of emotions in the lexical-semantic system of language], VGU publishing house, Voronezh, Russia (in Russian)
- Vereshchagin E. M. (1990), *Yazuk i kultura: lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazuka kak inostrannogo* [Language and culture: linguistic studies in the teaching of Russian as a

foreign language], Russian language, Moscow, Russia (in Russian)

Bally, S. (1961). *French stylistics: translated from French*. M.: publ. foreign literature. Russia.

Casasanto, D., & Dijkstra, K. (2010). *Motor action and emotional memory*. *Cognition*, 115(1), 179–185.

Diller, H. J. (1992), *Emotions and the Linguistics of English Text*. Proceedings edit: by Wilhelm L. Busse. Tübingen: Niemeier.

Dixon, Th. (2003) *From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category*. Cambridge, UK.: Cambridge University Press.

Fainsilber, L., & Ortony, A. (1987). Metaphorical uses of language in the expression of emotions. *Metaphor and Symbolic Activity*, 2, 239–250.

Foolen, A., Lüdtke, U., Racine, T., & Zlatev, J. (Eds.) (2012). *Moving ourselves, moving others: motion and emotion in intersubjectivity, consciousness and language*. Amsterdam: John Benjamins, the Netherlands.

Frijda, N. H. (1986). *The Emotions Text*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Gibbs, R. W., Leggitt, J. S., & Turner, E. A. (2002). What's special about figurative language in emotional communication? *Fussell, S. R. (Ed.), The verbal communication of emotion: interdisciplinary perspectives*, Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 125–149.

Goldie, Peter (2010). *The Oxford Handbook of Philosophy of Emotion*. Oxford: Oxford University Press, UK.

Goleman, D. (1997). *The Emotional Intelligence Text*, UK: Bentam Books

Johnson-Laird, P. N., Oatley, K. (1989) "The Language of Emotions: An Analysis of a Semantic Field Text", *Cognition and Emotion*, 3, 81-123.

Majid, Asifa. (2012), "Current Emotion Research in the Language Sciences". *Emotion Review*, 4, 432–43.

Oster, U. (2010)." Using corpus methodology for semantic and pragmatic analysis: What can corpora tell us about the linguistic expression of emotions", *Cognitive Linguistics*, 21(4), 727–763.

Roberts, Robert C. (2003). *Emotions: An Essay in Aid of Moral Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, UK.

Wierzbicka, A. (1990)"The semantics of emotion: fear and its relatives in English", *Australian Journal of Linguistics (special issue on the semantics of emotions)*, 10(2), 359-375.

Wilce, James M. (2009). *Language and Emotion*. Studies in the Social and Cultural Foundations of Language 25. Cambridge: Cambridge University Press, UK

**Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.**

**Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.**

**Tatiana V. Osintseva**, Assistance Lecturer of the Department of German and French Languages

УДК: 81-112.2

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-7

Сиротенко А.Д.

**Местоимение в лингвистической концепции Абель Матье (1520?-1572?)**

аспирант ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»  
ул. Победы 85, Белгород, 308015, Россия  
*E-mail: aline-bel@rambler.ru*  
*ORCID: 0000-0001-5347-2050*

*Статья поступила 23 апреля 2019 г.; принята 14 июня 2019 г.; опубликована 30 июня 2019 г.*

**Аннотация**

Настоящая статья посвящена проблематике описания системы местоимений в лингвистической концепции А. Матье (1520? – 1572?), французского юрисконсульта и по совместительству автора трех изданий трактата о языке «Devis de la langue francoyse» (1559, 1560, 1572). На основании методики комплексного изучения триады «система-норма-узус», разработанной Е.Н. Михайловой относительно класса имен в представлении французских ренессансных грамматистов (2000), нами определяется, каким образом А. Матье представляет статус, границы, номенклатуру и функции французского местоимения, и в какой степени его представления отступают от постулатов греко-латинского канона описания частей речи. Обнаруживается, что система местоимения в концепции автора «Devis» представлена неполно, а ее грамматическая парадигматика подвижна и значительно размыта. С одной стороны, подобная фрагментарность описания местоимения является прямым следствием незавершенности процесса формирования системы последнего в рассматриваемую эпоху. С другой стороны, она может быть обусловлена лишением А. Матье местоимения статуса самостоятельной части речи. Наконец, нами устанавливается связь между фрагментарностью описания системы местоимения в лингвистической концепции А. Матье и его узуальным подходом к построению грамматического описания.

**Ключевые слова:** Французская Ренессансная лингвистическая традиция; греко-латинский канон грамматического описания; Абель Матье; местоимение; узус.

**Для цитирования:** Сиротенко А.Д. Местоимение в лингвистической концепции Абель Матье (1520?-1572?) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, N2. С. 67-73. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-7

**Alina D. Sirotenko**

**Pronoun in Abel Matthieu's linguistic concept (1520? - 1572?)**

PhD Student, Belgorod State National Research University,  
14 Studencheskaya St., Belgorod, 308015, Russia;  
University of Cote-d'Azur, Parc Valrose, Nice, 06113, France.  
*E-mail: aline-bel@rambler.ru*  
*ORCID: 0000-0001-5347-2050*

**Abstract.** The aim of the article is to describe the system of pronouns in the linguistic concept of Abel Matthieu (1520? – 1572?), a French humanist, legal adviser and author

of the treatise "Devis de la langue francoyse" (1559, 1560, 1572). Using the methodology of the "system-norm-usage" complex study by E.N. Mikhailova (2000), we determine how A. Matthieu represents the status, boundaries, nomenclature and functions of the French pronoun, and to what extent his representation differs from the postulates of the Greek-Latin canon. It is found that the pronoun system in the author's concept is reflected incompletely, and its grammatical paradigm is mobile and significantly blurred. On the one hand, this fragmentation of the pronoun description can be explained by the unfinished process of its system formation during the Renaissance period. On the other hand, it can be caused by the fact that A. Matthieu deprives the pronoun of the independent part of speech status. Finally, we establish a connection between the fragmental reflexion of the pronoun system in A. Matthieu's linguistic concept and the author's usual approach to the grammatical description.

**Key words:** French Renaissance linguistic tradition; greco-latin canon of grammatical description; Abel Matthieu; pronoun; usage

**How to cite:** Sirotenko A.D. (2019). Pronoun in Abel Matthieu's linguistic concept (1520? – 1572?). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (2), 67-73, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-7

### Introduction

Historical and linguistic studies of recent years indicate a significantly increased attention to the study of so-called «turning points» in the history of European linguistics, when one scientific paradigm was replaced by another. The most important of these periods, of course, is the Renaissance. Modern scholars call the process of mass grammatization of national languages as the main phenomenon of the Renaissance knowledge of language, and the emergence of qualitatively new approaches to describing vernaculars as its main achievement (Auroux, 1992; Stepanova, 2000; Mikhailova, 2000; Raevskaya, 2006; Kosarik, 2013).

Of all the national linguistic traditions, whose development falls on the Renaissance, the French national tradition is of particular interest. First, the corpus of French grammars published during the 16th century is one of the most extensive. According to the most well-known bibliographic reviews, it has more than three hundred names (Steingel, 1890; Chevalier, 1968; Colombat, 2011). Secondly, French Renaissance grammars in the best way demonstrate how the new object of grammatical description for the European tradition was interpreted based on the Greek-Latin canon.

As is known, the Renaissance descriptions of national languages, including French, relied on a long previous tradition, both ancient and medieval. The grammars of Donat (IV cent.) and Pristian (beginning of VI cent.), representing the Late Antique canon, enjoyed the greatest prestige. Methodological difficulties of developing their own model of grammatical descriptions prompted many humanists to produce on their basis a direct transfer of the Latin model, including the principles of word division into parts of speech and other categories (Amirova, 2005: 103; Raevskaya, 2006: 29; Kosarik, 2013: 8).

However, in the systematization process of the native language facts, the authors of the first French grammars were faced with the fact that it was not always possible to mechanically assign the provisions of the ancient canon to it. In particular, this concerned those grammatical phenomena that were absent in the traditional scheme of ancient grammars or continued to actively develop, not fitting into the framework of this scheme. Similar inconsistencies between the realities of French usage and the Greek-Latin canon led some humanists to the path of developing other principles of grammatical description, which were based on the usual aspect, not the systemic one.

One of the clearest examples of how the postulates of the Late Antique canon were revised in relation to the French language is the class of pronouns. The main difficulties in its description were dictated by several reasons. First, the very nature of a pronoun, the characteristic features of which are the blurring of boundaries within its lexico-semantic categories, as well as the diversity of meanings and syntactic functions. Secondly, as noted by J. Picoche and C. Marchello-Nizia, to the beginning of the XVIth century the system of the French pronoun found much more complexity and specificity of the organization than the Latin pronoun system (Picoche, Marchello-Nizia, 1998: 225). Finally, the paradigm of the French pronoun, however, like most other classes of words, continued to be then in the evolutionary stage.

The complexity of the structure and the incompleteness of the formation process of the French pronoun by the time the first grammars were published led to the development of truly original solutions to the problem of this class of words. One of these decisions belongs to Abel Matthieu, French humanist, author of three editions of the treatise "Devis de la langue francoyse" (1559, 1560, 1572). The treatise received the reflection of the entire spectrum relevant to the XVI century linguistic problems, such as the origin of the native language, ways of its enrichment, as well as questions of spelling, translation and poetics. Actually, grammatical reasoning A. Matthieu made up the main content of the second book "Devis" (1560), which will become the object of our attention.

Let us consider how the problem of the French pronoun is solved within the framework of the linguistic concept of A. Matthieu. At the same time, we will focus on the degree of influence of the Greek-Latin canon on the principle of describing a pronoun, how its status, nomenclature, functions, and also its place in the system of grammatical description are determined.

### Research Results and Discussion

According to the canon, the first place in the grammatical description of any part of

speech is assigned to its definition. At the same time, it should include two mandatory elements: a general definition of the status of the class of words in question and its meaning (Lenoble, Swiggers, Wouters, 1999: 4]. Without departing from the tradition, A. Matthieu begins the description of the French pronoun also with the definition. He's writing: «... [il existe] *un autre indice* qui [se met] *au lieu et fait service aux noms et termes de masle ou femme*» (Matthieu, 1560: 17). As we can see, the definition of the pronoun by the author is obviously ostensive in nature and is less formal and detailed than the authors of the most famous French grammars of the XVIth century, often including additional information in it, such as a list of grammatical categories or missing values (L. Megret, R. Estienne, J. Garnier). However, in general, it does not go beyond the late antique canon. Like Donat and Pristin, A. Matthieu characterizes the pronoun through its replacement function.

To a much lesser degree, the author of "Devis" follows the canonical model of the Latin grammar with regard to the list and composition of parts of speech. In this, the main source of his thoughts is not Donat, but the third treatise book of the famous Italian humanist Pietro Bembo "Prose della volgar lingua" (1525). According to A. Jacquetin-Gaudet, the third book of "Prose" is a complete prototype of the second edition of "Devis" (1560), as indicated by the identity of their structure and subject matter (Jacquetin-Gaudet, 2010: 29). Like P. Bembo, A. Matthieu does not focus his attention on the principles of classification of parts of speech and does not give them a fixed nomenclature. Nevertheless, the textological analysis of the second "Devis" reveals that he does not single out the pronoun into an independent element of the cross-sectional system, and, based on the similarity of official functions, places it together with the article into a class of "signs" (indices).

The French pronoun system in the concept of A. Matthieu is far from complete. Of the six lexical-semantic groups in its compo-

sition, represented by personal, relative, possessive, indicative, interrogative and indefinite pronouns, the author focuses his attention only on the first two. Such selectivity in relation to the facts of linguistic reality does not mean that the author of “Devis” does not distinguish all types of pronouns. Unlike the majority of the Renaissance descriptions of the French language, presented in the form of explanatory grammars, the A. Matthieu treatise is written in the genre of “discourse on language”, allowing for a more free flow of material. In addition, the very name of the treatise – “Devis” (from the French “deviser” = to talk) – involuntarily suggests that a real small talk could form the basis of its writing. This idea was first reflected in the work of A. Jacquetin-Gaudet (Jacquetin-Gaudet, 2010). Thus, taking into account the genre features of the composition, it can be assumed that A. Mathieu intentionally avoids a detailed description of the pronominal class of words and concentrates only on those elements which, in his opinion, are the most significant or have some particular features in use.

Thus, the most detailed statement in his linguistic concept A. Matthieu dedicates personal pronouns, the frequency of which in the XVIth century increased significantly. As historians of the language point out, the generalization of the reflection of personal, especially subject, pronouns in speech was associated, on the one hand, with the neutralization or complete disappearance of the verbal inflections indicating a particular person. On the other hand, it was connected with the establishment of a new syntactic order “subject-verbe-object”, which implied the obligatory presence of the subject. In addition, the omission of a personal pronoun was censured by

the majority of poets and grammarians who actively advocated its use (Fragonard, 1994: 72; Picoche, 1994: 228; Huchon, 2002: 162). In his treatise A. Matthieu does not express an open call for the use of personal subject pronouns. Nevertheless, he notes their regular presence before the verb: “*Les faictz et actions sont guidees par Icelles [verbes] <...>*” (Matthieu, 1560: 18).

The analysis of a personal subject pronoun in the treatise fully demonstrates the primacy of the usage in the linguistic concept of A. Matthieu. As is known, the Greek-Latin grammatical canon assumed the study of parts of speech according to the following scheme: definition system (list of grammatical categories) – norm (inflection and / or derivation rules) – usage (examples for reducible rules and usage patterns in speech). Based on this, in the absolute majority of French grammars, analysis of both personal and other types of pronouns took place within the section devoted to this class of words. On the other hand, as V.G Hack writes, from the point of view of syntax, personal pronouns are a constant element of the synonym “pronoun-verb” (Hack, 2000: 132). The fact that A. Mathieu describes these units in the section on the verb shows that in its concept, when explaining grammatical facts, it goes not from system to usage, but, conversely, from usage to system.

As the main grammatical categories of the personal subject pronoun A. Mathieu gives the categories of person and number. Thus, in his opinion, French personal pronouns have three persons and, like nouns, two numbers (singular and plural). For visual illustration, it uses the following vertical scheme:

	<i>Nombre unique</i>	<i>nombre de beaucoup</i>
<i>Le premier</i>	<i>ie</i>	<i>nous</i>
<i>Le second</i>	<i>tu</i>	<i>vous</i>
<i>Le troysiesme</i>	<i>il</i>	<i>ilz</i>

(Matthieu, 1560: 18).

The personal object pronoun has been highly controversial in the treatise. Not only

A. Matthieu mentions the form of a third person of all his forms, moreover he takes it for

the form of a French definite article. It should be emphasized that such a mixture of forms was quite common in the pages of the first French grammars. According to historians of the language, it is based on the common origin of the forms of the French personal pronoun and the definite article from the Latin indicative pronoun *ille* (Picoche, 1994: 223; Perret, 2008: 130). So, A. Mathieu argues that the article determining the noun can be placed after it: "*fuys l'ignorance qui est moy ---- toy ---- luy ---- nous ---- vous ---- eulx*"

Explaining what their purpose is, the author of "Devis" writes: «<...> les indices de personnes peuvent accéder aux nerfs quand par effect on veult declarer sa parolle, mesmement par affection» (Matthieu, 1560: 32). For illustration, A. Matthieu quotes the following phrases: "*je le veulx moy, tu las faict toy, il dict luy*" (Matthieu, 1560: 32). What sways other instances of the use of personal pronoun pronouns, which, according to C. Marchello-Nizia, existed in the middle French, eight, A. Matthieu is silent about them (Marchello-Nizia, 1999: 95).

The fragmentation of the grammatical presentation in the concept of A. Matthieu is also manifested in relation to the category of relative pronouns, the study of which occurs separately from the personal pronouns within the nominal class of words. Of all the author's forms, "Devis", they are interested only in the *qui* and *lequel* forms, the fashion for which they are used in writing in the 16th century acquired a mass character (Picoche, 1994: 246; Fragonard, 1994: 99; Huchon, 2002: 164]. So, according to A. Mathieu, these language units are interchangeable doublets, as they can refer to the same type of noun. The only difference is that the pronoun *qui*, unlike *lequel*, does not change in faces and numbers, regardless of which word is its antecedent. As an example, he gives the following phrases: "*les Roys vertueux qui ayment justice / la femme de bien qui est chaste*" (Matthieu, 1560: 17). Despite the fact that this example

*meschante / ignorance est meschante, fuys la*" (Matthieu, 1560: 17).

A reliance on the usage did not allow A. Mathieu to pass over personal percussion pronouns, the use of which in the 16th century began to be of a rather frequency nature due to the restriction of the possibility of personal subject pronouns in the independent syntactic function (Nyrop, 1925: 220; Kata-goshchina, 1976: 302]. The paradigm of these units in the treatise is as follows:

(Matthieu, 1560 : 32).

to the rule is unique, it is more than illustrative due to the principle of opposition used by A. Matthieu.

### Conclusions

Thus, as a result of this analysis focused on the description principles of pronoun in the second edition of A. Matthieu "Devis de la langue francoyse" (1560), we found that the author mostly does not deviate from the postulates of the Greek-Latin canon in defining its nature and functions. However, in terms of the status, boundaries, and nomenclature of this class of words, his views differ in many respects both with late-antique authors, and with many authors of French grammars of the XVI century. The peculiarity of the interpretation of the pronoun in the linguistic concept of A. Matthieu consists, first, in refusing to endow it with the status of an independent part of speech and, as a result, dispersing its description on the pages of the treatise. Secondly, its peculiarity consists in the fuzziness and mobility of the grammatical paradigm of the French pronoun, indicating the incompleteness of the process of forming this class of words in the era under consideration. Finally, reliance on the pattern, as well as the genre identity of "Devis," explains the conciseness and selectivity of A. Matthieu approach to the description of the pronominal class of words.

### References

- Amirova, T.A., Olkhovikov, B.A. and Rozhdestvensky, Y.V. (2003). *Istoriya yazykoz-*

naniya [History of linguistics], Moscow, Russia: Academy (in Russian).

Gak, V.G (2000). *Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of French Language]. Moscow, Russia: Dobrosvet (in Russian).

Katagoshchina, N.A., Gurycheva, M.S. and Allendorf, K.A. (1963). *Istoriya francuzskogo yazyka* [History of French language]. Moscow, Russia: Izdatel'stvo na inostrannyh yazykah (in Russian).

Kosarik, M.A. (2013). *Opisanie yazykovoy sistemy v rannih lingvisticheskikh pamyatnikakh Portugali: Fonetika, morfemika, morfologiya imennyh chastej rechi* [Description of the Language System in the Early Linguistic Monuments of Portugal: Phonetics. Morphemics Morphology of the Nominal Parts of Speech: Monograph]. Moscow, Russia: MAKS Press, (in Russian).

Mikhailova, E.N. (2000). Grammatical Tradition of the French Renaissance (Class of Names), D. Sc. Thesis, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia (in Russian).

Raevskaya, M.M. (2006). *Ispanskoe yazykovoe soznanie Zolotogo veka (XVI-XVII vekov)* [Spanish linguistic consciousness of the Golden Age (XVI-XVII centuries)]. Moscow, Russia: Combook (in Russian).

Stepanova, L.G. (2000). *Ital'yanskaya lingvisticheskaya mysl' XIV-XVI vekov (ot Dante do pozdnego Vozrozhdeniya)* [Italian Linguistic Thought XIV-XVI centuries (From Dante to the Late Renaissance)], Russia: Izd-vo RHGI, St. Petersburg (in Russian).

Auroux, S. (1992). *Histoire des idées linguistiques. T. 2. Le développement de la grammaire européenne* [History of Linguistic Ideas. T. 2. Development of European Grammar]. Liège, Belgium: Mardaga,

Chevalier J.-Cl. (1968). *La notion de complément chez les grammairiens. Etude de grammaire française (1530-1750)* [Concept of Object among Grammarians: French Grammar Study (1530-1750)], Geneva, Switzerland: Libr.Droz.

Colombat, B. *Le Corpus des grammaires françaises, des remarques et des traités sur la langue* Retrieved from <https://www.classiques-garnier.com/numerique-bases/index.php?module=App&action=Frame> Main.

*Devis de la langue française, 1559; suivi du Second Devis et principal propos de la langue française, 1560; texte original transcrit et annoté par A. Jacquetin-Gaudet* (2008). [Devis de la Langue Française, 1559; followed by Second Devis et Principal Propos de la Langue Française, 1560; Text Annotated and Transcribed by A. Jacquetin-Gaudet], H. Champion, Paris, France.

Fragonard, M. M. and Kotler, E. (1994). *Introduction à la langue du XVIIe siècle* [Introduction in French Language of the XVIIth. Century]. Paris, France: Nathan.

Huchon, M. (2002). *Histoire de la langue française* [History of French Language]. Paris, France: Librairie générale française.

Lenoble, M., Swiggers, P. and Wouters A. (2003). La structure des artes grammaticae latines: L'exemple du pronom, *History of Linguistics: Selected papers from the Eighth International Conference on the History of the Language Sciences (14-19 September 1999)*, Amsterdam, Netherlands, 1-19.

Marchello-Nizia, Ch. (1999). *Le français en diachronie: douze siècles d'évolution* [French in Diachrony: Twelve Centuries in Evolution], Ophrys cop., Paris, France.

Matthieu, A. (1560). *Segond devis et principal propos de la langue francoyse* [Second Speech of the French Language], Richard Breton, Paris, France.

Nyrop, Ch. (1925). *Grammaire historique de la langue française. T. 5. Syntaxe: noms et pronoms* [Historical Grammar of French Language. T.5. Syntaxe: Nouns and Pronouns], Copenhagen, Denmark.

Perret, M. (2008). *Introduction à l'histoire de la langue française* [Introduction in French Language], A. Colin, Paris, France.

Picoche, J. and Marchello-Nizia, Ch. (1994). *Histoire de la langue française* [History of French Language]. Paris, France: Nathan.

Stengel, E. (1890). *Chronologisches Verzeichnis französischer Grammatiken vom Ende des 14. Bis zum Ausgange des 18* [Chronological List of French Grammars from the 14th century to the end of the 18th century]. Jena, Germany: Grounau.

**Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.**

**Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.**

**Сиротенко А.Д.**, аспирант ФГАОУ ВО  
«Белгородский государственный национальный  
исследовательский университет»

**Alina D. Sirotenko**, PhD Student, Belgo-  
rod State National Research University, 14 Stu-  
dencheskaya St., Belgorod, 308015, Russia; Uni-  
versity of Cote-d'Azur, Parc Valrose, Nice

811.111:81'373.72

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-8

Федуленкова Т. Н. | Прагматические функции современной английской фразеологии

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,  
ул. Горького, 87, г. Владимир, 600026, Россия  
*e-mail: fedulenkova@list.ru*  
*ORCID: 0000-0002-5039-5827*

*Статья поступила 23 мая 2019 г.; принята 13 июня 2019 г.; опубликована 30 июня 2019 г.*

**Аннотация.** Проблема функционирования фразеологизмов – есть одна из самых спорных проблем в современной фразеологии. В данной статье излагаются результаты изучения основных прагматических функций фразеологизмов в современном английском языке. Актуальность исследования состоит в насущной потребности дифференцирования регулярных прагматических функций в английской фразеологии. Целью работы является анализ функций ФЕ на основе Британского национального корпуса (BNC) и оценка их количественных соотношений. Теоретическая база исследования – фразеологическая концепция А.В. Кунина. Исследование выполнено на языковом материале, извлеченном из современных лексикографических источников. Основным методом выборки фразеологизмов из языкового континуума и их семантического анализа является метод фразеологической идентификации, который была предложен основателем английской фразеологии как отрасли лингвистики и как самостоятельной научной дисциплины профессором А.В. Куниным. В качестве дополнительных методов исследования используется ряд непарадигмальных методов и технологий лингвистики, включая описательный метод с его процедурами, методы фразеологического, дефиниционного и контекстного анализа. Важность исследования состоит в его очевидном результате: в работе доказывается, что все функции фразеологических единиц, которые рассматриваются в статье – стилистические, кумулятивные, директивные, оценочные, результативные, текстообразующие – являются базовыми, или нормативными, но не окказиональными функциями. Исследование приводит к заключению, что фразеологизмы наиболее активно используются в оценочном и в стилистических функциях, которые часто действуют одновременно. Что касается кумулятивной и директивной функций, то их квантитативная доля в дискурсе относительно невелика.

**Ключевые слова:** английский язык; фразеология; фразеологические единицы; прагматические функции.

**Для цитирования:** Федуленкова Т.Н. Прагматические функции современной английской фразеологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, N2. С. 74-83. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-8

Tatiana N. Fedulenkova | Pragmatic functions of Modern English Phraseology

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs,  
87 Gorky St., Vladimir, 600026, Russian Federation  
*e-mail: fedulenkova@list.ru*  
*ORCID: 0000-0002-5039-5827*

*Received 23 May 2019; accepted 13 June 2019; published 30 June 2019*

**Abstract.** One of the most debatable problems in modern phraseology is the **problem of functioning** of phraseological units (PU). The results of studying the basic pragmatic functions of phraseological units in modern English are provided in this paper. The **pertinence** of the study stems from the imminent need to differentiate regular pragmatic functions in the English phraseology. The aim of the paper is to analyze the PU functions on the basis of the British National Corpus (BNC) and estimate their quantitative co-relation. The **theoretical background** of the research is based on the phraseological concept introduced by A. V. Kunin. The research is carried out on the language material extracted from modern lexicographic sources. The main **method of extraction** of phraseological units out of a language continuum and their semantic analysis is the method of phraseological identification that was introduced by professor A.V. Kunin, the founder of the English phraseology as a branch of linguistic science and as a self-contained linguistic discipline. A set of non-paradigmatic methods and techniques of linguistics is employed as additional **methods of the research**, including a descriptive method with its procedures, and methods of the phraseological, definitional and contextual analysis. The importance of the research consists in its evident result, id est: it has been shown that all the functions of phraseological units considered in the article – stylistic, cumulative, directive, evaluative, summarizing, text-building functions – are basic, or normative, functions, but not occasional ones. The research leads to the conclusion that phraseological units are most actively utilized in the evaluative and in stylistic functions, and both of these functions are often combined in discourse. As to the cumulative and directive functions, their quantitative share in discourse is relatively small.

**Keywords:** English; phraseology; phraseological units; pragmatic functions.

**How to cite:** Fedulenkova T. N. (2019). Pragmatic Functions of Modern English Phraseology. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (2), 74-83, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-8

### Introduction

The point is that the problem of functioning of phraseological units is considered to be one of the most discussed problems in modern phraseology. The problem is of great importance for any language, and it is especially urgent for English as phraseological units present one of the intensive means of the development of the nominative system in that language, as having turned into an analytical one.

The research is carried out on the language material extracted from modern lexicographic sources and from the British National Corpus. The main method of extraction of phraseological units out of the language continuum and their semantic analysis is the method of phraseological identification that was introduced by professor A.V. Kunin (1970: 38), an outstanding Soviet linguist, founder of the English phraseology as a branch of linguistic and as a self-contained linguistic

discipline. A set of non-paradigmatic methods and techniques of linguistics is employed as additional methods of the research, including a descriptive method with its procedures, methods of the definitional, phraseological and contextual analysis (Komarova, 2018: 564).

In modern linguistic studies, the pragmatic function of any language sign (idioms and phraseologisms inclusive) is considered to be the basic one. It generally implies an intended sway, bringing about a change in another's actions or thoughts. Practically, any text is characterized by its inborn pragmatic function, which, in its turn, has an irresistible impact on the phraseology employed by the author. On the other hand, phraseological units themselves are characterized by their powerful inborn influential value which cannot but intensify the pragmatic force of the text and of the context as part of the text. Bearing that in mind, one may formulate a hypothesis: the varieties of the PU pragmatic function, belonging to regular functions (Kunin, 1996: 115), may be classified into stylistic, cumulative, directive, evaluative, summarizing, text-building functions and their sub-types.

### The Stylistic Function

After A.V. Kunin, we maintain that “the stylistic function is a special – in comparison with the neutral way of expression – purposefulness of language means aiming to achieve a stylistic effect alongside with preservation of the general intellectual content of the statement” (Kunin, 1996: 115). The stylistic function appeals to and awakens the connotative potential of idioms and other phraseological units in speech. And in the language, as one might agree with A.V. Kunin, there only exists stylistic colouring. As a rule, the hint of that colouring is made by means of stylistic notes and supplementary remarks in dictionaries. Besides, there is one more means that helps to reveal a PU stylistic colouring, and that is a comparison of the idiom or any other set expression with its variable prototype.

Dwelling upon the stylistic PU functions, one cannot help appealing to Sergey G. Gavrin, who, developing, based on the

Russian language, the phraseological theory in its functional-semantic aspect, finds out a set of functions of phraseological units (Gavrin, 1974: 99). The functional analysis shows that those functions are also peculiar to English phraseological units, namely:

a) “the expressive-imagery function” (Gavrin, 1974: 99): *small dragons; Pandora's box; go to Gretna Green*; as in:

*The Church of England has been getting more and more liberal on the matter. Because of the embarrassment of Princess Anne having to go to Gretna Green to get married, it now seems ready to compromise even on that. 'The morality of the one has determined the morality of the other and the disestablishment of the Church could save the monarchy because it would avoid embarrassment.'* Anglican Bishop Hugh Montefiore is less keen to accept that his church is losing influence. On Prince Charles's position he says: 'He has said he won't get divorced. Anyway we have already had two divorced kings on the throne...' (BNC: Today. London: News Group Newspapers Ltd, 1992: 129-151).

b) “the emotional-expressive function” (Ibid.): *Dog my cats!; Tell it to the marines!; By the Lord Harry!* As in:

*I really do. Take for instance a young couple just married. For a short while it's all sunshine and roses. Then the children start to arrive and the husband has to stay at home at nights with the wife and help look after them. Gradually, all kinds of little problems begin to crop up. Responsibility after responsibility is laid on the husband's shoulders. Then the burden becomes too much for him and he becomes restless. He begins to long for the happy carefree days when he was single. And that, 'by the Lord Harry...' he slammed a fist into the open palm of his left hand, 'is how all the trouble starts!' Then he spread his arms wide.' 'Now a mature man would not do any of these things,' he said. (BNC: The killing frost. Hayden, Thomas. London: Random Century Group, 1991: 155-256.)*

c) “the function of speech concision” (Ibid.): – through omitting some components:

when at Rome! instead *When at Rome, do as the romans do*; or *the last straw* instead *It is the last straw that breaks the camel's back*, as in:

*'The last 25 years had been bloody,' Gauntlett winces. Bankers were even tapping David Brown on the shoulder. By the 80s, receivership was a real possibility, and new rulings on safety and emission levels were **the last straw**. The will and even the whim were running out. When Ford offered us a safe harbour, it took me all of 15 seconds to say yes. But a wind of change had already begun to blow at Newport Pagnell. For the two years before Ford's buy-up, Aston Martin Lagonda had actually shown a profit (albeit modest), the first time in its history that it had managed to do so two years running. (BNC: Management Today. London: Haymarket Pub. Group, 1991: 33-147).*

Such variety of the stylistic function as that 'of speech laconicization', as A.V. Kunin puts it (in his 'Course of Phraseology of Modern English' written in Russian), is especially evident in communicative phraseological units, or proverbial phraseology (Fedulenkova, 2003: 11). Let us, for instance, consider the following proverbs:

a) *Hypocrisy is a homage that vice pays to virtue* which means 'even the worst sinners value the good opinions of their fellow men; to gain those good opinions they try to hide their real natures by acting as though they are persons of good repute – and that is hypocrisy' (Ridout, Witting, 2000).

b) *Live and let live* which means 'other people have as much right to live as we have, and all of us have failings, so to remain on friendly terms with our neighbours we should overlook their shortcomings in the hope that they will overlook ours' (Ibid.)

c) *Too much curiosity lost Paradise* which means 'it does not do to be curious or inquisitive; the proverb is a quotation from *The Lucky Chance*, a play by Aphra Behn. The reference is, of course, to the story of Adam and Eve, who were expelled from the garden of Eden because they had tasted the forbidden fruit (Ibid.).

By simply comparing the given proverbs with their definitions one might see that their length is much shorter than their explanations. So, we maintain after A.V. Kunin that "the semantic compression, characteristic of phraseological units, is one of the instances of language economy" which is particularly evident in the use of usually or occasionally clipped proverbial phraseologisms, as with (a) *a new broom* > *A new broom sweeps clean*; (b) *pay the piper* > *He who pays the piper calls the tune*; *desperate remedies* > *Desperate diseases must have desperate remedies*, e.g.:

(a) *In the general election campaign Carter continued to harp on the need to clear up the 'mess' in Washington, constantly re-echoing the theme of his acceptance speech: 'We want to have faith again! We want to be proud again! We just want the truth again.... We can have an American government that's turned away from scandal and corruption and official cynicism and is once again as decent and competent as our people.'* Given the widespread feelings of disillusionment abroad in 1976, Carter's strategy of offering himself as **a new broom** was electorally well judged, but if he impressed the voters, his relentless and sanctimonious moralizing irritated and alienated legislators whose support he would eventually need. (BNC: Ronald Reagan and the American presidency. Mervin, David. Harlow: Longman Group UK Ltd, 1990 : 12-124.).

(b) <...> *one day as he was driving the birds down towards the guns. He was the official gamekeeper and knew the job inside out but for some reason what he was doing didn't suit Sir Emmanuel and the air turned blue. <...> and Uncle and Sam got into trouble. They had been so busy collecting the birds and tying them up. Completely innocent they were, too, but it made no difference. Still, Sir Emmanuel had the money. He was **paying the piper**.* (BNC: *Daughter of the Dales*. Hauxwell, Hannah and Cockcroft, Barry. London: Century Hutchinson, 1991: 173-318.).

(c) *But although a great deal of solid matter had soon accumulated on one or other side of the ramparts and sometimes on both, it*

*had little or no effect. It was like trying to shore up a wall of quicksand. The Collector resorted to even more **desperate remedies**. He had the banisters ripped off the staircase, for example, but that did no good either. So in the end he took to pointing at the last and most precious of 'the possessions'... tiger-skins, bookcases full of elevating and instructional volumes, embroidered samplers, teasetts of bone china, humidors and candlesticks <...>. (BNC: The siege of Krishnapur. Farrell, J G. London: Fontana Paperbacks, 1988: 205-313.).*

One more variety of the stylistic function, i.e. the function of hyperbolization and intensity is to be mentioned, such as, *wear one's heart upon one's sleeve for daws to peck at, out-herod Herod, split the hairs*, etc., e.g.:

*'That may be pure coincidence, of course, and I may be a sceptic.' He glared at her over his beer, daring her to agree with his last assertion. Meredith was not to be led away from the point at issue. 'The causes may have a high profile because Deanes campaigns for them! Good for him, he's doing his job.' He was gazing at her with an infuriating world-weariness suggesting he'd heard her argument a hundred times before. 'This is turning into one of those mediaeval disputes which **split the hairs** endlessly,' he said. 'Are you playing devil's advocate, by any chance?' 'No, I'm not!' exclaimed a heated Meredith, bouncing about in her chair. (BNC: A season for murder. Granger, Ann. London: Headline Book Pub. plc, 1991: 21-134.).*

It has been found out that the phraseological units with a proper-name component in their structure are extremely powerful in the function of hyperbolization:

a) biblical names: *play Judas, a piece of Jesuitry, the mark of Cain*, etc.,

b) classical and mythical names: *play Cupid, like a Sphinx, the Midas touch*, etc.

c) names from literature: *be a Shylock, a Jekyll and Hyde, waiting for Godot*, etc., e.g.:

(a) *Any other time, they'd believe anything they heard as long as it was bad. Nelson's experience was of an organisation*

*that had its regular human share of good soldiers, time-servers, wasters, whiners, climbers, saints, piss-heads and heroes; and when the pressure was on, probably more of the latter than it was fair to expect. Things happened, one heard stories, but overall you got on with the job. But then along came someone like Lucas, and put **the mark of Cain** on everybody. Handling him was going to be a delicate business, and Nelson was more than relieved that the job wouldn't fall to him. (BNC: Rain. Gallagher, Stephen. Sevenoaks: New English Library, 1990 : 135-293.).*

(b) *Richard Dreyfuss once looked like an actor who could do no wrong. He appeared to have the **Midas touch**. By the age of twenty-nine he had appeared in two of the most successful films of all time and had won an Oscar for *The Goodbye Girl*. He could have been forgiven for thinking that he was God's gift to acting. But nobody could overlook the fact that the box-office receipts for *Jaws* and *Close Encounters of the Third Kind* had little to do with any actor's presence. But Hollywood is fickle and the success of *Jaws* made Dreyfuss a huge star. (BNC: Hollywood rogues. Munn, Michael. London: Robson Books Ltd, 1991: 47-173.)*

(c) *...workers receive the instruments of their liberation (comfort, gadgets) which, however, are purely fictitious liberation since power controls the ways in which all material equipment can be used. All were 'poisoned by the spectacle', the problem was to break it. Our guiding element could be the Durutti's Brigade moving from village to village, liquidating the bourgeois elements and leaving the workers to see to their own organization. 'It was an appealing image, and an appealing movement for radicals hunting their red shark, and tired of **waiting for Godot**. It promised involvement, rationalized non-organization, it dramatized outcast status, and offered the possibility of action, and, as the next decade opened, provided it for a few.'* (BNC: Underground: the London alternative press. Fountain, Nigel. London: Routledge & Kegan Paul plc, 1988: 1-94.).

### The Cumulative Function

The cumulative function presents one of the main instances and mechanisms in the economy of language means. And that function appears to be one of the leading functions that are inherent in such communicative phraseological units as proverbs, because they generalize the life and cultural memory of people: *Art is long, life is short; Life is not all beer and skittles; Evil communications corrupt good manners; Distance lends enchantment to the view; A stitch in time saves nine*, etc., e.g.:

(a) *My aunt said I'd be wanting to go to the coal merchant's next, and my uncle said: 'Evil communications corrupt good manners'*. (W.S. Maugham, *Cakes and Ale*)

(b) *Tis distance lends enchantment to the view, And robes the mountain in its azure hue* (Th. Campbell, *The Pleasures of Hope*).

(c) *Even with fees added on, the final bill would still be 500,000 less than anticipated. Plans to install new mortar in inside walls and to alter air conditioning equipment had to be abandoned but the move would save taxpayers' money. But Conservative Coun. Peter Jones said the bill would have only been a fraction of that if the controlling Labour group had taken action when defects in the building were detailed in reports in 1985 and 1986. 'A stitch in time saves nine,' he said.* (BNC: [Northern Echo]. World affairs material, 1998: 5-43.).

### The Directive Function

One more function is closely connected with the cumulative function: "directly managing, directing, influencing, and, in a certain way, bringing up, forming a person. We named it directive" (Vereshchagin, Kostomarov, 1990: 98). The following proverbs can serve as an illustration of the directive function: *Kill not the goose that lays the golden eggs; Don't take your harp to the party; You must lose a fly to catch a trout; Don't make a rod for your own back; Let the cobbler stick to his last; Let bygones be bygones; Strike while the iron is hot; Never say die; Get off your high horse*; cf.:

(a) *'Peggy? Adam here. Level Five. I need to see Franklin D. When can he fit me in?' 'That could be difficult. He has a tight schedule...' 'Damn! Adam had a date with a promising Finnish brunette for that evening. He was confident he'd brought her to the stage where he could lay her. Strike while the iron is hot.' He asked me to check data on a recent employee. I've checked. He wants me to take action. There are queries before I can do that.' 'Which employee?' Peggy's American voice was a whiplash.* (BNC: Whirlpool. Forbes, Colin. London: Pan Books Ltd, 1991: 1-120.).

(b) *<...> Nuffin' wrong with poofsters. Monica's got one at home and he's brilliant.' I smiled weakly at the line of eyes fixed on me and Jan. Miracle of miracles, a bus hove in sight. 'Give us a kiss then, Monica. And you and Basil come up my place one day.' Jan Indian-striped my cheek with lipstick and hopped on to the platform, turning to shout: 'They'll think I'm one too, Monica! Never say die, eh?' I took the long cut home.* (BNC: I believe in angels. Cooper, Fiona. London: Serpent's Tail, 1993: 1-128.).

(c) *...that this may have been one small way in which I had a slight advantage over Gittel. But that was long after the moment when my pathetic attempt to enlist the so-called forces of darkness on my behalf had backfired. 'I'm getting vexed.' 'You watch your mouth out there, Apostate!' 'Why don't you just climb back into your tree?' 'Rainbow speaks up.' 'Could you both stop squabbling?' 'That... ghoulish out there has no right to impugn my professional abilities. Get off your high horse, Kokos'.* (BNC: The dyke & the dybbuk. Galford, Ellen. London: Virago Press Ltd, 1993: 98-245.).

### The Evaluative Function

The pragmatic character of phraseology is also seen in the evaluative function of phraseological units which may be positive or negative, intellectual or connotative.

Phraseological units having a positive evaluative function are as follows: *on top of the world* – elated by one's own success (Cowie, 2000: 183), *be as gentle as a dove* –

to behave in a peace-loving, tender manner (Gulland, 1994: 67), *keep oneself unspotted from the world* – keep oneself morally and spiritually uncorrupted by worldly practices and pleasures (Cowie, 2000: 332), *beat one's sword into a ploughshare* – to turn from war to peaceful pursuits (Gulland, 1994: 208), *bear/carry the palm* – to signal one's triumph (Gulland, 1994: 50), *go with a swing* – be very successful (Longman, 1997: 326), *be born with a silver spoon in the mouth* – to have wealthy parents (Longman, 1997: 310), etc. Cf.:

(a) *However, his new design was arranged so that it could be retained. He then said: as to cheerfulness of character, I really think that any unprejudiced person would come to the conclusion that, if compared with the Post-office, the Museum, the Palace, or even the Board of Trade or Whitehall Chapel, my design would **carry the palm** in this respect. He asked MPs for fair consideration as he said: I propose to erect a building which friends and foes have agreed in praising. It will contain one of the finest and openest quadrangles in this country; its details will be more than ordinarily lively and cheerful; <...> .* (BNC: The Foreign Office: an architectural history. Toplis, Ian. London/New York: Mansell Pub. Ltd, 1987: 13-109.).

(b) *If you are planning to give your child a good old-fashioned birthday party, but are pushed for time, you might find the <...> Club's Party Book and Fun Book are invaluable. They include almost everything you need to make a party **go with a swing**, such as invitations, prizes, goodie bags and gifts.* (BNC: Parents. London: EMAP Consumer Pub. Ltd, 1991: 111-137).

(c) *However, as Jackie said, it isn't too difficult to take adequate care and avoid these problems. Diabetes mellitus does not mean the end of the world. With a little commitment from you, as well as the expert help of your vet and cooperation from your dog, the risks are greatly reduced. Jackie concluded: 'Jasper certainly **wasn't born with a silver spoon in his mouth**, but there are quite a few*

*occasions when he needs one now – of the sugar variety, of course!' ... In the frame ... Old master or not? Everyone dreams of finding a masterpiece in the attic. That picture hanging over your fireplace might just be worth more than your whole house.* (BNC: Dogs Today. Windsor: Burlington Pub. Ltd, 1992: 9-123).

Phraseological units having a negative evaluative function are as follows: *a skeleton in the cupboard* – a source of embarrassment and shame to a family, which is kept secret from strangers (Gulland, 1994: 109), *verbal diarrhoea* – coll. compulsive talkativeness (Gulland, 1994: 127), *a blot on smb's escutcheon* – smb. who, or smth. which, brings dishonour or discredit upon a family or other group (Cowie, 2000: 71), *a wolf in sheep's clothing* – a person who appears to be friendly, or harmless, but is really an enemy or evil-doer (Cowie, 2000: 596), *dig a pit for smb.* – contrive to trap, or trick, smb. or (through miscarriage or mismanagement of one's plans) oneself (Cowie, 2000: 141), *have a finger in every pie* – take a meddling interest in many affairs (Gulland, 1994: 161), *bark up the wrong tree* – to accuse or blame the wrong person (Gulland, 1994: 50), *lick smb's boots* – behave in a servile, toadying way to smb. one hopes to please or conciliate, esp smb. ranking as one's superior or smb. whom one fears (Cowie, 2000: 350), *sow the dragon's teeth* – do smth. ... that causes future trouble, dissension, warfare etc (Cowie, 2000: 512), *the prodigal son* – someone who returns home after a long absence, and is received with great joy by his family despite his past behaviour (Gulland, 1994: 132), etc. Cf.:

(a) *If you just spoke roughly to that chap, he **was licking your boots** the next moment.* (J. Braine, Room at the Top).

(b) *But the danger is that Mrs Thatcher will try, that she will **sow dragon's teeth** among the resentful middle class, that she will, in short, sharpen appetites that she cannot satisfy.* (New Statesman).

(c) *He was his own worst enemy. Like **the prodigal son**, he wasted his substance in*

*riotous living.* (BNC: Black sheep of the family: seminar (Edu/inf). Rec. on 2 Feb 1994.).

For further details on evaluative function of phraseological units, see also S. Bashiyeva (1995), T. Fedulenkova (2014, 37-43) et al.

### The Summarizing Function

The summarizing function of an idiom and any other phraseological unit may be interpreted as the ability of that language sign to fulfil the role of a brisk resultative description, a kind of an outline or a digest of the statement going before, e.g.: *That's that* with the meaning of "it is permanently settled and need not to be dealt with again" (Spears, 1991: 327); *That's the ticket* with the meaning of "that is exactly what is needed" (Ibid.); *That ain't hay* with the meaning of "that is not a small amount of money" (Ibid.); *The fat is in the fire* meaning "serious trouble has broken out" (Ibid.); *The coast is clear* meaning "there is no visible danger" (Ibid.); for instance:

<...> *try and persuade him. Good luck with the new arrival. See you all.' The two men left. Sarah looked at her sons' faces and smiled. 'It's a girl!' All the boys grinned at her. 'A daughter for me old age.' She hugged the child to her. 'I'm going to call her Maura. Maura Ryan. I like that. 'Shall I go and get Mickey, Mum? I saved him some chips.' 'Yeah, Geoff. Tell him **the coast is clear.**' The doctor stopped packing away his instruments and looked at Sarah sternly. (BNC: Dangerous lady. Cole, Martina. 1992. Headline Books: 3-123.).*

Many proverbial phraseological units proved to realize their summarizing function in the context: *Keep it for a rainy day; Don't tell tales out of school; Put the saddle on the right horse; Two blacks do not make a white; You cannot make an omelet without breaking eggs; cf.:*

(a) *Jack often travels on the train without a ticket, so why shouldn't I?' 'Just because he does it, that's no reason why you should. **Two blacks don't make a white.*** (Ridout, Witting, 2009: 166).

(b) *'We shall be much more comfortable in our new house, but I'm afraid it's not going to be so cheap to run as this one.'* **'You can't make an omelet without breaking eggs.'** (Ridout, Witting, 2009: 182).

That summarizing effect is evidently felt even when the context turns the proverb into a verbal, i.e. a nominal-communicative phraseological unit: *Keep it for a rainy day > to keep it for a rainy day; Don't tell tales out of school > not to tell tales out of school, Put the saddle on the right horse > to put the saddle on the right horse; cf.:*

(c) *And obviously we would want to take money out of reserves, our original amendment took one point three million pounds out of reserves and it's interesting to see now that you're suggesting almost that figure again and yet for years you've been telling us you can't take this money out of the reserves, <...> you know we had to **keep it for a rainy day.*** (BNC: St. Lukes School Council meeting (Pub/instit). 5 partics).

(d) *Fowler-Troon had the grace to look embarrassed. 'I must admit I have an ulterior motive. Not that one was necessary, of course. Always a pleasure to entertain a charming young lady.' He fiddled with the handle of his cup. 'Oh dear. I don't quite know how to put this.' Celia took pity on him. 'Is it something to do with Ivor Newley?' 'You guessed?' Fowler-Troon dabbed his mouth with his napkin. 'It's all rather delicate. I don't want **to tell tales out of school.*** (Freelance death. Taylor, Andrew. London: Victor Gollancz Ltd, 1993: 52-175.).

(e) *An author's new book had been reviewed unfavourably in a literary weekly. He said to an acquaintance: 'I'll concede that a critic has a right to give an honest opinion but I think John Cartright went a bit too far this time.' 'How do you know it was Cartright? The article wasn't signed.' 'I'd recognize his style anywhere, confound him!' 'You are **putting the saddle on the right horse,** old man. John Cartright didn't right that review. I did.'* (Ridout, Witting, 2009: 143).

### The Text-building Function

The notion of the PU text-building function was first introduced by Irina I. Chernysheva (1974). The proposition that phraseological units can serve a binding means of not only contexts, but also of context fragments seems relevant. Having a diverse embodiment, this function may be made explicit in a number of contexts, such as for e.g.:

*'I suppose', she mused, 'it is as bad to have your bee in your shirt as in your bonnet'. He looked at her with round eyes. 'Don't you know what it is to have a bee in your bonnet?' she said. 'No.' 'To have a bee buzzing among your hair! To be out of your wits', she smiled at him. 'So!' he said. 'Ah, the Psaneks have had a ladybird in their bonnets for many hundred years.' 'Quite, quite mad,' she said. (D.H. Lawrence, The Ladybird).*

That pun is intriguingly sustained some dozen pages later, closer to the end of the story in the passage revealing the cause "of

the silly obsession with the family crest" (Naciscione, 2010: 100).

The higher the phraseological meaning is abstracted from the grammatical meaning of the phraseological unit, the stronger the PU-function independence of grammar is.

### Conclusions

The result of the semantic and contextual analysis testifies to the fact that the varieties of the PU pragmatic function may be classified into stylistic, cumulative, directive, evaluative, summarizing and text-building functions and their sub-types.

By means of the quantitative analysis of the data of the British National Corpus (BNC) it is proved that all the functions of phraseological units considered in the article are basic, or normative functions, but not occasional ones. Below is the table of a ratio of the PU functions made on the basis of selection of 3129 phraseological units out of the authentic texts provided by the BNC and having the volume of 1000 pages (537 thousand words):

Table

The table of a ratio of the PU functions

№	PU functions	Number of PU instances
1	Stylistic function	1856 phraseological units
2	Cumulative function	34 phraseological units
3	Directive function	63 phraseological units
4	Evaluative function	2748 phraseological units
5	Summarizing function	215 phraseological units
6	Text-building	79 phraseological units

The undertaken research allows to formulate the following conclusions: phraseological units are most actively utilized in the evaluative (2748) and in the stylistic (1856) functions, and both of the functions are often combined. As to the cumulative and directive functions, they appear to be utilized in comparatively lesser cases in discourse.

### References

- Kunin, A. V. (1970). *Anglijskaya frazeologiya. Teoreticheskiy kurs* [English phraseology. Theoretical course]. Moscow, Russia: Vysshaya Shkola (in Russian).
- Komarova, Z. I. (2018). *Metodologiya,*

*metod, metodika i tehnologiya nauchnyh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics]. Moscow, Russia: FLINTA, Nauka (in Russian).

Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A Course of Phraseology of Modern English]. Feniks, Dubna, Russia: Vysshaya Shkola (in Russian).

Gavrin, S. G. (1974). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of Modern Russian]. Perm, Russia: Perm. gos. ped. in-t. Retrieved from <https://search.rsl.ru/ru/record/01007240494> (in Russian).

Fedulenkova, T. (2003) A new approach to the clipping of communicative phraseological units in P. Frath and M. Rissanen (eds.), *Ranam: European Society for the Study of English: ESSE6–Strasbourg 2002*, 36, 11-22.

Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1990). *Yazyk i kultura: Lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture: Country study in teaching Russian as a foreign language], Moscow, Russia: (in Russian).

Bashiyeva, S. K. (1995). *Stilisticheskii komponent frazeologicheskogo znacheniya* [Stylistic component of phraseological meaning]. Krasnodar, Russia. (in Russian).

Fedulenkova, T. (2014). Basic Components of the Connotative Aspect in Phraseological Units: (As Seen by A.V. Kunin and his Disciples). *Phraseology in Multilingual Society*, 34-47.

Chernysheva, I. I. (1974). Tekstoobrazuyuschie potentsii frazeologicheskikh edinits. *Lingvistika teksta*. Retrieved from <http://tapemark.narod.ru/les/267e.html> (in Russian).

Kunin, A. V. (1971). Frazeologicheskiye edinitsy i kontekst. *Inostrannye yazyki v shkole*, : 2-14 (in Russian).

Naciscione, A. (2010). *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam, the Netherlands; Philadelphia, USA: John Benjamins Publishing Company.

### Dictionaries

Cowie, A. P., Mackin, R. and McCaig, I. R. (2000). *Oxford Dictionary of English Idioms*. Oxford, New York, UK, USA: OUP.

Gulland, D. M. and Hinds-Howell, D. G. (1994). *The Penguin Dictionary of English Idioms*. Penguin Books Ltd, London, UK.

*Longman Dictionary of English idioms* (1996). Harlow and London, UK: Longman Group UK Ltd.

Ridout, R., Witting, C. (2009). *English Proverbs Explained*, Pan Books, London, UK, and Sydney, Australia. Retrieved from: [https://www.multitran.com/BookDict/English%20proverbs%20explained%20\(Pan%20Books\).htm](https://www.multitran.com/BookDict/English%20proverbs%20explained%20(Pan%20Books).htm).

Spears, R.A. (1991). *American Idioms Dictionary*. Lincolnwood, Illinois, USA: National textbook Company.

**Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.**

**Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.**

**Tatiana N. Fedulenkova**, Doctor of Philology, Professor, Correspondent Member of RANH.

**Федуленкова Татьяна Николаевна**, профессор, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН.

**РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ  
SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS**

УДК 8.81.119

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-9

Зырянова И. П.

**Сравнительно-сопоставительное исследование способов перевода прецедентных феноменов на русский язык в романе Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс»**

Российский государственный профессионально-педагогический университет,  
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал),  
ул. Красногвардейская, 57, г. Нижний Тагил, 622000, Российская Федерация  
*e-mail: zyryanovairena@gmail.com*  
*ORCID: 0000-0002-6676-0390*

*Статья поступила 24 апреля 2019 г.; принята 18 мая 2019 г.; опубликована 30 июня 2019 г.*

**Аннотация**

Настоящая статья посвящена сравнительному и сопоставительному исследованию способов перевода прецедентных феноменов, зафиксированных в романе Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс», на русский язык. Обращение к данному вопросу продиктовано интересом современной лингвистики к исследованию интертекстуальных включений в художественный дискурс и особенностям их перевода. В основу исследования легли два перевода указанного романа, что позволяет более детально изучить варианты перевода интертекстуальных включений, к которым апеллируют переводчики. Автор предлагает методику, согласно которой выделяются способы перевода прецедентных феноменов, осуществляется их классификация на основании их частотности, объясняются выявленные особенности. Как результат, определяются способы перевода прецедентных феноменов, к которым обращаются переводчики для сохранения вертикального контекста произведения. Полученные результаты позволяют выявить и объяснить специфику перевода прецедентных феноменов в исследуемом художественном произведении. Обосновывается мысль о том, что корректный перевод прецедентных единиц позволяет воссоздать не только культурно-языковую компетенцию адресата романа, но и сохранить актуализированные значения прецедентных феноменов при переводе на иностранный язык.

**Ключевые слова:** прецедентный феномен; художественный дискурс; перевод.

**Для цитирования:** Зырянова И.П. Сравнительно-сопоставительное исследование способов перевода прецедентных феноменов на русский язык в романе Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, N2. С. 84-94. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-9

Irina P. Zyryanova

**Comparative research of precedent phenomena and ways of their translation into Russian in the novel “Bridgit Jones’s diary” by Helen Fielding**

Russian State Professional Pedagogical University,  
Nizhniy Tagil State Social Pedagogical Institute (branch),  
57 Krasnogvardeyskaya St., Nizhniy Tagil, 622000, Russia  
e-mail: [zyryanovairena@gmail.com](mailto:zyryanovairena@gmail.com)  
ORCID: 0000-0002-6676-0390

*Received 24 April 2019; accepted 18 May 2019; published 30 June 2019*

**Abstract.** The article deals with comparative research of precedent phenomena and ways of their translation into Russian in the novel “Bridget Jones’s Diary” by Helen Fielding. The author’s reference to this issue is based on the interest of modern linguistics to the question of intertextuality and peculiarities of its translation in literature discourse. The author studies and compares two translations of the novel. This approach helps to give a detailed analysis of different means of translation to which the translators refer to and explain their frequency. The article shows that the correct translation of precedent phenomena is important not only in recreating cultural and language knowledge of potential readers of the novel, but also in saving their connotations in the translated versions of the novel.

**Key words:** precedent phenomenon; literature discourse; translation

**How to cite:** Zyryanova I. P. (2019). Comparative research of precedent phenomena and ways of their translation into Russian in the novel “Bridgit Jones’s diary” by Helen Fielding. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (2), 84-94, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-9

**Введение.** Настоящая статья посвящена проблеме и особенностям перевода прецедентных феноменов в художественном дискурсе. Вслед за А.С. Гафаровой мы понимаем под художественным дискурсом «социокультурное взаимодействие между писателем и читателем, вовлекающее в свою сферу культурные, эстетические, социальные ценности, энциклопедические знания, знания о мире и отношение к действительности, систему убеждений, представлений, верований, чувств и представляющее собой попытку изменить духовное пространство человека и вызвать у него определенную эмоциональную реакцию» (Гафарова, 2011). Художественное произведение создается, опираясь на ассоциативное и образное мышление, и сам текст подается сквозь

призму восприятия авторской действительности. В этой связи, как утверждает Н.С. Валгина, «в художественном тексте за изображенными картинками жизни всегда присутствует подтекстный, интерпретационный функциональный план, «вторичная действительность» (Валгина, 1998). Данный факт указывает на то, перевод художественной литературы вообще и, в частности, ПФ является многогранным творческим процессом. Целью перевода, как справедливо отмечает А.Н. Назин, «является не система языка как некая абстракция, а конкретное речевое произведение – текст подлинника, на основе которого создается другое речевое произведение на другом языке – текст перевода. Достижение переводческой эквивалентности, «адекватности перевода», вопреки расхождениям в формальных

и семантических системах двух языков, требует от переводчика, прежде всего, умения произвести многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования – так называемые переводческие трансформации – с тем, чтобы текст перевода с максимальной возможной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм языка перевода» (Назин 2007: 69).

**Теоретический обзор.** В основу настоящего исследования легли переводческие трансформации, предложенные В.Н. Комиссаровым, а именно:

1. «Лексические, куда вошли формальные (транслитерация, калькирование) трансформации и лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция);

2. Грамматические, в частности дословный перевод, членение предложений, объединение предложений, грамматические замены (грамматической категории, части речи, члена предложения, предложения определенного типа);

3. Лексико-грамматические, к которым относятся антонимический перевод, описательный перевод, компенсация» (Комиссаров, 1990: 159).

Предполагается, что ПФ в тексте художественного произведения является неким кодом, который узнаваем представителями определенного лингвокультурного общества. Его использование помогает обогатить, усложнить замысел писателя, создать вертикальный контекст. Необходимо отметить, что несмотря на то, что за ПФ всегда стоит какое-то представление о нем, обязательно общее для представителей одного лингвокультурного сообщества, эта ассоциативная связь может легко нарушиться в условиях обращения к нему в ином лингвокультурном обществе. В этой связи, сохранение образа ПФ является довольно сложной задачей для переводчика. Перед ним стоит задача не только передать национальную специфику оригинала,

которая выражается посредством ПФ, но и подобрать ПФ из когнитивной базы лингвокультурного сообщества переводящего языка, понятный иностранному читателю. Как следствие, переводчик должен обладать не только совершенным знанием двух языков, но и иметь определенные сведения о культуре стран носителей обоих языков. Переводчик, прежде всего, должен сам хорошо понимать, что стоит за этим ПФ, какой дополнительный смысл заложил автор оригинала в то или иное имя или ситуацию, а затем подобрать тот или иной способ для точной передачи смысла иностранному читателю, сохраняя изначальный замысел писателя. Только обладая определенными знаниями культуры стран языка оригинала и языка перевода, переводчик может максимально полно и адекватно выполнить поставленную перед ним задачу.

Материалом исследования послужил роман Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс». Несмотря на то, что роман впервые был издан в 1996 году, он до сих пор остается весьма актуальным и востребованным примером зарубежной художественной литературы и является предметом актуальных лингвистических исследований (Ekert, 2017; Heath, 2014; Kilic, 2010). Кроме того, благодаря обилию в романе апелляций к другим литературным произведениям, их авторам и героям, к именам известных политических деятелей и исторических личностей и т.д., роман является интересной базой для исследования ПФ в художественном дискурсе.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении способов перевода ПФ в художественном произведении. Для достижения поставленной цели проанализированы 2 опубликованных перевода романа Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» А.Н. Москвичевой (Филдинг, 2000) и Г. Багдасарян (Филдинг, 2004). Определены следующие способы перевода ПФ на русский язык: «Калькирова-

ние/транслитерация», «Дословный перевод», «Идентичный ПФ», «Опущения», «Замена», «Компенсация», «Сноска». Далее следует иллюстрация каждой выявленной группы согласно частотности ее использования в указанных переводах произведения. Затем мы переходим к сопоставлению полученных результатов, анализу общих и частных особенностей перевода интертекстуальных единиц.

#### **Научные результаты и дискуссия.**

Согласно логике нашего исследования перейдем к способам перевода прецедентных единиц, зафиксированных в русскоязычной версии романа авторства А.Н. Москвичевой.

В группу «Калькирование/транслитерация» вошли ПФ, перенесенные переводчиками из текста оригинала в текст перевода путем калькирования или транслитерации, но оставленные без какого-либо пояснения. В переводе А. Н. Москвичевой является данная группа является наиболее частотной (46,16%). В нее вошли такие ПФ, как Susan Faludi, Martin Amis, Barbara Cartland, Nick Hornby и др. Проиллюстрируем это примерами:

1. «It's like being called **Heathcliff** and insisting on spending the entire evening in the garden, **shouting 'Cathy'** and banging your head against a tree» (Fielding, 1996: 12).

«Все равно что иметь фамилию **Хитклифф** и поэтому провести весь вечер в саду, **кричать «Кэти!»** и биться головой о дерево» (Филдинг, 2000).

Хитклифф – вымышленный персонаж романа Эмили Бронте «Грозовой Перевал». В связи с устойчивой известностью романа он расценивается как пример романтического героя, чьи всепоглощающие страсти разрушают как его самого, так и тех, кто его окружает.

2. «I will not: Obsess about Daniel Cleaver as pathetic to have a crush on boss in manner of **Miss Moneypenny** or similar» (Fielding, 1996: 7).

«Чего я не должна делать: Мучиться из-за Даниела Кливера, поскольку это выглядит жалко – втрескалась в босса, как

будто я **мисс Манипенни** или что-то в этом роде» (Филдинг, 2000).

Мисс Манипенни – вымышленный персонаж в романах и фильмах о Джеймсе Бонде. Хотя у нее незначительная роль, но обычно на первый план выдвигается романтическое напряжение между ней и Бондом, в разной степени у разных авторов.

Менее широко представлена группа «Дословный перевод» (16,92%), куда вошли дословно переведенные ПФ, в частности «Backlash», «Women Who Love Too Much», «Clueless», Royal Wedding и т.д. В тексте перевода отсутствует сам ПФ из текста оригинала, однако присутствует дословный перевод последнего на русский язык. Проиллюстрируем это примерами:

1) «Mum had been to church and suddenly realized in a **St Paul-on-road-to-Damascus-type blinding flash** that the vicar is gay» (Fielding, 1996: 25).

«Мама была в церкви, и было ей видение свыше (**подобно видению св. Павла по дороге в Дамаск**): она поняла, что викарий – гей» (Филдинг, 2000).

Подразумевается видение Святого апостола Павла, одного из 12 апостолов Иисуса Христа, по дороге в Дамаск, в котором ему явился сам Иисус Христос, после чего Святой Павел пришел к вере.

2) «I feel like **the grasshopper who sang all summer,**' she (the second she sensed I was losing interest in the breakdown) revealed (Fielding, 1996: 41).

«Я чувствую себя как **стрекоза, которая лето красное пропела**, – призналась она (в ту же секунду, как поняла, что я уже начинаю утрачивать интерес к её истерике)» (Филдинг, 2000).

«Попрыгунья-стрекоза лето красное пропела», строчка из басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей», повествующей о легкомысленной стрекозе, которая все лето потратила впустую, развлекаясь и не задумываясь о будущем.

Далее следует группа «Идентичный ПФ» (15,90%), куда включены прецедентные единицы, имеющие свои

эквиваленты в когнитивной базе языка, на который осуществляется перевод, и передающие тождественный образ, известный представителям обоих лингвокультурных сообществ. Данный вид перевода ПФ позволяет наиболее точно и быстро передать изначальный замысел автора оригинала, не искажая его. Однако далеко не все ПФ из одной когнитивной базы имеют свои эквиваленты в других когнитивных базах, что вызывает затруднения при переводе и заставляет переводчика искать другие пути решения возникшей проблемы. В указанную группу вошли такие ПФ, как Austen, Dickens, Shakespeare, Othello и др. Проиллюстрируем данный тезис:

1) «Oh, darling, you can't go around with that tatty green canvas thing. You look like some sort of **Mary Poppins** person who's fallen on hard times» (Fielding, 1996: 10).

«О, дорогая, ты не должна ходить с этой зеленой холщовой индийской тряпкой. Ты похожа на **Мэри Поппинс**, переживающую не лучшие времена» (Филдинг, 2000).

Мэри Поппинс – персонаж английских детских книг П. Л. Траверса об английской няне-волшебнице, которую приносит восточный ветер в дом мистера Бэнкса, чтобы воспитывать его детей.

2) «I will not: Get upset over men, but instead be poised and cool **ice-queen**» (Fielding, 1996: 7).

«Чего я не должна делать: Огорчаться из-за мужчин; вместо этого – сохранять самообладание и быть холодной **Снежной королевой**» (Филдинг, 2000).

Снежная королева – персонаж знаменитой сказки Г. Х. Андерсена «Снежная Королева», известная своей холодностью и неприступностью.

Следующая по частотности группа – «Опущения» (13,33%). В группу вошли ПФ, зафиксированные в тексте оригинала, но опущенные автором перевода, в частности «Mother Superior», «Suddenly Single», «Climb Every Mountain», Captain von Trapp и др. Проиллюстрируем это примерами:

1) «They can be very corrupt, you know, the Portuguese authorities. It's all bribery and baksheesh like **Winnie Mandela**» (Fielding, 1996: 142).

«Знаешь, эти португальские власти могут быть очень коррумпированными. **Сплошное взяточничество**» (Филдинг, 2000).

Уинни Мандела – жена Нельсона Манделы, южноафриканский политический деятель, занимавшая несколько правительственных должностей и возглавлявшая Женскую Лигу в Африканском Национальном Конгрессе.

2) «Oh God, I can't have them both arriving at the same time. It is too **Brian Rix** for words» (Fielding, 1996: 30).

«О боже, нельзя же, чтобы они оба приехали в одно и то же время. Это **слишком уж похоже на французский фарс**» (Филдинг, 2000).

Брайан Рикс – британский актер и деятель благотворительности, младший брат британской актрисы Шейлы Мерсье (Эммердейл).

Далее следует группа «Замена» (4,10%). Переводчик, встречая в тексте оригинала ПФ, подбирает в когнитивной базе языка, на который осуществляется перевод, прецедентную единицу, более точно передающую художественный замысел писателя, который передает тот же или подобный смысл, не является при этом идентичным исходному ПФ, но понятен представителям лингвокультурного сообщества ПЯ. В данную группу вошли такие ПФ, как Auschwitz, Virginia Bottomley, Prunella Scales, Bonnie Langford и др. Проиллюстрируем это примерами:

1) «Usually once he gets going he will see things through to their logical conclusion come earthquake, tidal wave or naked pictures of **Virginia Bottomley** on the television» (Fielding, 1996: 79).

«Обычно, если он начинает этим заниматься, то доводит все до логического конца, будь хоть землетрясение, хоть потоп или пусть даже по телевизору показывают фотографию обнаженной **принцессы Анны**» (Филдинг, 2000).

Вирджиния Боттомли – английский политик от Консервативной партии.

Принцесса Анна – член британской королевской семьи, единственная дочь королевы Елизаветы II, известна своей благотворительной деятельностью и строгими моральными принципами.

2) «First you completely ignore me like some Hitler Youth ice-maiden, then you turn into an irresistible sex kitten, looking at me over the computer with not so much 'come-to-bed' as just 'come' eyes, and now suddenly you're **Jeremy Paxman**» (Fielding, 1996: 43).

«Сначала ты полностью меня игнорируешь, как девушка из гитлерюгенда, потом превращаешься в неотразимую сексуальную кошечку, смотришь на меня поверх компьютера таким взглядом, который говорит не просто «пойдем в постель», а прямо-таки «иди сюда», а теперь ты у нас **Маргарет Тэтчер**» (Филдинг, 2000).

Джереми Паксман – британский журналист, писатель и телеведущий. Известен своим прямым стилем интервьюирования, особенно когда опрашивает политических деятелей.

Тэтчер – 71-й премьер-министр Великобритании (Консервативная партия Великобритании). Известна жестким характером, непреклонностью и резкой критикой светской жизни, за что и получила прозвище «железной леди».

Еще реже встречаются ПФ из группы «Компенсация» (3,59%), куда вошли ПФ, не переведенные на русский язык, но компенсированные при этом другими лексическими средствами переводящего языка (ПЯ – термин В. Н. Комиссарова), передающими смысловое значение, схожее со значением исходного ПФ. В данную группу вошли такие ПФ, как Hubble telescope, Arnold Palmer, Will Carling, Fellow of All Souls, Achilles heels и др. Проиллюстрируем это примерами:

1) «In the end they were so crazed with frustration that the second I got within four feet of him with the gherkins Una threw herself across the room **like Will Carling**

(Fielding, 1996: 14).

«Под конец они настолько ополоумели из-за крушения своих надежд, что, как только я со своими корнишонами оказалась в четырех футах от него, Юна прыгнула к нам через всю комнату, **словно чемпион-легкоатлет**» (Филдинг, 2000).

Уильям Карлинг, бывший игрок Лиги Регби и бывший капитан британской сборной, выигравший 72 кубка.

2) «It was Mark Darcy. But without the **Arnold Palmer-style diamond-patterned sweater**» (Fielding, 1996: 55).

«Это был Марк Дарси. Но на нем не было **свитера с ромбами а-ля пожилой спортивный комментатор**» (Филдинг, 2000).

Арнольд Палмер, американский спортсмен, один из наиболее известных профессиональных гольфистов.

Таковы особенности перевода прецедентных единиц, зафиксированных в работе А.Н. Москвичевой. Далее обратимся к особенностям перевода Г. Багдасарян с указанных позиций и выявим общие и отличительные черты перевода прецедентных феноменов на русский язык.

Группа «Калькирование/транслитерация» (34,62%) также является ведущей в переводе Г. Багдасарян. В данную группу вошли такие ПФ, как Kathleen Tynan, Kenneth, Ivana Trump, Harry Hill и др. Проиллюстрируем это следующими цитатами из произведения:

1) «Apparently there is a **Martin Amis character** who is so crazily addicted that he starts wanting a cigarette even when he's smoking one» (Fielding, 1996: 25).

«Кажется, это у **Мартина есть персонаж** – такой заядлый курильщик, что мечтает о новой сигарете, не успев докурить ту, которую уже держит в зубах» (Филдинг, 2004).

Мартин Эймис – британский писатель, автор многих романов, в числе которых «Деньги», «Лондонские поля» и др.

2) «Rang Jamie again and got 20 seconds of **Bruce Springsteen** and then

Jamie growling, 'Baby, I was born to run out of time on the answerphone» (Fielding, 1996: 29).

«Снова позвонила к Джейми, но на этот раз двадцать секунд была вынуждена слушать вой **Брюса Спрингстина**, а потом рычание самого Джейми: "Крошка, я родился прожигателем...времени на автоответчике"» (Филдинг, 2004).

Брюс Спрингстин – американский певец и автор песен, известен своей музыкой, поэтической лирикой и американской сентиментальностью, посвященными его родному Нью-Джерси.

Менее частотной является группа «Сноска» (20,62%). В эту группу вошли такие ПФ, как Miss Havisham, Jeanette Winterson, Jim Davidson, The New Yorker и др. Проиллюстрируем это примерами:

1) «I am almost ready and merely need to complete my makeup while practicing my opinions on **Tony Blair's leadership**» (Fielding, 1996: 101).

«Я почти готова, осталось только наложить макияж и снова прорепетировать мое мнение о **руководстве Тони Блера**» (Филдинг, 2004).

«Тони Блер – премьер-министр Великобритании» (сноска из перевода Г. Багдасарян) (Филдинг, 2004: http).

2) «You look like something out of **Chairman Mao**» (Fielding, 1996: 70).

«Ты похожа на **Председателя Мао**» (Филдинг, 2004).

«Председатель Мао – первый председатель, (лидер), китайской коммунистической партии. Неизменно ходил с ног до головы в сером» (сноска из перевода Г. Багдасарян) (Филдинг, 2004).

Чуть менее актуальной в анализируемом переводе романа является группа «Дословный перевод» (15,44%). В эту группу вошли такие ПФ, как Royal Wedding, Smug Married, Tarts and Vicars party, Mother Superior, «Star Trek» и др. Проиллюстрируем данное положение:

1) «First you completely ignore me like some Hitler Youth ice-maiden, then you turn into an irresistible sex kitten, looking at me over

the computer with not so much 'come-to-bed' as just 'come' eyes, and now suddenly **you're Jeremy Paxman**» (Fielding, 1996: 70).

«Сперва полностью игнорируешь меня, как какая-то ледяная девственница из рядов Гитлеровской молодежи, потом превращаешься в соблазнительную секс-кошечку, кидаешь на меня поверх компьютера умопомрачительные, постельные взгляды, а теперь, ни с того ни с сего, **ты у нас Джереми Паксмен**» (Филдинг, 2004).

Гитлеровская молодежь – Гитлерюгенд, юношеская военизированная нацистская организация, которую возглавлял Рейхсюгендфюрер.

2) «Suddenly the fantasies were replaced by images from **the film Barfly**, where the couple spent the whole time blind drunk, screaming and throwing bottles at each other» (Fielding, 1996: 63).

«Он бросил на меня убийственный взгляд и мои фантазии тут же сменились сценами из **фильма "Завсегда́тай Баров"**, в котором двое влюбленных все время вопят, швыряют друг в друга бутылками и самозобвенно пьянствуют» (Филдинг, 2004).

«Завсегда́тай баров» – Американский фильм-полуавтобиография поэта и писателя Чарльза Буковски, описывающий период его жизни в Лос-Анжелесе, когда он увлекался алкоголем.

Чуть меньшей частотностью обладает группа «Идентичный ПФ» (14,34%). В эту группу вошли такие ПФ, как Hamlet, Harley-Davidson, Calvin Klein, Coco Chanel и т.д. Проиллюстрируем это примерами:

1) «'Now come along, Bridget. I don't want any silliness,' she said in her **Genghis-Khan-at-height-of evil voice**» (Fielding, 1996: 70).

«'Не выдумывай, Бриджит. Брось свои глупости', – приказала она тоном **Чингиз Хана-в-зените-злой-славы**» (Филдинг, 2004).

Чингисхан является первым великим ханом Монгольской империи, который смог объединить многочисленные

монгольские племена. В качестве полководца организовал завоевательные походы в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и Восточную Европу.

2) «It was Mum but might as well have been **Goebbels** trying to rush me into invading Poland» (Fielding, 1996: 70).

«Это была мама, но с таким же успехом мог бы быть **Геббельс**» (Филдинг, 2004).

Пауль Йозеф Геббельс является государственным и политическим деятелем нацистской Германии.

Следующая по частоте употребления группа – «Опущения» (8,82%). В данную группу вошли такие ПФ, как Yves Klein, Royal Academy, Perry Como, «Winter Wonderland» и др. Обратимся к анализируемому переводу романа:

1) «In fact in the end we found we were thinking more toward a fluid sheath of **shot-silk-effect Yves Klein blue**, floating over smoke and earth shades to symbolize the melting of the polar ice caps» (Fielding, 1996: 129).

«Мы оба нашли, что сноп **мягкого голубого шелка**, в сочетании с серыми и коричневыми тонами смотрится гораздо лучше и ярче символизирует таяние ледяных шапок Северного полюса» (Филдинг, 2004).

Ив Кляйн – французский художник-новатор, одна из наиболее значительных фигур послевоенного европейского искусства.

2) «I will not: Obsess about Daniel Cleaver as pathetic **to have a crush on boss in manner of Miss Moneypenny or similar**» (Fielding, 1996: 7).

«Я постараюсь не: Вздохнуть по Даниелу Кливеру, т.к. **позор, что умудрилась втюриться в собственного шефа**» (Филдинг, 2004).

Мисс Манипенни – вымышленный персонаж в романах и фильмах о Джеймсе Бонде. Хотя у нее незначительная роль, но обычно на первый план выдвигается романтическое напряжение между ней и Бондом, в разной степени у разных авторов.

Группа «Замена» (4,62%) является еще менее актуальной. В нее вошли такие ПФ, как Virginia Bottomley, Auschwitz, Vibrant TV, Sunday People и др. Проиллюстрируем выявленную группу:

1) «Sometimes I wonder what I would be like if left to revert to nature – with a full beard and handlebar moustache on each shin, **Dennis Healey eyebrows**» (Fielding, 1996: 22).

«Иногда я гадаю, на кого стану похожа, если все предоставлю природе – у меня появится длинная борода и закрученные кончиками вверх усы; **брови станут, как у Брежнева**» (Филдинг, 2004).

«Денис Уинстон Хэйли, барон Хэйли – британский политик партии Труда, обладающий густыми и кустистыми бровями» (Филдинг, 2004).

Брежнев Л. И. – советский государственный, политический, военный и партийный деятель, также обладающий широкими и густыми бровями.

2) «It was trailer for the Anne and Nick show and there, frozen in a video-effect diamond between Anne and Nick on the sofa, was my mother, all bouffed and made-up, as if she were **Katie Bloody Boyle** or someone» (Fielding, 1996: 50).

«Показывали рекламу "Передачи с Анной и Ником". Анна и Ник сидели на диванчике, а между ними помещался ромбик – телевизионный спецэффект – и в нем была видна моя мать, разодетая и размалеванная, как **чертова Жа Жа Габор**» (Филдинг, 2004).

Кэти Боул – британская актриса итальянского происхождения, телеведущая, прославившаяся своим ярким макияжем.

Жа Жа Габо – американская актриса и светская дама венгерского происхождения, известная яркой внешностью и любовью к макияжу.

Наименьшей частотностью обладает группа «Компенсация» (1,54%). В нее вошли такие ПФ, как Hubble telescope, Fellow of All Souls, Peace Process и др. Обратимся к тексту перевода:

1) «Gav turned out to be completely divine, and behaved exquisitely at Alex's dinner party on Saturday, flirting with all the wives, fawning over me and fending all their trick questions over our 'relationship' with the intellectual dexterity of a **Fellow of All Souls**» (Fielding, 1996: 111).

«Гав оказался совершенным очаровашкой и в субботу на обеде у Алекса вел себя безупречно: флиртовал направо и налево со всеми женщинами подряд, ласкался ко мне и парировал каверзные вопросы о наших "отношениях" с **интеллектуальной ловкостью студента Оксфорда**» (Филдинг, 2004).

Fellow of All Souls – Отдельная часть Оксфордского Университета в Великобритании, ориентированная на гуманитарные, социальные и теоретические науки.

2) What about the **Peace Process**? (Fielding, 1996: 102).

Или **борьба за мир**?

Peace Process – Мирный процесс в израильско-палестинском конфликте, сформировавшийся за последние годы, несмотря на продолжающееся насилие на Ближнем Востоке.

Таковы выявленные способы перевода ПФ, зафиксированные в работе Г. Багдасарян.

Далее согласно логике нашего исследования представлены результаты сопоставительного анализа переводов А. Н. Москвичевой и Г. Багдасарян по отношению к способам перевода ПФ на русский язык в произведении Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс».

Таблица

**Способы перевода ПФ в романе Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» на русский язык**

Table

**Ways of translating precedent phenomena into Russian in the novel "Bridget Jones's Diary" by Helen Fielding**

Способ перевода	Перевод А. Н. Москвичевой, %	Перевод Г. Багдасарян, %
Калькирование/транслитерация	<b>46,16</b>	<b>34,62</b>
Дословный перевод	<b>16,92</b>	<b>15,44</b>
Идентичный ПФ	<b>15,90</b>	<b>14,34</b>
Опущения	<b>13,33</b>	<b>8,82</b>
Замена	<b>4,10</b>	<b>4,62</b>
Компенсация	<b>3,59</b>	<b>1,54</b>
Сноска	<b>0,00</b>	<b>20,62</b>
Итого:	<b>100</b>	<b>100</b>

Итак, для анализа способов перевода ПФ на русский язык нами были исследованы два варианта перевода романа Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» – это переводы А. Н. Москвичевой и Г. Багдасарян.

Основываясь на теории перевода В. Н. Комиссарова, мы выделили основные способы перевода ПФ: калькирование/транслитерация, замена и компенсация. Практический материал исследования позволил также определить дополнительные способы перевода ПФ на русский

язык: сноска, дословный перевод, идентичный ПФ и опущение.

Частотность обращений к тому или иному способу перевода ПФ не является закономерной и зависит от переводчика. Так, способ калькирования/транслитерации является главенствующим как у А. Н. Москвичевой (46,67%), так и у Г. Багдасарян (34,62%). Такая высокая частотность данного способа перевода обусловлена невозможностью перевода ПФ каким-либо другим способом. Как следствие, переводчики предпочитают

перенести ПФ из текста оригинала в текст перевода без существенных изменений и расшифровки его значения.

Способ перевода ПФ с помощью сноски встречается только в работе Г. Багдасарян (20,62%) и является его авторской чертой. В работе А. Н. Москвичевой данный способ перевода ПФ не зафиксирован.

Опущение ПФ встречается достаточно редко как у А. Н. Москвичевой (13,33%), так и у Г. Багдасарян (8,82%). Это также может объясняться отсутствием альтернативы в выборе способа перевода или же низкой значимостью ПФ для иностранного читателя.

Дословный перевод является весьма распространенным способом перевода ПФ также у обоих авторов, но у Г. Багдасарян (15,44) встречается несколько реже, чем у А.Н. Москвичевой (16,92%). Наименее актуальными у обоих переводчиков являются способы перевода ПФ с помощью замены и компенсации. Это объясняется, с одной стороны, тем, что достаточно сложно подобрать адекватную замену исходному ПФ, не исказив при этом его значение, а с другой, низкая частотность компенсации может быть обусловлена низкой образностью тех языковых средств, за счет которых компенсируется исходный ПФ.

Замена как способ перевода прецедентных единиц встречается несколько реже у А. Н. Москвичевой (4,10%), чем у Г. Багдасарян (4,62%). Компенсация более частотна в работе А. Н. Москвичевой (3,59%), по сравнению с Г. Багдасарян (1,54%). Примечательно, что данные способы позволяют выразить разницу восприятия действительности по средством актуализации значений ПФ.

Использование в переводе идентичного ПФ является достаточно распространенным способом перевода как в работе А. Н. Москвичевой (15,90%), так и в работе Г. Багдасарян (14,34%). Подборка идентичного ПФ является наиболее удобным для переводчика

способом перевода ПФ, поскольку не требует значительных затрат времени и знаний.

**Заключение.** Как показал анализ, если ни один из указанных способов по каким-либо причинам не подходит для перевода определенного ПФ, переводчик сталкивается с выбором либо сохранить ПФ без перевода или описания, либо частично или полностью выпустить его из текста перевода. В первом случае, оставив ПФ без перевода, переводчик рискует поставить читателя в затруднительное положение, поскольку ПФ из иной когнитивной базы окажется, скорее всего, непонятным иностранному читателю и потеряет ту смысловую нагрузку, которую закладывал в него автор оригинала. Как следствие, использование автором оригинала в тексте произведения ПФ оказывается напрасным. Во втором случае, когда переводчик предпочитает выпустить из перевода конкретный ПФ, существует риск того, что с ним теряется и образ, сквозь призму которого проходит замысел писателя.

#### Список литературы

- Валгина Н. С. Теория текста. М.: Высшая школа, 1998. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/part-014.htm> (дата обращения 17.02.2019)
- Гафарова А. С. Художественный текст vs художественный дискурс. Тверь, 2011. URL: <http://rgf.tversu.ru/node/486>. (дата обращения 15.02.2019)
- Комиссаров В. Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990. 251 с.
- Назин А. С. Сопоставительное исследование метафор в романе Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит, или туда и обратно» и его переводах на русский язык: дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 202 с.
- Филдинг Х. Дневник Бриджит Джонс. Перевод А. Н. Москвичевой. URL: [http://yanko.lib.ru/books/lit/bridget\\_joness\\_diary.htm](http://yanko.lib.ru/books/lit/bridget_joness_diary.htm) (дата обращения 25.02.2019).
- Филдинг Х. Дневник Бриджит Джонс. Перевод Г. Багдасарян. URL: [http://lib.ru/INPROZ/FILDING\\_H/bridgete\\_diary](http://lib.ru/INPROZ/FILDING_H/bridgete_diary).

txt. (Дата обращения 30.01.2019).

Eckert K. *Pride and Pastiche: Humor and Intertextual Parody in Bridget Jones's Diary*. URL:

[https://www.academia.edu/34025823/Pride\\_and\\_Pastiche\\_Humor\\_and\\_Intertextual\\_Parody\\_in\\_Bridget\\_Jones\\_Diary](https://www.academia.edu/34025823/Pride_and_Pastiche_Humor_and_Intertextual_Parody_in_Bridget_Jones_Diary) (дата обращения 14.02.2019)

Heath A. *Symbols of Cosmopolitan and Consumer Culture as Characteristics of Chick-Lit in Bridget Jones's Diary*. URL: [https://www.academia.edu/27718025/Symbols\\_of\\_Cosmopolitan\\_and\\_Consumer\\_Culture\\_as\\_Characteristics\\_of\\_Chick-Lit\\_in\\_Bridget\\_Jones\\_s\\_Diary](https://www.academia.edu/27718025/Symbols_of_Cosmopolitan_and_Consumer_Culture_as_Characteristics_of_Chick-Lit_in_Bridget_Jones_s_Diary) (дата обращения 5.02.2019)

Fielding H. *Bridget Jones's Diary*, MacMillan Publishers Ltd, London, UK. 1996

Kilic Y. *Comedy in Crisis: 'Bridget Jones Diary' – A Stinging Indictment of Feminist Dogma*. URL: [https://www.academia.edu/23298175/Comedy\\_in\\_Crisis\\_Bridget\\_Jones\\_Diary\\_-\\_A\\_Stinging\\_Indictment\\_of\\_Feminist\\_Dogma](https://www.academia.edu/23298175/Comedy_in_Crisis_Bridget_Jones_Diary_-_A_Stinging_Indictment_of_Feminist_Dogma) (дата обращения 10.03.2019)

### References

Valgina, N. S. (1998). *Teoria teksta* [Text theory]. Moscow, Russia: Vysshaya Shkola. Retrieved from <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/part-014.htm> (in Russian).

Gafarova, A. S. (2011). *Literaturniy tekst vs literaturniy diskurs* [Literature text vs literature discourse], Tver, Russia. Retrieved from <http://rgf.tversu.ru/node/486> (in Russian).

Komissarov, V. N. (1990). *Teoria perevoda: lingvisticheskie aspekty* [Theory of translation: linguistic aspects], Moscow, Russia: Vysshaya Shkola (in Russian).

Nazin, A. S. (2007). *Comparative research of metaphors and their translation into Russian in the novel "The Hobbit, or There and Back Again" by John Ronald Reuel Tolkien*, Ph.D. Thesis, Yekaterinburg, Russia. (in Russian).

Fielding, H. (2000). *Dnevnik Bridzhit Dzhons* [Bridget Jones's Diary], Translated by Moskvicheva, A. N., Retrieved from: [http://yanko.lib.ru/books/lit/bridget\\_joness\\_diary.htm](http://yanko.lib.ru/books/lit/bridget_joness_diary.htm) (in Russian).

Fielding, H. (2004). *Dnevnik Bridzhit Dzhons* [Bridget Jones's Diary], Translated by Bagdasaryan, G. Retrieved from: [http://lib.ru/INPROZ/FILDING\\_H/bridgite\\_diary.txt](http://lib.ru/INPROZ/FILDING_H/bridgite_diary.txt) (in Russian).

Eckert K. (2017). *Pride and Pastiche: Humor and Intertextual Parody in Bridget Jones's Diary*. [Online], Retrieved from [https://www.academia.edu/34025823/Pride\\_and\\_Pastiche\\_Humor\\_and\\_Intertextual\\_Parody\\_in\\_Bridget\\_Joness\\_Diary](https://www.academia.edu/34025823/Pride_and_Pastiche_Humor_and_Intertextual_Parody_in_Bridget_Joness_Diary).

Heath A. (2014). *Symbols of Cosmopolitan and Consumer Culture as Characteristics of Chick-Lit in Bridget Jones's Diary*. [Online]. Retrieved from [https://www.academia.edu/27718025/Symbols\\_of\\_Cosmopolitan\\_and\\_Consumer\\_Culture\\_as\\_Characteristics\\_of\\_Chick-Lit\\_in\\_Bridget\\_Jones\\_s\\_Diary](https://www.academia.edu/27718025/Symbols_of_Cosmopolitan_and_Consumer_Culture_as_Characteristics_of_Chick-Lit_in_Bridget_Jones_s_Diary).

Fielding, H. (1996). *Bridget Jones's Diary*. London, UK: MacMillan Publishers Ltd.

Kilic, Y. (2010). *Comedy in Crisis: 'Bridget Jones Diary' – A Stinging Indictment of Feminist Dogma*. Retrieved from [https://www.academia.edu/23298175/Comedy\\_in\\_Crisis\\_Bridget\\_Jones\\_Diary\\_-\\_A\\_Stinging\\_Indictment\\_of\\_Feminist\\_Dogma](https://www.academia.edu/23298175/Comedy_in_Crisis_Bridget_Jones_Diary_-_A_Stinging_Indictment_of_Feminist_Dogma).

**Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.**

**Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.**

**Зырянова Ирина Петровна**, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Methods and Theory of Teaching, Cand. Sci (Philology).

**Зырянова Ирина Петровна**, доцент кафедры иностранных языков методики и теории преподавания, кандидат филологических наук.

УДК 811:111-26

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-10

Полетаева Т. А.

**Концепт «любовь» в Библии и Коране  
(в русскоязычном и англоязычном переводах)**

Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет,  
Россия, 115184, Москва, ул. Новокузнецкая 236  
Белгородская Духовная семинария (с миссионерской направленностью)  
Россия, 308000 Белгород, Белгородский пр., д.75  
*e-mail: polet\_ta@mail.ru*  
*ORCID: 0000-0002-7311-5218*

*Статья поступила 8 мая 2019 г.; принята 21 мая 2019 г.; опубликована 30 июня 2019 г.*

**Аннотация:** В статье исследуется концепт «любовь» и его репрезентанты в текстах Библии и Корана: выясняется и сравнивается частотность концепта, а также рассматриваются его понятийно-образные характеристики в коранических текстах в сопоставлении с библейскими. Выясняется, что само по себе слово «любовь» и его производные в Коране характеризуются чрезвычайно низкой частотностью по сравнению с Библией. Благодаря репрезентантам «милость», «милосердие», «сострадание», «милостыня» с их производными частотность концепта «любовь» в Коране возрастает, но все равно остается меньше, чем в Библии. Исследование соответствующих репрезентантов концепта «love» в англоязычных текстах Библии (King James Bible) и Корана (The Holy Quran) показывает особенности использования репрезентанта mercy в англоязычном Коране и в King James Bible. Неоднозначно применение репрезентанта charity: в King James Bible он встречается исключительно в новозаветных текстах для перевода слова «любовь» со значением «агапэ» (т.е. любовь ко всем людям, в том числе и врагам), в Коране это слово используется для перевода слова «милостыня», причем частотность charity в этом значении в англоязычном тексте Корана выше, чем в Библии (хотя в русскоязычных текстах Библии и Корана частотность репрезентанта «милостыня» одинакова). Сопоставление русскоязычных и англоязычных цитат Корана приводит в ряде случаев к выводу о различии одних и тех же текстов вплоть до передачи противоположного или совсем иного смысла, в то время как исследуемые тексты синодального русскоязычного перевода Библии и King James Bible в передаче смыслов идентичны.

**Ключевые слова:** Библия; Коран; русскоязычный перевод; англоязычный перевод; концепт; репрезентант; частотность; любовь.

**Для цитирования:** Полетаева Т. А. Концепт «любовь» в Библии и Коране (в русскоязычном и англоязычном переводах) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, №2. С. 95-107, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-10

Tatiana A. Poletaeva

“Love” concept in the Bible and in the Koran  
(in Russian and English translations)

Orthodox St. Tikhon Humanitarian University, 23b Novokuznetskaya St.,  
Moscow, 115184, Russia  
Belgorod Theological Seminary (with missionary orientation), 75 Belgorod Ave.,  
Belgorod 308000, Russia  
e-mail: polet\_ta@mail.ru  
ORCID: 0000-0002-7311-5218

Received 8 May 2019; accepted 21 May 2019; published 30 June 2019

**Abstract.** The author studies the concept “love” and its representatives in texts of the Bible and the Koran: the frequency, conceptual and figurative characteristics of the concept in the Koran texts are compared with the texts of the Bible. It turns out that the word “love” itself and its representatives in the Koran are characterized by extremely low frequency in comparison with the Bible. Thanks to such representatives as “mercy”, “grace”, “compassion”, “charity” and their derivatives, the frequency of the concept “love” in the Koran increases, but it still remains less noticeable than in the Bible. Investigation of corresponding representatives of the concept “love” in English texts of the Bible (King James Bible) and the Koran (The Holy Quran) shows peculiarities of the use of the representative “mercy” in the English Koran and in the King James Bible. The use of the word “charity” is ambiguous: in the King James Bible it is found exclusively in the New Testament texts to translate the word “love” with the meaning of “agape” (that is, love to all people, including enemies), in the Koran it is used for translation of the word “alms”, and the frequency of the word “charity” in this meaning in the English-language text of the Koran is 2.3 times higher than in the Bible (although in the Russian-language texts of the Bible and the Koran the frequency of the representative of “alms” is the same). The comparison of the Russian-language and English-language quotations of the Koran in some cases enables to draw a conclusion that the same texts have different interpretation, up to transferring of the opposite or completely different sense. The texts of the Synod Russian-language translation of the Bible and the King James Bible are identical in transferring of senses.

**Key words:** the Bible; the Koran; Russian translation; English translation; a concept; a representative; frequency; love

**How to cite:** Poletaeva T.A. (2019). “Love” concept in the Bible and in the Koran (in Russian and English translations). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (2), 95- 107, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-10

**Введение**

Концепт «любовь» относится к категории этических концептов, отличительной чертой которых, с точки зрения содержания, является наличие оценочного компонента. Анализ этических концептов, по мнению Е.Н. Коваленко, часто бывает затруднен, во-первых, тем, что часто их «лексическая репрезентация

носит <...> субъективный характер» (Коваленко, 2016: 80), во-вторых, этические концепты зависят от норм и правил поведения, обусловленных, в большей степени религиозными учениями, а также этническими, культурными и социальными традициями.

Целью данной статьи является исследование концепта «любовь» и

моделирование его когнитивного поля в Коране (Священной книге мусульман) с сопоставлением его характеристик в Библии (Священном Писании христиан), т.е. описание и выявление особенностей данного концепта в двух религиозных традициях, обусловленных исключительно священными текстами двух религий – христианства и ислама.

Для исследования мы будем использовать Библию в русском синодальном переводе и Библию короля Иакова (King James Bible), которая отличается наличием архаизмов и является исторически одним из самых богословски и научно выверенных переводов Библии на английский язык, а также переводы Корана: на современный русский язык – перевод знатока средневековой арабской литературы Б.Я. Шидфар, в котором, по словам Р.И. Беккина, находится золотая середина между буквой и духом (Беккин, 2013:231); на английский язык – перевод А.Ю.Али под названием The Holy Quran (Koran), выполненный в стиле King James Bible – с применением архаизмов.

Как было показано нами ранее, при исследовании коранического текста на иных языках, кроме оригинального – арабского, на котором Коран изначально был написан, не всегда смысл Корана передается однозначно (Полетаева, 2018а: 436). Эта проблема передачи смысла связана с тем, что, по мнению мусульманских богословов, только Коран на арабском языке является подлинным, а переводы его на другие языки являются лишь краткими передачами смысла Корана.

Принимая во внимание вышеуказанное, в качестве методов исследования мы применим частотный анализ коранического и библейского текстов с проведением сплошной выборки слов, словосочетаний как самого слова «любовь» и однокоренных ему слов, так и других репрезентантов концепта «любовь» (милость, милосердие, милостыня) и их производных, а также попытаемся выявить специфику понятийно-образных характе-

ристик репрезентантов концепта «любовь» в Библии и Коране с учетом оценочного компонента.

### **Частотность и понятийно-образные характеристики концепта «любовь»/ love и его репрезентантов в Библии и Коране**

Как мы показали ранее, в русском переводе Библии концепт «любовь» (в виде репрезентантов: существительного «любовь» в разных падежах, причастий «возлюбленный», «любящий» в разном лице и числе, глаголов воз/по/любить в разном времени, лице и числе) имеет частотность 521 (Полетаева, 2018б:184). В переводе King James Bible слова из семантического поля слова «love» (lovingkindness, loving, lovely, Love, (be)loved, архаичные формы глагола to love: lovest, loveth, lovedst) встречаются чаще, чем в русском переводе – 654 раза (там же).

В Коране в русскоязычном переводе глагол любить / возлюбить в разных временах, лицах и числах встречается 39 раз. Речь идет именно об Аллахе, который любит/возлюбит: «совершающих благодеяния» (2,195), «прощающих и совершающих очищение» (2, 222), «боящихся его наказания» (3, 76), «кто проявляет терпение» (3, 146), «тех, что питают на него упование» (3, 159), «тех, кто совершает добрые деяния» (5, 93), «убоявшихся клятвопреступления» (9, 4), «стремящихся к справедливому примирению» (49, 9).

Что же касается собственно существительного «любовь», то оно найдено всего лишь 10 раз в русскоязычном тексте Корана. Один раз это слово используется применительно к Аллаху: Аллах «проявит любовь и благоволение к тем, что уверовали и свершали благие деяния» / «On those who believe and work deeds of righteousness, will Most Gracious bestow love» (19, 96). Существительное love найдено также в словосочетаниях: love for Allah (for Him) – «любовь к Аллаху» (2, 165), mutual love – «взаимная любовь» (29, 25). В

положительном этическом значении существительное «любовь» встречается в тексте о сотворении человека: «и поселил меж вами любовь и милосердие» / «He has put love and mercy between your [hearts]» (30, 21).

В (3,14) понятие «любовь» имеет значение страсти и применяется в контексте обличения и осуждения: это «любовь к женщинам, потомкам, накопленным богатствам» (в англоязычном переводе этот отрывок звучит как «the love of things they covet» – досл. «любовь к вещам, которых они домогаются»). Подобное значение у слова «любовь» еще в ряде сур, например, «любовь страстная к своему добру» / «violent is he in his love of wealth» (досл. «страстен он был в своей любви к богатству») (100, 8), или: «любите лишь деньги любовью непомерною» / «And ye love wealth with inordinate love» (досл. «и вы любите богатство с чрезмерной любовью») (89, 20).

Интересно отметить ряд разночтений в русскоязычном и англоязычном переводах Корана.

Так, выражение love to the Believers («любовь к верующим») в англоязычном тексте Корана из (5, 85) – «and nearest among them in love to the Believers wilt thou find those who say, "We are Christians"» (дословно «и среди них ближе всех к любви к верующим ты найдешь среди тех, кто говорит: «Мы христиане») – в русском тексте находится в другом аяте той же суры – 82-м – и переведено как «дружба с мусульманами»: «ближе всего к дружбе с мусульманами те, что говорят: «Мы христиане» .

Но большее разночтение в переводах мы встречаем в (38,32). Выражение «любовь к коням» в русскоязычном переводе: «Предпочел я любовь свою к коням добрым молитве моему Господу» в англоязычном переводе не используется вообще, более того, само высказывание имеет противоположный смысл: «Truly do I love the love of good, with a view to the glory of my Lord» (дословно «истинно я

полюбил любовь добра, чтобы славить моего Господа»).

Не совпадают переводы и в (76, 8). В англоязычном тексте дано: And they feed, «for the love of Allah, the indigent, the orphan, and the captive» (досл. «И они питают ради любви к Аллаху нищих, сирот и пленников»). В русскоязычном тексте изложено без всякого намека на Аллаха: «Они питают едой своей, что и им мила, бедняка, и сироту, и пленного».

Причастие «возлюбленные» в русскоязычном тексте Корана встречается 2 раза: во фразе «они лишь его рабы возлюбленные» (21, 26) (в английском переводе использовано другое словосочетание «servants raised to honour» – досл. «слуги, возвысившиеся для чествования»); а также в словосочетании «Посланец, Им возлюбленный», которому в английском переводе соответствует «a messenger whom He has chosen» (досл. «посланец, которого он избрал») (72, 26-27).

Причастие «любящий» 4 раза используется в русскоязычном Коране: это «мужи, любящие очищение» / men who love to be purified (9, 108), «любящий друг» / в англоязычном тексте – intimate friend (40, 18). Любящими в русскоязычном переводе Корана называются девы райские, в английском тексте они «возлюбленные (по природе)»: Beloved [by nature] (56, 35-37). В русскоязычном Коране есть выражение «любящие родители», в английском тексте в соответствующем аяте написано просто: «his mother and his father» (80, 35).

Наконец, еще один репрезентант концепта «любовь» – это слово «любимцы», которым, согласно русскоязычному тексту Корана, называют сами себя иудеи и христиане (5, 18). В англоязычном тексте в соответствующем аяте и окружающих аятах синонимов этого слова нет.

В целом, суммируя частотность концепта «любовь» и однокоренных ему репрезентантов в тексте русскоязычного Корана, мы приходим к цифре 56.

В англоязычном переводе Корана

Али концепт «love» представлен, прежде всего, однокоренными love словами: loveth, loves, loved, lovers, beloved, lovest, суммарная частотность которых несколько выше частотности этого концепта в русскоязычном переводе – 89.

Таким образом, концепт «любовь» /love в Коране характеризуется очень низкой частотностью по сравнению с Библией – в среднем в 8 раз меньшей (в 9 раз меньшей, чем в русскоязычном переводе Библии и в 7 раз меньшей, чем в англоязычном переводе Библии).

Кроме того, если учесть, какой именно этический смысл вкладывается в

это слово в Коране, можно также увидеть значительную разницу с библейским пониманием любви. Так, в рассмотренных нами случаях использования слова «любовь» в русскоязычном тексте Корана четыре из десяти имеют контекст обличения, любовь в них предстает как страсть, т.е. она не имеет того положительного нравственного смысла, который раскрывается многогранно в текстах Священного Писания (подробнее см. (Полетаева, 2018б)).

В целом сравнение частотности слова «любовь» в Библии и Коране можно представить в следующей таблице:

Таблица 1

**Частотность слова «любовь» в Библии и Коране**

Table 1

**Frequency of the word "love" in the Bible and the Koran**

Репрезентант с его производными	Библия на русском языке и английском языке			Коран на русском языке и английском языке
	Ветхий Завет	Новый Завет	Всего	
любовь	279	242	521	56
love	326	328	654	89

Православные религиоведы отмечают, что «среди 99 имен Аллаха, которые почитают мусульмане, нет имени «Любовь» или «Любящий», а авторитетные средневековые мусульманские богословы (например, Тюгна Тмийя) прямо осуждали идею о том, что возможна любовь у Бога к человеку» (Максимов, Смоляр, 2005: 116). Как мы показали в своем исследовании, слово «любовь» с его производными все же используется в Коране применительно к Аллаху, правда, само существительное «любовь» всего один раз, а глаголы «любить/возлюбить» – 39 раз.

Попробуем теперь сравнить в Библии и Коране другие репрезентанты концепта «любовь», такие, как «милость», «милосердие» и их производные, а также репрезентант «милостыня».

**Специфика и частотность репрезентанта «милость» в Библии и Коране**

«Милость» – это «любовь по снисхождению, любовь к тем, кто ее не

заслуживает» (Давыденков, 2013: 124).

В Ветхом Завете в русскоязычном тексте слово «милость» со своими однокоренными формами (существительным «милость» в разных падежах и числе, глаголом «умилостивлять» в разных временах, наклонениях, числе и лицах, прилагательных «многомилостивый», «милостивый», словах «умилостивление», «умилостивительный») встречается 277 раз, в Новом Завете – 29 раз, т.е. всего в русскоязычном переводе Библии частотность этого репрезентанта достигает 306.

В англоязычном переводе King James Bible полные синонимы grace (и его производные gracious/ly) и mercy (с его производным merciful) имеют частотность соответственно: 77 и 251 в Ветхом Завете, 129 и 63 – в Новом Завете, т.е. суммарная частотность этого репрезентанта составляет в англоязычном библейском тексте 520.

Милость в Священном Писании исходит от Бога (например, «вовек милость Его» / «his mercy endureth forever» (2 Пар.5:13), от Иисуса Христа (например, «благодать, милость и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего» / «Grace, mercy, and peace, from God the Father and the Lord Jesus Christ our Saviour» (Тит 1:4)), но также милость согласно Прит.20:28 является украшением царской власти, ибо именно благодаря милости цари поддерживают свой престол.

В Новом Завете Христос призывает всех людей оказывать милость ближним (яркий пример – это притча о милосердном самарянине (Лк.10:37). Таким образом, человек в Новом Завете призывается быть милостивым как Бог, недаром одна из заповедей блаженства говорит о блаженстве милостивых / merciful, получающих за свое доброе отношение к ближним высочайшую – божественную милость (Матф.5:7).

В русскоязычном тексте Корана слово «милость» встречается в разных падежах 121 раз, а его однокоренное производное – прилагательное «милостивый» в разных падежах и числе – 194 раза, т.е. в сумме частотность этого репрезентанта в русскоязычном тексте Корана достигает 315. В англоязычном переводе Корана слово mercy / милость имеет частотность 164, его однокоренное производное прилагательное merciful / милостивый – 118. Таким образом, суммарно частотность этого репрезентанта в англоязычном тексте Корана равна 282.

В Коране слово «милость» применяется исключительно для характеристики Аллаха. Так, например, милость испрашивается у Аллаха («одари нас от Себя милостью» / «grant us mercy from Thine own Presence» (3, 8)).

Есть разночтения в отношении слова «милость» в переводах Корана на русский и английский языки. Например, в (3,73) в русскоязычном тексте мы читаем, что «Милость в деснице Аллаха» (3, 73), а в английском переводе «All bounties are in

the hand of Allah» (досл. «Все награды в деснице Аллаха) мы видим замену «милости» «наградой».

Переводчик Корана на английский язык Али использует для перевода слова «милость» не только mercy и его производные merciful (т.е. милостивый, хотя в английском языке также одинаково часто встречается его перевод как «милосердный»), но и его полный синоним grace и соответственно производные gracious/ly (милостивый, добрый, снисходительный). Эти слова также применяются для характеристики Аллаха (например, (2, 213)).

Поэтому, с учетом синонима grace и его производных частотность репрезентанта mercy в англоязычном переводе Корана возрастает. Если grace имеет частотность 79, а gracious/ly – 67, то соответственно суммарная частотность равна 146. Сложив полученное число с упомянутым выше 282 – частотностью mercy и его производных – мы получим, что в итоге частотность репрезентанта «милость» в англоязычном тексте Корана равна 428.

Впрочем, нужно отметить такой факт, что каждая из 114 сур русскоязычного текста Корана (кроме девятой) начинается одной и той же повторяющейся репликой «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного» (Примечание: переводчица Корана Б.Шидфар, комментируя суру 9, которая носит название «Покаяние», пишет, что это единственная сура в Коране без преамбулы «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного», «поскольку она представляет собой, собственно говоря, проклятие врагам пророка – язычникам» (Коран, 2003)). Эта реплика по-арабски называется «басмала», и традиционно мусульмане произносят ее в каждой молитве, а также начинают разные документы (договоры, завещания и т.п.) (Абаскулиев, 2019). Таким образом, в русскоязычном переводе Корана частотность репрезентанта «милость» возрастает за счет 113 повторений одной и той же фразы.

Однако в англоязычном тексте Корана фраза «In the name of Allah, Most Gracious, Most Merciful» встречается всего лишь 2 раза в (1,1) и в (27, 30). В начале же сур, переведенных на английский язык, вместо басмалы мы либо вообще не находим ее следов, либо видим шифрованные, не поддающиеся переводу сокращения, например, Alif, Lam, Mim, Sad. (7, 1), Kaf.

Ha. Ya. 'Ain. Sad (19, 1), Ta. Sin. Mim (26, 1).

Сравнение частотности репрезентанта «милость» в русскоязычных переводах Корана и Библии показывает, что в Коране за счет реплики «басмала» она выше, чем в Библии, правда, всего на 9 единиц. Но в англоязычных переводах частотность этого репрезентанта на 92 единицы выше в Библии, чем в Коране (таблица 2).

Таблица 2

**Частотность репрезентантов «милость», «mercy», «grace» в Библии и Коране**

Table 2

**Frequency of representatives of "grace", "mercy", "grace" in the Bible and in the Koran**

Репрезентант с его производными	Библия на русском языке и английском языке			Коран на русском языке / и английском языке
	Ветхий Завет	Новый Завет	Всего	
Милость	277	29	306	315 (из них 113 в басмале)
Mercy	251	63	314	428
Grace	77	129	206	

**Понятия «милосердие» и «сострадание» как смысловые грани репрезентанта «милость» в Библии и Коране**

Слово «милосердие» сродне слову «милость», но имеет несколько другой смысл. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова это «готовность помочь кому-нибудь, простить кого-либо из сострадания, человеколюбия» (Ожегов, 1987), т.е. получается, что это милость, которая реализуется в конкретном совершении добра человеку, находящемуся в беде.

Слово «милосердие» с его однокоренными производными в русскоязычном ветхозаветном тексте Библии имеет частотность 52, в новозаветном русскоязычном тексте – 17, т.е. в целом в библейских текстах – 69.

Милосердие в Библии связано, прежде всего, с Богом как одно из Его свойств. Например, о великом милосердии Бога (в английском переводе great mercies) мы читаем в 2 Цар.24:14. К милосердию призывается и сам человек, т.к. именно «Милосердием и правдою очищается грех» / «By mercy and truth iniquity is purged» (Прит.16:6).

В Новом Завете Спаситель призывает христиан уподобиться в милосердии Богу: «будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» / «Be ye therefore merciful, as your Father also is merciful» (Лк.6:36). Этот же призыв продолжается в словах апостола Петра (1Пет3:8), причем в переводе King James Bible прилагательному «милосерды» в указанном отрывке соответствует pitiful (досл. «жалостливы»).

На примере вышеприведенных фраз и при исследовании репрезентанта «милость» можно увидеть, что в англоязычном переводе King James Bible для слов «милость» и «милосердие» используется преимущественно слово mercy.

Интересно, что charity, имеющее значение «милосердие», не применяется в ветхозаветных текстах Библии короля Иакова. В Новом Завете оно встречается 28 раз, но его перевод, как было показано нами ранее, соответствует в русском тексте слову «любовь» (вернее, *любовь агapé*) (Полетаева, 2018б:189), поэтому при характеристике репрезентанта «милосердие» на английском языке это слово мы не будем принимать в расчет.

Но какое же слово является тогда в англоязычном тексте Священного Писания наиболее употребительным синонимом «милосердия», кроме указанного *mercý*? По отрывку в «Плаче Иеремии», где одновременно используются слова и «милость», и «милосердие» (Плач.3:22), можно сделать вывод, что это *compassion* (сострадание), которое в Ветхом Завете имеет частотность 22.

В Новом Завете *compassion* имеет частотность 21 и преимущественно встречается в повествовании о чудесах Христовых, например, в (Мф.20:34), что «*Jesus had compassion [on them,] and touched their eyes*». Подтверждает то, что слово *compassion* соответствует в русском переводе слову «милосердие», русскоязычный перевод этого же отрывка: «Иисус же, *умилосердившись*, прикоснулся к глазам их» (Матф.20:34).

Интересно, что в русском синодальном переводе частотность слова «сострадание» небольшая: так, в Ветхом Завете она составляет 7, в Новом Завете – 6. В русскоязычном Коране у этого слова частотность 17.

Обратимся теперь к понятию «милосердие» в Коране. В русскоязычном переводе Корана у этого слова с его однокоренными производными («милосерд», «милосердный» в разных падежах, «милосерднейший») частотность равна 228, в числе которой 11 – частотность существительного «милосердие» в разных падежах, выступающего характеристикой Аллаха (например, «И если бы не милость Аллаха и не милосердие Его» (4, 83)).

В англоязычном тексте Корана слову «милосердие» также часто соответствует *mercý*, но точно определить частотность репрезентанта *mercý* в значении «милосердие» в англоязычном тексте Корана (как, впрочем, и в англоязычном тексте Библии) представляется затруднительным: оно применяется то со значением «милость», то со значением «милосердие».

В отношении частотности прилагательного «милосердный», которое в родительном падеже в русском тексте Корана встречается 118 раз, объяснение то же самое, что и в отношении прилагательного «милостивый» – это связано с репликой «басмала», 113 раз повторяющейся в начале каждой суры русскоязычного перевода Корана («Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного»), но, как уже было показано выше, в английском тексте Корана встречающейся всего два раза.

В связи с неустойчивостью значения у репрезентанта *mercý* в англоязычных текстах Корана и Библии, для выводов о частотности его в значении «милосердие» обратимся, прежде всего, к русскому переводу текстов.

В целом, по-видимому, можно говорить о некоем едином сложном репрезентанте «милость», грани которого раскрываются в словах «милосердие» и «сострадание». При этом выясняется, что, с одной стороны, в русскоязычном тексте частотность этого репрезентанта на 69 единиц ниже в Библии, чем в Коране (таблица 3).

Но, с другой стороны, частотность репрезентанта *mercý* вместе с его синонимами *grace* и *compassion* в англоязычных переводах оказывается на 130 единиц выше в Библии, чем в Коране (таблица 4).

Очевидно, что окончательный вывод о характере частотности репрезентанта милость/ *mercý* в Библии и Коране можно сделать, суммировав его частотность в английском и русскоязычном переводах Библии и соответственно в английском и русскоязычном переводах Корана.

Сравнение суммарных цифр частотности (951 – для Библии и 890 – для Корана) позволяет сделать вывод о том, что репрезентант «милость» /*mercý* с его синонимами «милосердие» и «сострадание» имеет примерно одинаковую частотность как в Библии, так и в Коране, но все же несколько большую в Библии.

Таблица 3

**Частотность репрезентанта «милость» в Библии и Коране на русском языке**

Table 3

**Frequency of the representative “grace” in the Bible and the Koran in Russian translation**

Репрезентант с его производными и синонимами	Библия на русском языке			Коран на русском языке
	Ветхий Завет	Новый Завет	Всего	
Милость	277	29	306	315 (из них 113 в басмале)
Милосердие	52	17	69	228 (из них 113 – в басмале)
Сострадание	7	6	13	17
Всего	336	52	388	457 (из них 226 – дублирование в басмале)

Таблица 4

**Частотность репрезентанта mercy в Библии и Коране на английском языке**

Table 4

**Frequency of the representative “grace” in the Bible and the Koran in English translation**

Репрезентант с его производными и синонимами	The King James Bible			Всего	Koran	
	Old Testament (Ветхий Завет)	New Testament (Новый Завет)				
Mercy	251	63	314	520	282	428
Grace	77	129	206		146	
Compassion	22	21	43		5	
Всего	350	213	563		433	

**Репрезентант «милостыня» в Библии и Коране**

Милостыня, по определению В.С. Соловьева, есть «даровая помощь, бескорыстная благотворительность» (Соловьев, 1998: 345), это, пишет философ, высшее развитие общественности и высшее начало общественной жизни. Свт.Иоанн Златоуст называет милостыню «царицей добродетелей», делающей людей подобными Богу (Сомин, 2019).

Интересно, что в Ветхом Завете слово «милостыня» явно не встречается ни в русскоязычном переводе, ни в англоязычном. Синоним «подавание» в русскоязычном переводе используется только 1 раз во фразе «подавания бедным» /gifts to the poor (Есф.9.:22). В английском тексте Библии короля Иакова этому

выражению соответствует выражение gifts to the poor (досл. «подарки бедным»). Еще одним синонимом «милостыни» является «благотворительность» – это слово с его производными в Ветхом Завете со значением «милостыни» используется 5 раз, например, в (Прит.11:25; Прит.19:22).

В новозаветных русскоязычных текстах слово «милостыня» имеет частотность 17, его синоним «подавание» – 3 раза, в англоязычных текстах это слово встречается в виде alms и его производного almsdeeds 13 раз.

Суть христианской милостыни видна в наказе Христа в (Матф. 6:2), где говорится о том, что милостыню не следует делать напоказ – она должна совершаться втайне. В (Деян.9: 36) мы читаем о праведной Тавифе, которая

«творила много милостынь» (в английском переводе этому соответствует выражение *did almsdeeds*).

Синоним милостыни «подаяние» в русскоязычном тексте Нового Завета используется три раза и все – в апостольских посланиях (Рим.15:26, 1Кор.16:3, Фил.4:15). В англоязычных текстах это слово переведено соответственно словами, встречающимися единично: *contribution* (пожертвование), *liberality* (щедрость), *giving* (от глагола *give* давать). Что касается слова «благотворительность» и его производных, то в новозаветных текстах оно используется 5 раз, причем из них три раза – в призыве Христа о благотворении врагам (Мф.5:44, Лк.6:27, Лк.6:35), 2 раза – в отношении неимущих (Рим.12:8).

В Коране в русскоязычном переводе слово «милостыня» имеет частотность 27. Призыв к совершению милостыни в Коране отличается спецификой. С одной стороны, мы можем увидеть аналогию с новозаветной заповедью Христа о том, что подаяние милостыни не следует делать явным: «Если открыто подадите вы милостыню, то доброе дело это, а если подадите ее тайно, отдав ее бедным, то это еще лучше для вас» / «If ye disclose [acts of] charity, even so it is well, but if ye conceal them, and make them reach those [really] in need, that is best for you» (2, 271).

Но, с другой стороны, Коран предписывает заниматься регулярной благотворительностью: «practise regular charity» (2, 43). Словосочетание *regular charity* встречается в англоязычном переводе Корана 25 раз.

Как известно, милостыня (по-арабски «закят») есть один из пяти столпов ислама. Ее исполнение обязательно. Очевидно, что текст Корана содержит основания закята как обязательного налога в исламском праве.

Исследования показывают, что слово, которое используется в английском переводе Корана и соответствует в русском переводе слову «милостыня», это *charity* – в целом в англоязычном Коране оно

встречается 62 раза, например: «cancel not your charity by reminders of your generosity» (досл. «не замените свою благотворительность напоминаниями о вашей щедрости») (2, 264). Слово *alms* (т.е. собственно «милостыня») в англоязычном переводе Корана встречено только 3 раза, например, в (9, 60).

Таким образом, там, где в аятах в англоязычном тексте имеется слово *charity* в контексте милостыни или благотворительности (внесенное переводчиком как предположение, на что указывает особый вид скобок), в этих же предложениях в русскоязычном переводе Корана слова «милостыня» или его синонимов нет. Так, например, в (63,10) мы читаем следующее: «spend something [in charity] out of the substance which We have bestowed on you» (дословно: «тратьте что-нибудь [на благотворительность] из того, что Мы даровали вам»). В русскоязычном переводе Корана указанный отрывок имеет вид: «Расходуйте из того, чем наделили Мы вас».

Для удобства сопоставления частотности репрезентанта «милостыня» и его синонимов в Библии и Коране обобщим вышесказанное в табл. 5.

Таким образом, можно заключить, что репрезентант «милостыня» с его синонимами в Библии и Коране в русскоязычных переводах имеет одинаковую частотность – 28. В англоязычном переводе Корана Али частотность этого репрезентанта возрастает в 2,3 раза по сравнению с Библией.

При сопоставлении англоязычных переводов Библии и Корана возникает затруднение в точном подсчете частотности репрезентанта «милостыня», т.к. в Библии (в Новом Завете) с этим значением используется слово *alms* с частотностью 13, в Коране же это слово встречается всего 3 раза, вместо него используется слово *charity*. В Библии короля Иакова (в Новом Завете), как было показано выше, *charity* имеет значение любовь (*agapē*).

Таблица 5

**Сопоставление частотности репрезентанта «милостыня» и его синонимов в Библии и Коране на русском и английском языках**

Table 5

**Comparison of frequency of the representative of "charity" and its synonyms in the Bible and in the Koran in Russian and English translations**

Репрезентант, его синонимы и его производные	Библия на русском языке и английском языке			Коран на русском языке и английском языке
	Ветхий Завет	Новый Завет	Всего	
милостыня	-	17	28	27
подаяние	1	3		1
благотворительность	5	2		-
charity	-	Используется в значении (любовь «агапэ»)	-	62
alms	-	13	14	3
contribution	-	1		2

**Заключение**

Проведенное исследование показывает, что концепт «любовь» в Коране характеризуется очень низкой частотностью по сравнению с Библией – в среднем в 8 раз меньшей (в 9 раз меньшей, чем в русскоязычном переводе Библии и в 7 раз меньшей, чем в англоязычном переводе). Применительно к Аллаху существительное «любовь» в Коране используется один раз, а глаголы «любить/возлюбить» – 39 раз. Если слово «любовь» в текстах Корана используется применительно к человеку, то преимущественно для обозначения любви-страсти, т.е. в целом понятие «любовь» не имеет того многогранного положительного этического смысла, как это мы видим в русскоязычном и англоязычном текстах Библии.

Но репрезентантами концепта «любовь», кроме собственно самого слова «любовь», являются также слова «милость» с его синонимами в действии («милосердие», «сострадание») и их производными, а также слово «милостыня» (с его синонимами «подаяние», «благотворительность»). Благодаря этим репрезентантам частотность концепта «любовь» в Коране возрастает, хотя в

целом она остается в 1,7 раза меньше, чем в Библии.

Сопоставление русскоязычного и англоязычного переводов Корана показывает в ряде случаев разночтения вплоть до передачи противоположного смысла, чего нельзя сказать при сопоставлении русскоязычного и англоязычного переводов Библии.

**Список литературы**

Абаскулиев Р. Является ли басмала первым аятом суры «Открывающей»? 2019. URL: <https://e-minbar.com/ques-answ/tafseer/yavlyaetsya-li-basmala-pervym-ayatom-sury-otkrывayushchej> (дата обращения: 10.03.2019).

Беккин Р.И. Незамеченный читателем // Учен. зап. Казан. ун-та. Т.155, кн.3, ч.2. Казань, 2013. С.231-237.

Библия: подстрочный перевод // Biblezoom: углубленное исследование библейского текста он-лайн. URL: <http://www.biblezoom.ru> (дата обращения: 15.01.2019).

Давыденков О. Догматическое богословие: Учебное пособие. М.: ПСТГУ, 2013. 622 с.

Коваленко Е.Н. Метафорические средства репрезентации концепта «предатель» в английском языке // Вестник ТГПУ. 2016. 10 (175). С. 80-83.

Коран. Смысловой перевод [на русский язык] Б.Я. Шидфар. Издательский дом Умма, 2003.

Максимов Ю., Смоляр К. Ислам, Буддизм, Иудаизм. М., 2005. 302 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.кор. АН СССР Н.Ю.Шведовой. 18-е изд., стер. М., 1987. 796 с.

Полетаева Т.А. Концепт «предательство» в Библии и Коране (в русскоязычном и англоязычном переводах) // *Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки.* – Белгород, 2018а. – Т.37, №3. С.429-441.

Полетаева Т.А. Понятийно-образные характеристики концепта «любовь» в лингвофилософском аспекте (на материале синодального перевода Библии и King James Bible) // *Вестник Тверского гос. ун-та. Серия Филология.* Тверь, 2018б. Вып.4. С.182-191.

Соловьев В.С. Духовные основы жизни (Spiritual Fundaments of life). Фототипическое издание. Брюссель: Жизнь с Богом, 1953. 143 с.

Сомин Н.В. Учение Св. Иоанна Златоуста о богатстве, бедности, собственности и милостыне, 2018. URL: [http://chri-soc.narod.ru/zlatoust\\_2\\_7.htm](http://chri-soc.narod.ru/zlatoust_2_7.htm) (дата обращения: 05.02.2019).

The Holy Bible containing Old and New Testaments and the Apocrypha translated out of the original tongues: and with the former translations diligently compared and revised, by his Majesty's special command [King James Bible]. Cambridge: University Press; London and New York: Cambridge University Press; Toronto: The Macmillan Company of Canada ltd. 872 с.

The Holy Quran (Koran). English Translation of the Meanings by Abdullah Yusuf Ali. From a version revised by the Presidency of Islamic Researches, IFTA, Call and Guidance. Published and Printed by the King Fahd Holy Quran Printing Complex in 1987.

### References

Abaskuliev, R. (2019). *Yavlyaetsya li basmala pervym ayatom sury «Otkryvayushchej»?* [Is Basmala the first ayat of the “Opening” Surah?]. Retrieved from: <https://e-minbar.com/ques-answ/tafseer/yavlyaetsya-li-basmala-pervym-ayatom-sury-otkryvayushchej> (in Russian).

Bekkin, R.I. (2013). Unnoticed by the reader // *Bulletin of Kazan University. V.155, b.3, ch.2, 231-237* (in Russian).

The Bible: subscript translation (2018). *Bible zoom: profound study of the biblical text on-line*. Retrieved from <http://www.biblezoom.ru> (in Russian).

Davydenkov, O. (2013). *Dogmaticeskoe bogoslovie: uchebnik* [Dogmatic theology: a textbook]. Moscow, Russia: Orthodox St. Tikhon Humanitarian University Publishing House (in Russian).

Kovalenko, E.N. (2016). Metaphorical means of representing the concept "traitor" in English. *Bulletin of Tomsk University.* 10 (175), 80-83. (in Russian).

The Koran (2003). Semantic translation into Russian by B.Ya. Shidfar., Moscow, Russia: Publishing House Umma (in Russian).

Maksimov, Y. and Smolar, K. (2005). *Islam, Buddhism, Judaism. The Church of Daniel prophet Kantemirovskaya*, Moscow, Russia: Publishing House, (in Russian)

Ozhegov, S. I. (1987). *Dictionary of the Russian language / Edited by N.Y. Shvedova*. Moscow, Russia: Russkij yazyk Publishing House (in Russian).

Poletaeva, T.A. (2018а). The concept “betrayal” in the Bible and in the Koran (in Russian and English translations). *Bulletin of Belgorod University. Humanities series.* 37, 3, 429-441. (in Russian).

Poletaeva, T.A. (2018b). Conceptual and imaginative characteristics of the concept "love" in linguistic and philosophical aspects (on the material of the Bible Synod translation and King James Bible). *Bulletin of Tver University. Philology series.* 182 – 191. (in Russian).

Soloviev, V.S. (1953). *Dukhovnye osnovy zhizni* [Spiritual Fundaments of life]. Brussels, Belgium: Life with God Publishing House (in Russian).

Somin, N.V. (2018). *Uchenie Sv. Ioanna Zlatousty o bogatstve, bednosti, sobstvennosti i milostyne* [The teachings of St. John Chrysostom about wealth, poverty, property and alms]. Retrieved from [http://chri-soc.narod.ru/zlatoust\\_2\\_7.htm](http://chri-soc.narod.ru/zlatoust_2_7.htm) (in Russian).

The Holy Bible containing Old and New Testaments and the Apocrypha translated out of the original tongues: and with the former translations diligently compared and revised, by his Majesty's special command [King James Bible]. Cambridge: University Press; London and New York: Cambridge University Press; Toronto: The Macmillan Company of Canada ltd.

The Holy Quran (Koran) (1987). English Translation of the Meanings by Abdullah Yusuf Ali. From a version revised by the Presidency of Islamic Researches, IFTA, Call and Guidance. Published and Printed by the King Fahd Holy Quran Printing Complex.

***Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.***

***Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.***

**Полетаева Татьяна Александровна,**  
кандидат философских наук, доцент.

**Poletaeva Tatiana Alexandrovna,** PhD,  
Associate Professor

УДК 81'38

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-11

Шевченко С. Н.

Стилистические особенности редуцированных слов в поэзии  
(в английском, русском и итальянском языках)

Российский государственный геологоразведочный университет  
(СОФ МГРИ)  
ул. Ленина, 14/13, г. Старый Оскол,  
Белгородская область, 309514, Российская Федерация  
Московский государственный лингвистический университет,  
Лаборатория психолингвистики  
ул. Остоженка, 38, стр. 1, г. Москва, 119034, Российская Федерация  
e-mail: floradale@mail.ru  
ORCID: 0000-0003-0439-1865

Статья поступила 19 мая 2019 г.; принята 1 июня 2019 г.; опубликована 30 июня 2019 г.

**Аннотация.** Актуальность исследования связана с интересом современной лингвистики к изучению прагматических и стилистических аспектов языка, с одной стороны, и с недостаточной изученностью особенностей функционирования усеченных слов в поэзии, с другой. В статье приводятся результаты анализа характерных для лирики сокращенных лексических форм в английском, русском и итальянском языках. В поле зрения попадает поэтический коннотативный слой семантики. Предпринята попытка выявить продуктивность различных видов словосокращений в поэзии. В работе рассматриваются такие поэтические усечения как элизия, стяжение, синкопа, апокопа, афереза, синереза, монофтонгизация дифтонгов. Термины для описания сокращений несколько отличаются в разных лингвистических школах, иногда они взаимозаменяемы. Помимо описательного метода исследование основывается на изучении корпусных данных, которые доказывают стилистическую актуальность сокращенных слов в поэзии. Противопоставляется частотность полных и усеченных форм в основном и поэтическом разделах корпусов. Описываются как сокращения, характерные только для лирики (поэтизмы), так и востребованные до известной степени и другими разрядами языка. В работе выявляются некоторые универсальные и национальные особенности использования усечений в поэзии, кроме того, вскрываются причины обращения поэтического языка к сокращенным формам. Исследование вносит вклад в изучение стилистических особенностей генезиса поэтических коннотаций.

**Ключевые слова:** поэзия; редуцированное слово; поэтическая коннотация; поэтизм; частотность.

**Для цитирования:** Шевченко С.Н. Стилистические особенности редуцированных слов в поэзии (в английском, русском и итальянском языках) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, N2. С. 108-118. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-11

Svetlana N. Shevchenko

**Stylistic features of reduced words in poetry (in the English,  
Russian and Italian languages)**

Russian State Geological Prospecting University (Stary Oskol Branch)  
14/13 Lenin St, Stary Oskol, Belgorod region, 309514, Russian Federation  
Moscow State Linguistic University, Laboratory of Psycholinguistics  
bld. 1, 38 Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russian Federation  
*e-mail: floradale@mail.ru*  
*ORCID: 0000-0003-0439-1865*

*Received 19 March 2019; accepted 1 June 2019; published 30 June 2019*

**Abstract.** The relevance of the research is related to the interest of modern linguistics in pragmatic and stylistic aspects of language, on the one hand, and to the scientific gap in studying the specifics of shortened poetic forms and their functioning, on the other hand. The article analyses reduced lexical units typical for English, Russian and Italian poetry. It focuses on the poetic connotative layer of semantics. An attempt has been made to reveal the productivity of various types of shortened lexemes in poetry. Such poetic devices as elision, contraction, syncope, apocope, apheresis, crasis, synaeresis are considered in the work. The terms for describing shortenings slightly differ in different linguistic schools, sometimes they are interchangeable. The work is based on the descriptive method and on the study of corpus data which prove the stylistic relevance of reduced words to poetry. The frequencies of full and shortened forms are contrasted in the main and poetry sections of the corpora. The article deals with the shortenings used only in poetry (poetic words) as well as the shortenings found both in poetry and other language registers. The work describes some universal and national peculiarities of using certain reductions in lyrics. It also analyses the reasons why poetic language applies shortened forms. The research contributes to the study of the genesis of poetic connotations.

**Key words:** poetry; reduced word; poetic connotation; poetic word; frequency.

**How to cite:** Shevchenko S.N. (2019). Stylistic features of reduced words in poetry (in the English, Russian and Italian languages). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (2), 108-118, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-11

**Introduction**

The demand for studying stylistic features of language is due to the current interest of linguistics in pragmatic components of speech. However, such stylistic aspect as the ability of shortened lexical forms to convey poetic connotations has not been fully examined yet. A.N. Kuleva explores truncated adjectives in Russian poetry, however, she does not consider other types of shortenings (Kuleva, 2017). Most studies related to the specifics of shortened forms deal with the analysis of truncations that are found mainly in informal language

and media discourse where a speedy character of fluent spontaneous speech is the trigger mechanism of word shortening (Pletneva, 2011; Stoika, 2017). In particular, researchers study young people's sociolects (Lashin, Sinelnikov, 2017), advertising slogans (Matyushenko, 2018). In studying phonetic variability E. Laporte neglects stylistic factors determining the development of phonetic variants, i.e. he does not bear in mind certain stylistic differences (Laporte, 2013). Despite the fact the shortenings in poetry are numerous and enjoy significant amounts of stylistic connotative meaning, the universal

and national specifics of their formation and functioning in lyrics have not been fully described so far.

Language of poetry, on the one hand, is subject to the basic laws and principles of the standard language and at the same time it has its own characteristics forming a specific register in which general language rules are supplemented with poetry norms and regulations (Mukařovský, 1983). On the whole the vocabulary of verses duplicates the vocabulary of standard language – for the most part the same lexemes are found in poetic texts as in everyday language, but the poetic vocabulary withal has its own distinctive features. Stylistic discrepancies are resulted, inter alia, in changes of the very forms of words in poetry as compared with the forms functioning in daily language, in particular, in morphophonemic variation leading to appearance of various shortenings of standard full words (or to the preferred usage of existing shortened units). The modified forms aim to highlight “secondary elements of meaning” as Tynyanov called them, they are the result of “colouring the word by the nature of the activity or by the environment that once changed and created it” (Tynyanov, 1965; *hereinafter the translation is ours – S. Sh.*). However, shortened poetic forms are not always the product of poetic speech, they are often borrowed from other language registers and dialects and later they acquire a specific colouring associated with the amplification of secondary elements of meaning in verses. So, the semantics of truncated words used in poetry is enriched with specific stylistic connotations. It is clear that “morphology is not isolated from other linguistic levels, it is deeply enrooted in the language texture being an essential component influencing the development of meaning in the course of speech producing” (Besedina, 2015: 11) This article is devoted to the description of shortened lexical units with rich poetic connotations and to the analysis of their features in English, Russian and Italian. The work is undertaken to find out the reasons

why poetry prefers truncated forms, to consider the types of possible reductions and their productivity in verses of different languages. In our study we take into account only the shortenings which are fixed in writing, those ones that are morphophonemic. Such shortenings are compared with the conventional word forms that are used in standard language, in other words we focus on studying pairs of words: both full and shortened variants.

### Terminological difficulties

One of the difficulties the researcher of shortenings comes across is the absence of the general linguistic term interpreting common understanding and giving overall definition to various phenomena of word shortenings. Metaplasms are any changes in word forms based on both reductions and additions of new phonographic elements; this term is not suitable for our study as we consider only shortenings. In order to describe reductions linguists apply diverse terms: syncope (clipping, truncation), apheresis (clipping, syncope), apocope (clipping, syncope), elision (with various adjacent word synonyms), contraction, synaeresis, crasis. They are used to describe existing types of reduction. As we can see the terms are often interchangeable. The most common one is syncope that has slightly different meanings. In versification syncope is interpreted as rhythmic inversion – the accent shifts from the stressed syllable fixed by the norm to the unstressed syllable, the phenomenon occurs because the poet tries to adjust the text to a given metro-rhythmic pattern of the poem (for example, in accentual-syllabic verses): *высоко – високо (high)*. Such syncope is thought to be a weak point of the verse and is usually considered as a poetic error. In the current paper this kind of syncope is not considered.

We study the syncope interpreted as a loss of a sound or syllable in a word occurring primarily in poetic language. But even in this case the understanding of syncope is not unambiguous. The term most often denotes the omission of a vowel, less often a syllable, in the middle of a word. As a rule, the initial

loss of a sound/syllable is terminologically denoted as apheresis (left clipping), the final loss – as apocope (right clipping). But syncope sometimes refers to reductions occurring in any segment of the word, in this case apheresis and apocope are considered as subsets of syncope.

In poetry two types of truncated word forms circulate: fixed by the poetic tradition and occasional speech variants resulting as an author's variation. In this regard the fixed reduced forms are described as *contractions* while speech phonetic shortenings are more often denoted as *elisions*. At the same time elision is understood as omission of the final vowel in a word in the Latin (poetic) tradition, it is also considered as a synonym for syncope: “The general term for a loss of sound segments in the field of linguistics is known as “elision”. Other types of elision include the processes of apheresis, syncope, apocope, synizesis and synaloepha” (Trask, 2000: 102).

Contractions in European languages are often marked with the apostrophe substituting a part of word that has been lost, but contraction also denotes syneresis (in Russian linguistics) when two vowels merge into a diphthong. Similar process is *crasis* when a diphthong turns into a monophthong (though the interpretations of these two terms may slightly differ).

The current study does not aim to select and substantiate the most appropriate terms for the considered linguistic phenomena. However, if we look for the general definition for the process in which a word loses some of its segments, it could correctly be referred to as reduction, truncation, or shortening.

#### **Reasons for word truncation**

It should be noted that some kinds of reduced word forms are used not only in poetic texts but also in other language registers. The specificity of a national language determines the general tendencies in shortening. Word reductions in Russian, English, and Italian have some discrepancies in the productivity of the ways used to truncate lexemes. The English language in its

everyday usage (and especially in the colloquial informal version) enjoys apocope occurring when the word loses a rather large final segment: *literature* – *lit*. Another common poetic device in the English language is numerous contractions like the following: *it is* – *it's*. In Italian there are similar contractions of two forms when articles join nouns: *l'albero* (*tree*). Moreover, in this language there are numerous elisions at the end of words: *vuole* – *vuol* (*wants*). In the Russian language the process of syneresis is quite common resulting in the contraction of two adjacent vowels into a diphthong making one syllable out of two: *обновление* – *обновленье*; such shortening does not undergo nominal merging. Another common device is apocopation of particles: *ли* – *ль* (*if, whether*). Simultaneous usage of several ways to shorten a word is often possible. Thus, one of the reasons why truncated forms in verses are coined and used is the peculiarities of the national language which dictate the preferred ways of shortening; this process is started by the general tendency to simplify language.

On the other hand, there are reasons for using shortened word forms in lyrics connected exclusively with the specifics of poetic language itself. First of all, it is the need for the rhythm of words to be adjusted to the metro-rhythmic pattern of a verse texture. The presence of pairs of words with the same (similar) root but with a different number of syllables in a language allows the poet to select lexical forms in accordance with a given kind of metric foot. Short words, especially monosyllabic, fit into a given meter and rhythm much easier. So, variation of the word form is one of the poetic tools. Elements of a pair are not stylistically equivalent. As a rule, one of them stands out bearing richer poetic connotations; this word form is frequent in poetry and is less typical for standard language. Predominantly truncated forms are poetically marked. Among such words linguists distinguish traditional poetic words (typical only for poetic language); besides them there are standard language shortenings (frequent in poetry, but also found

in other language registers) and nonce speech shortenings (coined by the poet, but used for one single occasion only). The last type of the above shortenings is not considered in this article.

Another reason why shortened forms emerge and circulate in verses is the inclination of poetic language to indirect or paradoxical nomination with creation of an aura of mystery and unusualness. The poet is driven by the desire to express the ideas in a different manner, to oppose the poetic speech to plain everyday vocabulary, but at the same time to use words with clear or easily guessed meanings. Modified poetic forms in contrast to traditional full forms act as elements of a quaint extraordinary language. “Deviations from the norm excite not only attention and communication centers, but also emotions” (Arutyunova 1999: 81-82), which are important components organizing poetic speech and poetic text. Shortened words have more intense emotional filling of the connotative layer than full word forms, the idea will be developed below. At the same time “the element of the game cannot be excluded as a factor contributing to the formation of truncations. They represent one of the ways to instantly intrigue the readers” (Matyushenko, 2018: 88).

#### Shortened word forms in English poetry

First of all, the abundance of apocopes in English poetry attracts the researcher’s attention. To begin with we distinguish those that are traditionally used in poetry and can be referred to as fixed poetic words. Mostly nouns are shortened but other parts of speech are also subject to truncation that “in English typically yields monosyllabics which are high in expressivity” (Miller, 2014:184). The examples of poetic apocope are the following: *morn* – *morning*, *maid* – *maiden*, *vale* – *valley*, *mead* – *meadow*, *pard* – *leopard*, *mount* – *mountain*, *fount* – *fountain*, *ceil* – *ceiling*, *helm* – *helmet*, *list* – *listen*, *yester* – *yesterday*, *enow* – *enough*, *oft* – *often*, *isle* – *island*, etc. In this list of pairs the first words have rich poetic connotations and have

become specific poetic words fixed in the literary tradition. They are quite frequent in English lyrics, poets have actively used them, for example, there are three apocopes at once in one line from the poem by T. Hardy (Hardy, 1988):

*We’ll come **morn**, **noon**, **eve**, everywhen!*  
(from *morning*, *noonday*, *evening*)

The statement that shortened forms, in particular, apocopes have more poetic connotations in comparison with full word forms is proved through the analysis of the Corpus data. In the British National Corpus the index *ipm* (instances per million) of the word *morn* in the main section (All) is 0.46 while in the Poetry Section it rises up to 4.56; the word *oft* has the indices of 1.69 and 4.56 respectively.

Along with the poetic apocopes English verses are abundant in poetic aphereses. In addition to the everyday language ‘*cause* – *because* other highly poetic aphetisms are common: ‘*tis* – *it is*, ‘*twere* – *it were*, ‘*pon* – *upon*, ‘*gainst* – *against*, *midst/mid* – *amid* etc. Poetic apheresis unlike apocope is usually marked with the help of apostrophe in English:

*Here, I have ‘scaped the city’s stifling heat;*  
*But ‘neath yon crimson tree;*  
*‘Mong briers, and ferns, and paths of sheep;*  
*... and ‘twixt the earth and sky;*  
*... he beat / ‘Gainst his barred sides his*  
*speckled wings*

(the examples are taken from poems by W.C. Bryant (Bryant, 1875)).

Some of the above mentioned aphetisms are also typical for informal oral speech and “clipped forms do not block unclipped or vice versa, possibly because a hypocoristic meaning is added” (Miller, 2014: 185), though the relevance of shortenings to verses is proved by the Corpus research, for example, the indices *ipm* of the word ‘*neath* in the Main and Poetry Sections of the British National Corpus are 2.6 and 9.12 respectively.

As for the syncope interpreted as omission of a sound or syllable in the middle of a word, it is not typical either for everyday English or for English poetry, one of the few

examples of this kind is *mart – market (fair)*. However, there are syncopated forms interpreted as contractions in which the loss is necessarily marked with the apostrophe: *hastening – hast'ning; heaven – heav'n; over – o'er* with its numerous derivatives (*o'ershadow; o'erlook; o'erthrow; o'erbear; o'erbrow, o'erhead; o'ercreep; o'ershoot; o'ertake*, etc.) and *ever – e'er*, also with various derivatives (*where'er; wheresoe'er; whene'er; ne'er*, etc.). The dictionary ABBYY Lingvo gives the label *literary* to the word *wheresoever*, saying its meaning is close to the meaning of *wherever*, and the dictionary labels the contracted form *wheresoe'er* as *poetic*.

At the same time English poetry applies common contraction resulting in making a single unit out of two words one of which is a preposition, auxiliary verb or pronoun; the following examples of such contractions are from T. Hardy's works (Hardy, 1988):

*wi' might and wi' main (with might/main);  
Till her power to pour 'em seemed wasted and  
gone (pour them)  
From the heft o' misfortune she bore (of  
misfortune).*

It can be concluded that shortened word forms are common in English poetry and they sometimes become typical for verses – the fact that justifies labeling them as absolute poetisms. Anyway, most of reduced forms enjoy rich poetic connotations although the ways of shortening are few.

#### Shortened word forms in Russian poetry

In Russian verses the types of shortenings are more numerous. The most poetic device is probably the syncope in the middle of a word used as the opposition of full-vowel forms to the forms which are not pleophonic. Pleophony or full vocalization goes back to the Old East Slavic language, it is enshrined in the tradition of the national language while the non-pleophonic short forms originated in the Old Church Slavonic language and now they are perceived as archaic and poetic. The examples of syncopated poetic words of this kind are the

following: *злато – золото (gold), хладный – холодный (cold), огонь – огонь (fire), берег – берег (shore, bank), ветр – ветер (wind), град – город (city), глас – голос (voice), врата – ворота (gates), глава – голова (head), древо – дерево (tree), молодой – молодой (young), серебристый – серебристый (silver), посередине – посередине (in the middle), собирались – собирались (get together)* etc. The Corpus study of frequencies proves the poetic potential of short non-pleophonic forms, for example, the form *сребрист\** (*silver*) is found in the Poetry section of the Russian Corpus more often than the form *серебрист\** (indices *ipm* are 20.52 and 1.8, respectively), and the verb *сребриться* is found only in Poetry and is not rare there. A similar differentiation concerns the usage of the word *хлад\**, which is more frequent in poetry (indices *ipm* are 20.79 and 3.21).

Meanwhile there are few deviations from the described scheme of distribution of word forms through language registers. Standard language has some short word forms that have not undergone pleophony and are currently used in daily communication: *воротиться – вернуться (to come back), ворог – враг (enemy), вослед – вслед (after)*. In this case full-vowel variants have more poetic connotations, this is also proved by some poetic indicators: the frequency of the form *враг\** and accordingly the relevance of this form to poetry is significantly reduced in the Poetry Section compared with the Main one (*ipm* 1497.7 and 495.11 respectively), at the same time the frequency of the form *ворог\** practically does not change (*ipm* 11.89 and 9.57).

There are also syncopes in Russian poetry which are the result of the loss of suffixes: *багрец – багрянец (crimson colour), человечье – человеческое (human)*.

As for apocope it is typical for Russian particles and some prepositions: *ль – ли (whether, if), уж – уже (already), средь – среди (amid, among, during), коль – коли (if), б – бы (would, should), меж – между (among, between)*. Such reduction is found

not only in poetic language, but occasionally in informal speech, for example, the form *уж* turned out to be more frequent in the Main Section of the Corpus, however, its poetic connotations are confirmed by the higher frequency index of the form *уже* compared with the index of the form *уже* in poetry: *ipm* 1082.22 and 815.99. In general, particles often undergo apocope in poetry, for example, the *ipm* index of the shortened particle *ль* is higher in the Poetry Section than in the Main one (*ipm* 9112 and 5118).

Apocope in nouns is represented by several types. The clipping of the second half of a word is processed according to the model typical for the English language: *крыл* – *крыльев* (*wings*), *дева* – *девушка* (*maiden*), *палисад* – *палисадник* (*dooryard*), but this way is not very productive. A specific Russian apocope is truncation of a noun up to a consonant, which is further palatalised: *синева* – *синь* (*blue colour*), *тишина* – *тишь* (*silence*), *высота* – *высь* (*heights*), *темнота* – *темень* (*darkness*), *сырость* – *сырь* (*dampness*) etc. For example, the frequency of the form *тишь* is higher in the Poetry Section of the Russian Corpus than in the Main Section (indices *ipm* 73.58 and 19.97). There are poems laden with apocopes as in the example by N. A. Klyuev (Klyuev, 1977):

*Черны проталины. Навозом,  
Капустной прелью тянет с гряд.  
Ушли Метелица с Морозом,  
Оставив Марту снежный плат (платок,  
полотно).  
Black are the thaw patches. The putrid  
cabbages  
Are smelling from the garden.  
The Blizzard and Frost are gone  
Leaving March a snowy shawl.*

The verse above has the reduced adjective *черны* besides some reduced nouns. Short forms of adjectives are numerous in Russian verses (*разноцветны, тесны, чисты, свежи, нежны душисты* etc.) due to their ability to rhyme with nouns easily (*нежны – весны*). The study of the frequencies of such forms also shows the

predominance of truncated adjectives in poetry over standard language (*черны*: *ipm* 18.87 vs. 1.23). Reduced adjectives are one of the constants of the Russian poetic language.

Another type of common reduction is contraction of vowels based on syneresis, it is widely used in Russian poetry: *озарением* – *озареньем* (*illumination*). Examples of this kind are also numerous: *виденье* (*dream, vision*), *дыханье* (*breath*), *вдохновенье* (*inspiration*), *обновленье* (*renewal*), *сожаленье* (*regret*), *благословенье* (*blessing*) etc. The form *дыхань\**, for instance, prevails in poetry over the form *дыхани\** (*ipm* 184.1 versus 49.6), and is more frequent in poetry than in standard language (*ipm* 184.1 vs. 31.05).

Besides enhancing poetic meanings, the variation of the endings allows the poet to adapt poetic texts to disyllables as well as to trisyllables, to adjust verses to the required number of feet: *над сонною землею* (disyllabic iamb, three feet) – *над сонной землею* (trisyllabic amphibrach, two feet).

#### Shortened word forms in Italian poetry

Apocopes in Italian poetry are common and frequent, they function as the elisions in the Latin manner (words lose the final vowel -e or -o). For instance, the following reduced forms of nouns and adjectives are found in poems by G. Leopardi: *il Sol* – *il sole* (*sun*), *fior* – *fiore* (*flower*), *odor* – *odore* (*smell*), *uom di povero* – *l'uomo* (*man*), *il ciel* – *il cielo* (*sky*), *di mar* – *di mare* (*sea*), *Nobil natura* – *natura nobile* (*sublime nature*), *orror* – *orrore* (*horror*), *il suon* – *il suono* (*sound*), *nel tempo giovanil* – *giovanile* (*at the dawn of civilization*), etc. At the same time a large number of infinitive verbs without final vowels are used in poetic texts: *sospirar* (*to sigh*), *rimembrar* (*to recall*), *guatar* (*to look suspiciously*), *cercar* (*to seek, search*), *volar* (*to fly*). Moreover, in Italian verses there are variants with archaic forms of verb endings: *Non brillin* (*brillano*) *gli occhi tuoi* / *your eyes are not shining* (G. Leopardi, 2016), *lo fan* (*fanno*) *d'ozzi beato e di vivande* / *what they are doing out of idleness and bellyfull*

(U. Foscolo, 2010). Italian poetry of past centuries preferred truncated verb forms due to their melodic sounding. Unfortunately, the available Italian Corpora (PAISÀ, CORIS) do not have Poetry Sections, so it is problematic to compare frequency indices in the considered language registers; nevertheless, the descriptive comparative analysis itself of the standard language and the language of verses benefits much.

Another typical way to shorten words in Italian is crasis. Diphthongs existing in this language are occasionally converted into monophthongs in verses forming modified language units with accentuated poetic connotations: *cuore – core (heart)*, *fuoco – foco (fire)*.

The apertisms in Italian poetry are diverse and numerous. Among them we can distinguish both poetic ones: *state – estate (summer)*, *verno – inverno (winter)*, *guardo – sguardo (gaze)*, and common in fluent speech: words beginning with *in-*, *im-* often lose the first sound: *le ‘ncresca (picks them up)*, *ne ‘ngombra (obscures)* (F. Petrarca, 2012); *mainaste (ammainaste) la vela (to lower the sails)* (G. Carducci, 2018).

The examples of the syncope with the loss of a vowel in the middle are the following: *carco – carico (burden)*, *merto – merito (merit)*. Sometimes there is a loss of a whole syllable or even a segment of a word: *il desio – il desiderio (desire)*. The poetic syncope in the Italian language also include: *opra – opera (work)*, *spirto – spirito (spirit)*. In poetry verb endings are often shortened: *veniano (venivano) a conservar (conservare) / they came to save* (G. Carducci, 2018).

In Italian like in Russian there are several exceptions to the described stylistic scheme. Some verbs in the Future Tense have the shortened standard form while the full-vowel variant has become the bearer of poetic connotations: *sapere (to know) – saperò (poetic) – saprò (codified)*; *vedere (to see) – vederò – vedrò*, etc. So, poetry strives to resist and violate the norms of standard language. Truncated forms are not a priori attributes of lyric language, their usage is dictated to a

large extent by the desire to oppose commonplace things, and if the norms of a codified language prescribe to use a short form, poetry in this case prefers the full one (however such changes of roles in language are rare). No doubt, “a sign – for instance, a word – gets its meaning only in relation to or in contrast with other signs in a system of signs” (Moghaddas, Dekhnich, 2015: 25).

### Conclusion

Summing up it is worth emphasizing the following. The reasons determining the relevance of shortened forms to poetry include: 1) the general tendency of language towards simplification which dictates the preferred national ways of reducing words; 2) the need for words to be adapted to a metro-rhythmic pattern, hence there is a demand for flexible, changing forms; 3) the desire to use nontraditional nonconventional approach to designate the world phenomena in contrast to the norms of day-to-day language. It can be argued that if there are two ways of nomination: common variant and unusual one and they apply different forms, poetic language prefers the latter in units of which stylistic connotations are expressed to a greater extent; such words are perceived as especial, somewhat mysterious lexemes.

In general, shortened units demonstrate a greater volume of poetic connotations compared to full forms. This statement is confirmed, in particular, by the Corpus studies.

In the considered above languages the productivity of certain ways of shortening is different. There are few syncope – omissions in the middle – in English, there are rare apertisms in Russian; in Italian the endings of many parts of speech are clipped actively, while in Russian the endings of adjectives are often truncated. Synecrisis and especially crasis are not typical for English. The apostrophe sign that marks shortenings is never used in the Russian spelling.

The work contributes to the study of some reasons for the development of stylistic connotations in poetry as well as to the

description of universal/national ways of fixing them in shortened language units.

#### Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры». 1999. 896 с.
- Беседина Н.А. Морфология: от морфемы к морфологически передаваемому концепту // Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». 2015. т.1, в.1. С. 4-13.
- Кулева А. С. История усеченных прилагательных в языке русской поэзии. Нестор-История, 2017. 544 с.
- Лашин М.Н., Синельников Ю.Г. Усечённые единицы в молодежном социолекте французского языка // Научный альманах: филологические науки. Тамбов. 2017. № 4 – 2 (30). С. 255-258.
- Матюшенко М.С. Усечённые лексические единицы во французских слоганах (на материале прессы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия лингвистика 2018. №3. С. 82-91.
- Плетнева Н. В. Функциональные особенности усечений в современном английском языке // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург). 2011. №1. С. 105-109.
- Стойка Д. А. Редуцированные формы русской речи (лингвистический и экстралингвистический аспекты): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2017. 22 с.
- Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. Глава II. Смысл стихового слова, 1965. URL: <http://kzref.org/you-n-tinyanov-problema-stihotvornogo-yazika.html?page=4> (дата обращения: 03.03.2019)
- Crowley T., Bowerm C. (2010), *An Introduction to Historical Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, UK
- Friedrich P. (1986.), *The Language Parallax: Linguistic Relativism and Poetic Indeterminacy*. Texas: University of Texas Press, USA
- Kelly J., Local J.K. (1989), *Doing phonology*. Manchester: Manchester University Press.
- Laporte E. A (2013), "Formal Tool for Modelling «Standard» Phonetic Variations" *ISCA Archive. ESCA Workshop on Phonetics and Phonology of Speaking Styles*. Retrieved from [https://www.isca-speech.org/archive\\_open/archive\\_papers/ppospst/pp91\\_039.pdf](https://www.isca-speech.org/archive_open/archive_papers/ppospst/pp91_039.pdf).
- Miller D. G. (2014), *English Lexicogenesis* Oxford: Oxford University Press, UK
- Minkova D., Stockwell R. (2009) *English Words: History and Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, UK
- Moghaddas B., Dekhnich O.V. The Philosophy of Structuralism in Language and Linguistics // Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». 2015. №4(6). С. 24-29.
- Mukařovský J. (1983) "Standard Language and Poetic Language. Reprinted in Josef Vachek (ed.). Praguiana: Some Basic and Less Known Aspects of the Prague Linguistic School", *An Anthology of Prague School Papers. Praha: Academia*, P. 165–185.
- Popescu I.-I., Lupea M., Tatar D., Altmann G. (2015.), *Quantitative Analysis of Poetic Texts*. Boston: De Gruyter Mouton.
- Serianni L. (2015) *Prima lezione di storia della lingua italiana*. Roma: Laterza, Italy
- Serianni L.(2001) *Introduzione alla lingua poetica italiana*. Roma: Carocci, Italy.
- Trask R. L.(2000), *The Dictionary of Historical and Comparative Linguistics*. Edinburgh Univeristy Press, UK. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search> (дата обращения: 02.03.2019)
- British National Corpus URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 04.03.2019).
- Стихотворные тексты
- Клюев Н.А. Стихотворения и поэмы. Ленинград: Советский писатель, 1977. 560 с.
- Bryant W. C. Poems by William Cullen Bryant / Collected and arranged by the author. New York: D. Appleton and co., 1875. 390.
- Carducci G.(2018) *Poesie*. Milan: Feltrinelli, Italy
- Foscolo U. (2010)*Poesie*. Bologna: BUR Biblioteca Univ. Rizzoli, Italy
- Hardy T.(1988), *The complete poems*. London: Pan Macmillan, UK

Leopardi G. (2016) *Tutte le poesie e tutte le prose*. Roma: Newton Compton, Italy  
Petrarca F. (2012) *Canzoniere*. Bologna: BUR Biblioteca Univ. Rizzoli, Italy

### References

- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and world of Man]. Moscow. Russia: Shkola "Yazyki russkoi kultury" (in Russian).
- Besedina, N. A. (2015). Morphology: from morpheme to morphological concept. *Research result. Theoretical and applied linguistics*, 1,1, 4-13. (in Russian)
- Kuleva, A. S. (2017). *Istoriya usechennykh prilagatel'nykh v yazyke russkoi poezii* [History of reduced adjectives in the language of Russian poetry]. Russia: Nestor-Istoriya (in Russian).
- Lashin, M. N. and Sinelnikov, Yu. G. (2017). Reduced units in youth's siolect in French. *Science Almanac: Philology*, 4-2 (30), 255-258 (in Russian).
- Matyushenko, M. S. (2018). Reduced lexical units in French slogans. *Bulletin of the Moscow Region State University: Linguistics*, 3, 82-91. (in Russian).
- Pletnyeva, N. V. (2011). Functional Features of reduced forms in the modern English language. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, 1, 105-109. (in Russian).
- Stoika, D. A. (2017). Reduced forms in Russian speech (linguistic and extralinguistic aspects). Abstract of Ph.D. dissertation; St. Petersburg. (in Russian)
- Tynyanov, Yu. N. (1965). *Problema stikhotvornogo yazyka* [The problem of poetic language]. Retrieved from <http://kzref.org/you-n-tynyanov-problema-stikhotvornogo-yazyka.html?page=4> (in Russian).
- Crowley, T. and Bower, C. (2010). *An Introduction to Historical Linguistics*. Oxford.UK: Oxford University Press.
- Friedrich, P. (1986). *The Language Parallax: Linguistic Relativism and Poetic Indeterminacy*. Texas: University of Texas Press.
- Kelly, J. and Local, J. K. (1989). *Doing phonology*. Manchester, UK: Manchester University Press
- Laporte, E. (2013). A Formal Tool for Modelling «Standard» Phonetic Variations ISCA Archive. *ESCA Workshop on Phonetics and Phonology of Speaking Styles*. Retrieved from [https://www.isca-](https://www.isca-speech.org/archive_open/archive_papers/ppospst/pp91_039.pdf)
- speech.org/archive\_open/archive\_papers/ppospst/pp91\_039.pdf.
- Miller, D. G. (2014). *English Lexicogenesis*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Minkova, D. and Stockwell, R. (2009). *English Words: History and Structure*, Cambridge.
- Moghaddas, B. and Dekhnich, O.V. (2015). The Philosophy of Structuralism in Language and Linguistics. *Research result. Theoretical and applied linguistics*, 4(6), 24-29.
- Mukařovský, J. (1983). Standard Language and Poetic Language. Reprinted in Vachek, J. (ed.). *Praguiana: Some Basic and Less Known Aspects of the Prague Linguistic School, An Anthology of Prague School Papers*, 165-185.
- Popescu, I.-I., Lupea, M., Tatar, D. and Altmann, G. (2015). *Quantitative Analysis of Poetic Texts*. Boston: De Gruyter Mouton.
- Serianni, L. (2015). *Prima lezione di storia della lingua italiana*. Rome. Italy: Laterza.
- Serianni, L., (2001). *Introduzione alla lingua poetica italiana*. Rome, Carocci. Italy
- Trask, R. L. (2000). *The Dictionary of Historical and Comparative Linguistics*. Edinburgh.UK: Edinburgh Univeristy Press.
- Russian National Corpus. Retrieved from <http://www.ruscorpora.ru/search>.
- British National Corpus. Retrieved from <https://www.english-corpora.org/bnc/>.
- Poetic texts
- Klyuev, N. (1977). *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. Leningrad, Russia: Sovetskiy Pisatel (in Russian).
- Bryant W. C. (1875). *Poems by William Cullen Bryant* / Collected and arranged by the author. D. Appleton and co., New York.
- Carducci, G. (2018). *Poesie*. Milan. Italy: Feltrinelli.
- Foscolo, U. (2010). *Poesie*. Bologna: BUR Biblioteca Univ. Rizzoli.
- Hardy, T. (1988). *The complete poems*. London.UK: Pan Macmillan.
- Leopardi, G. (2016). *Tutte le poesie e tutte le prose*. Newton Compton, Roma.
- Petrarca, F. (2012). *Canzoniere*. Bologna: BUR Biblioteca Univ. Rizzoli.
- Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.**  
**Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.**

**Шевченко Светлана Николаевна** – кандидат филологических наук, преподаватель Российского государственного геологоразведочного университета (СОФ МГРИ), научный сотрудник Лаборатории психолингвистики

Московского государственного лингвистического университета;

**Shevchenko Svetlana Nikolaevna**, PhD (Philology), Russian State Geological Prospecting University; Moscow State Linguistic University, Laboratory of Psycholinguistics